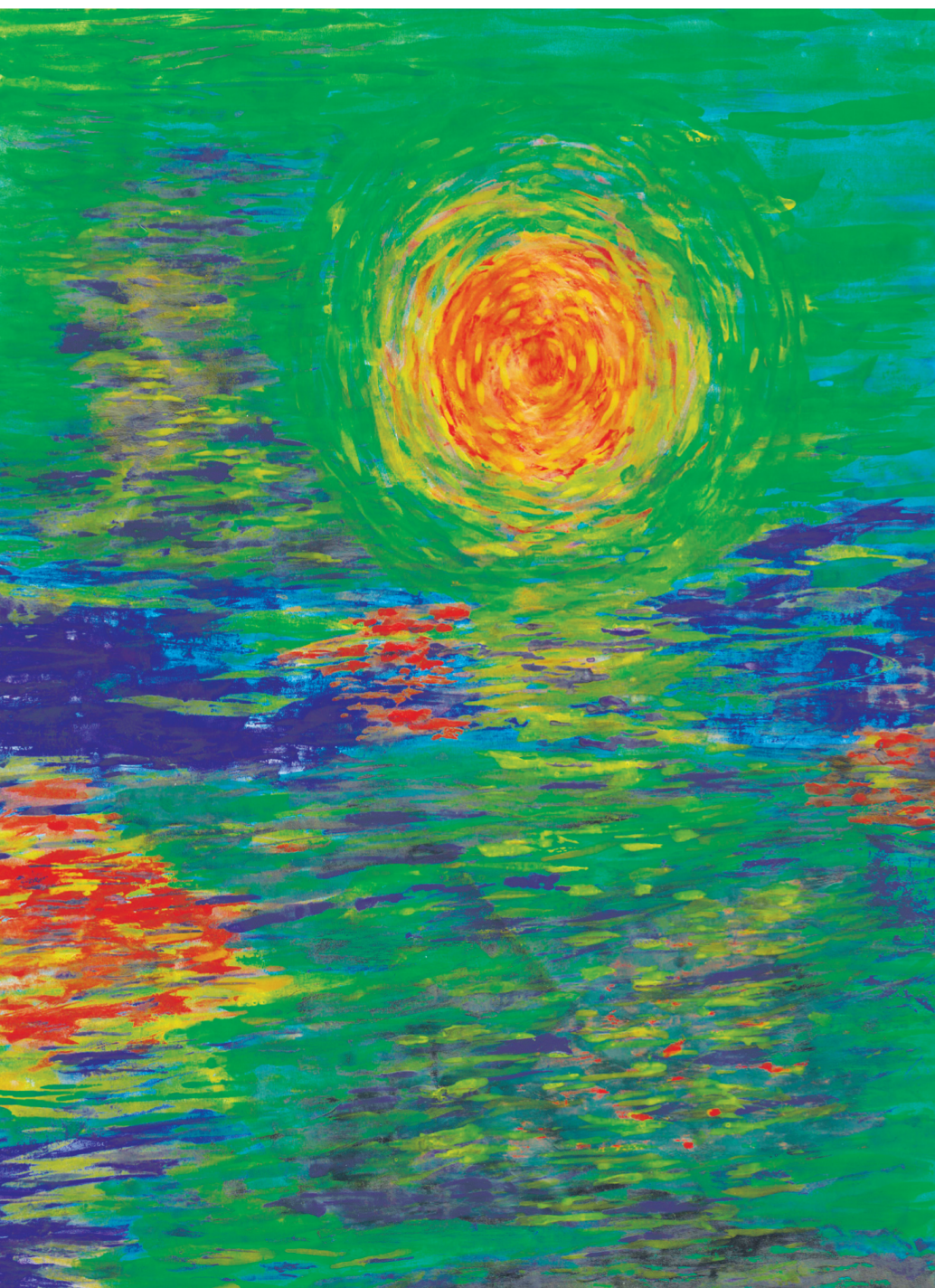

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантастика

№ 1 / 2013

Январь — Август

ЗНАНИЕ-СИЛА

Фантас**Т**ика

*Литературное приложение
к ежемесячному
научно-популярному
и научно-художественному
журналу «ЗНАНИЕ-СИЛА»*

№ 1/2013

№ 1 (16)
Издается с 2006 года

www.znanie-sila.su

Зарегистрировано 03. 08. 2006 года
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-25240

Учредители

П. Н. Ртищев
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»

**Генеральный директор
АНО «Редакция журнала
«Знание-сила»**

И. Харичев

Журнал издается при участии
Союза писателей XXI века и
холдинговой компании
«Вест-Консалтинг»

Редакция

И. Харичев (шеф-редактор)
Е. Степанов (заместитель шеф-редактора)
Д. Байкалов
Е. Харитонов

Макет

Т. Иваншина
А. Глазов

Обложка

А. Горелова

Компьютерная верстка

М. Кива

Подписано к печати 27.01.2013
Формат 60х90/16.
Офсетная печать
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.
Уч.-изд. л. 11,9. Усл. кр.-отт.
31,95.
Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
115114, г. Москва,
ул. Кожевническая, д. 19,
строение 6

Телефон: (499)235-89-35
Факс: (499)235-02-52
E-mail: zn-sila@topnet.ru

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются**

Цена свободная

Отпечатано в ООО «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бул.,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Сайт: www.west-consulting.com.ru
E-mail: stepanovev@mail.ru
Тел.: (495)978-62-75
Заказ № 17

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМОС

- 3** *В. Цуркан*
Монумент (повесть)

БУДУЩЕЕ

- 18** *В. Яценко*
Экипаж демиургов

- 30** *В. Ечеистов*
В плену грядущего

- 37** *К. Берендеев*
Наказание

ПРОШЛОЕ

- 49** *Н. Шмигалёв*
Хроника обратного отсчета

ЭКСПЕРИМЕНТ

- 58** *Э. Бобров*
Триста лет тому назад (повесть)

ИНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

- 75** *П. Ртищев*
Пакостник

- 84** *В. Дёминский*
Искушение Гейзенберга

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

- 90** *И. Письменный*
После возвращения (повесть)

- 108** *Р. Яковлева*
Новая игра

ЮМОРКОН

- 113** *А. Карелин*
Дикари

- 120** *О. Кожин*
Война войной, а телеабсорбция по расписанию

- 127** *К. Каримова*
Типичный представитель

- 130** *А. Радов*
Нежданные гости

Валерий Цуркан

Монумент

повесть

С Ленцем Скороходом я познакомился, когда мне стукнуло пятнадцать лет. И не просто стукнуло, а пришибло основательно, в таких условиях оказался в день своего пятнадцатилетия. Я остался совсем один, без жилья, без гроша в кармане, на чужой планете.

К началу двадцать третьего века старушка Земля превратилась в настоящий гадюшник. Люди насиловали природу, она отвечала им тем же. Население росло, еды на всех не хватало и это, конечно, не способствовало улучшению нравственного климата. Если кто-нибудь, подкравшись сзади, долбанул вас дрынком по затылку и забрал продуктовую карту, знайте — это может быть только землянин.

Мой отец имел неосторожность родиться в Москве, но когда ему исполнилось двадцать лет, он исправил эту ошибку. Купил билет на Марс, истратив все свое состояние, нажитое тяжелым трудом за пять лет работы портовым грузчиком. Денег хватило только на почтовый транспорт и ему пришлось лететь в скучном обществе мешков и коробок.

С головой у папаши было все в порядке, и на Марсе он неплохо устроился. Начав с простого торговца синтезированной пищей, мой предпринимчивый предок накопил немного денег, пустил их в оборот и солидно поднаварился на перепродаже бытовых киборгов. Выкупив фирму своего работодателя, он ее расширил, но вскоре понял, что в ней ему уже тесновато. Мой будущий родитель построил фабрику, на которой стал выпаривать воду из метеоритного льда. Некоторое время спустя папа уже был монополистом — вся питьевая вода на Марсе разливалась в емкости с лейблом «Сорокин и Компания». Потом он женился и сделал меня, и, как говорил впоследствии, товар вышел на славу при весьма низкой себестоимости.

В конце концов, его заела тоска по родине, он передал дела своему помощнику, которому, как ему думалось, можно было доверять, и мы всей семьей полетели на Землю. Дядя Юз ввязался в какие-то махинации, в результате чего компанию отца продали молотка.

Отец признал себя банкротом. Ранним майским утром, когда пелена смога опускается на город, он вышел на балкон семидесятого этажа в последний раз полюбоваться видом на Кремль и исчезающую в синеватой дымке Москву-реку. Я не знал, что у него есть пистолет. Робот-уборщик долго соскребал его мозги со стены. Мать умерла два месяца спустя то ли от

болезни, то ли от горя, то ли от страха перед тяготами предстоящей нищеты. Когда платить за номер стало нечем, меня вытурили из гостиницы, и я оказался на улице. Жить было негде, есть было нечего, а растущий организм тринадцатилетнего мальчишки нуждался в хорошей поддержке. Я привык каждый день по два раза принимать душ, съесть по две порции настоящего мясного супа на обед и ужин и пить кофе на завтрак. Но приходилось спать под мостами у вонючей реки и питаться отбросами.

На работу меня никто не брал — на Земле было полным-полно дешевой рабочей силы. А с малолетним мигрантом, у которого к тому времени была просрочена туристическая виза, связываться никто не хотел.

Зверский голод терзал меня и днем, и ночью. Первую кражу я совершил в гипермаркете, недалеко от гостиницы «Интерпланет». И сразу же, как неопытный дебютант, попался. Содержать меня в городской тюрьме не собирались, депортировать на Марс тоже, и через месяц я был на свободе. Два года я этим и существовал. Пожив месяц-другой на улице, я устраивал себе каникулы. За украденный кусок хлеба меня сажали в кутузку, и пару месяцев о пропитании можно было не думать. Но потом полиция сменила тактику. В очередной раз, попавшись на воровстве, я рассчитывал отдохнуть на нарах и поесть дармового хлеба. Но патрульные, поймавшие меня, не позволили моей мечте воплотиться в жизнь. Они попросту отметили меня и, оттащив в сторону, бросили у мусорного контейнера.

Я лежал рядом с отходами, источающими одуряющий аромат, в котором, если разобрать его на составляющие, можно заметить довольно приятные запахи искусственных яблок, груш и других фруктов. По отдельности они отлично пахнут, но стоит все это смешать, дать немножко подгнить под ярким солнцем — и получается вонь городской мусорки. Неповторимый, незабываемый запах, преследующий меня в последние два года. Настолько противный, что ни один уважающий себя бомж не станет копаться в этой куче отбросов, разве что кто-нибудь из начинающих.

Я лежал и печальными глазами смотрел в небо, затянутое пеленой дыма. Мне было о чем печалиться. Хотелось есть, все тело ломало от боли, и не было сил подняться на ноги.

— Эй, паренек, ты кто такой?

Надо мной склонился высокий и широкий в плечах дядька лет сорока, одетый по последней моде вольных торговцев. Легкая клетчатая рубашка, штаны с десятком накладных карманов и тяжелые ботинки. Его короткоостриженная голова приблизилась к моему лицу.

— Тебе-то какое дело? — огрызнулся я. — Лежу, никого не трогаю.

Он пожал плечами.

— Я тут подумал, может быть, ты поесть хочешь?

Я ухмыльнулся.

— Поесть я никогда не против. Да кто же меня накормит?

Вольный торговец помог мне подняться, отряхнул от пыли мою потрепанную куртку и протертые до дыр штаны.

— Меня зовут Ленц Скороход, — сказал он, и я вспомнил, что где-то слышал это имя. — У меня не так уж много времени, и если желаешь перекусить, то иди за мной.

— Ты бесплатно накормишь меня? — недоверчиво спросил я.

«Бесплатно» и «еда» — это были два волшебных слова, с помощью которых меня можно ввести в гипнотический транс.

Ленц хлопнул меня по плечу, едва не сбив с ног.

— Бесплатных обедов не бывает. Ответишь на пару вопросов, и мы в расчете!

Мы вошли в недорогое кафе, из дверей которого меня не раз выволакивали за уши полисмены и пинками вышибали охранники. Бармен за стойкой, похожий на вопросительный знак, злобным взглядом посмотрел на меня, но, увидев, что я с вольным торговцем, промолчал. С вольными все предпочитали обходиться вежливо, наслышавшись о их крутом нраве.

К нашему столику подкатил сияющий никелем киборг и принял заказ — два псевдобифштекса и две бутылки пива. Спустя минуту напитки и закуска были на столе. Не успел я проглотить первый кусок искусственного мяса, Ленц задал обещанный вопрос.

— Ты случайно не встречал здесь паренька-марсианина? Его зовут Игнат Сорокин.

Когда незнакомый человек называет твое имя, да еще спрашивает, где тебя можно найти, есть риск подавиться куском псевдобифштекса. Я закашлялся и облился соусом. Если бы он сказал мне это два года назад, я заорал бы от радости, но теперь я стал осторожным. Открываться первому встречному, который ищет меня неизвестно для чего, я побоялся. Но и ответить отрицательно — значит остаться голодным. Я решил поиграть со своим новым знакомым и разузнать, чего ему от меня нужно.

— Кажется, я с ним встречался, — ответил я, проглотив огромный кусок мяса. — Такой высокий, светловолосый?

Ленц пожал плечами и глотнул пива.

— Не знаю, у меня нет его снимков.

— Зачем он тебе? Он вор, как и я. Если сейчас не в тюрьме, то делает все возможное, чтобы туда попасть. Может быть, сегодня я с ним встречусь.

— Скажи, чтобы он нашел меня, вот моя визитка, — Ленц протянул мне пластиковую карточку. — Пусть он меня не боится. Я был хорошим другом его отца.

Визитку я взял, но знакомить Ленца с Игнатом Сорокиным, то есть с самим собой, не торопился. Мне нужно было время, чтобы разведать о вольном торговце все, что только можно вытянуть из таких же, как я, бездомных ребят. И понять, почему его имя так знакомо звучит.

— С луны свалился? — сказал мне первый попавшийся бродяга. — Ленц Скороход? Да это же самый известный звездный торгаш! «Скороход», это один из лучших звездолетов подобного класса, стоит сейчас в порту. Я летал на таком, пока меня не выгнали за воровство.

И я вспомнил, где слышал это имя. Когда мы с отцом жили на Марсе, имя Ленца Скорохода было на слуху, о нем то и дело появлялись сообщения. Но я никогда не видел его рядом с отцом, а торговец говорит, что они были друзьями.

Узнал я так же и то, что он покинул Землю около двадцати лет назад, года три провел на Марсе и, разбогатев там, арендовал звездолет и ушел в

свободную торговлю. Спустя пять лет он выкупил «Скороход» у прежнего владельца, обновил систему гиперпрыжка и продолжил заниматься торговлей.

Три дня я морочил Ленцу голову, обещая устроить встречу, на четвертый решил открыться. Никак не мог понять, для чего я ему нужен, но если у него имеются материальные вопросы к моему отцу, то мне бояться нечего — с меня ничего не возьмешь. А отрабатывать отцовские долги я был бы только рад — хоть хлеб воровать не придется.

— Ладно, — сказал я ему. — Открою тебе правду. Игнат Сорокин — это я.

— Я так и думал, — ответил Ленц. — Вчера я раздобыл твою фотографию двухлетней давности, ты очень изменился с тех пор. И теперь у меня нет сомнений. Собирайся, мы отправляемся на «Скороход». Ты зачислен в команду. Звездолет вылетает завтра в шесть утра.

— Ленц, можно задать один вопрос? — спросил я и получил утвердительный кивок в ответ. — Ты говорил, что был другом моего отца. Это правда? Я тебя совсем не помню.

Мы шли в сторону космопорта, Ленц положил руку на мое плечо.

— Мы с твоим отцом познакомились на Марсе, и работали там вместе. Когда пошли хорошие деньги с продажи воды, я выбрал романтику Космоса, а он решил остаться на планете. Перед смертью он послал мне сообщение, в котором просил, чтобы я позаботился о его семье. Но в то время у меня были большие проблемы с земной таможней, так что я не мог даже близко сюда подобраться. Но теперь тебе нечего опасаться.

В моей жизни произошла еще одна перемена, на этот раз со знаком «плюс». Сработал простой арифметический закон жизни — слишком много минусов обязательно трансформируется в плюс. Кто-то там, на небесах, снова перетасовал колоду и сдал карты. В моих руках оказались пять козырных тузов и три джокера, я решил воспользоваться ситуацией и сыграть. Впрочем, выбора у меня не оставалось — Ленц взял меня в тиски, и вырваться при всем желании я бы не смог. Он обещал отцу, что позаботится обо мне, и, пусть с опозданием, но выполнил свое обещание.

Звездолет был похож на готовую к прыжку лягушку. Если кто-нибудь станет рассказывать вам сказки о белоснежных лайнерах, бороздящих космическое пространство — не верьте. Даже пассажирские звездолеты, даже спейс-яхты олигархов снаружи ничем не отличаются от угольщика. Корпус «Скорохода» обгорал в атмосферах разных планет и этот загар не смоеется никакими дождями.

В тот же вечер с меня смыли грязь московских улиц, одели в красивую и удобную униформу вольного торговца. Это были не рубашка в крупную клетку и свободного покроя штаны, в которых вольные красовались в портовых барах. Настоящая униформа — с нашивками, шевронами, звездочками и кокардой на кепи. Запах чистой одежды напомнил мне о матери, и я едва не расплакался.

Меня накормили, и после ужина я познакомился с помощником Ленца, навигатором Ченом, китайцем венерианского происхождения.

— Он будет работать с тобой, — сказал ему Ленц. — Ты откроешь ему все свои приемы, ты обучишь его азам своей науки.

Чен задал мне несколько профессиональных вопросов и философски заключил:

— Мой дед был навигатором. Мой отец был навигатором. Мои девять двоюродных братьев тоже навигаторы. У нас, можно сказать, клан навигаторов. Когда мне было восемь лет, отец лупил меня, если я не отвечал на один из вопросов, которые сейчас были заданы тебе. Вывод делай сам.

— Китайская мудрость, да? — спросил я его. — По-твоему, меня полагаются убить на месте? Ведь мне давно не восемь лет и я не то, что не смог ответить на твои вопросы, я даже смысла их не понял.

Чен сощурился и без того узкие глаза, усмехнулся и сказал мне:

— Придется тебя обучать, — он вопросительно посмотрел на Ленца. — Ведь придется?

Ленц подтвердил его опасение.

— Через месяц он будет готов к поступлению в школу навигаторов, — Чен заулыбался, будто получил бесплатный обед.

Ранним утром лягушонок по имени «Скороход» подпрыгнул до орбиты и, совершив пару оборотов вокруг Земли, взял курс на знойный Меркурий.

— Я, конечно, понимаю, всем хочется отправиться куда-нибудь в другую галактику, — говорил по громкой связи Ленц, вглядываясь в экраны, где кроме черноты, испещренной светляками звезд, ничего не было видно. — Всем хочется снова вырваться из тесноты Солнечной Системы, полететь, куда глаза глядят! Отработаем этот контракт и уйдем в долгий и более интересный рейс. Клянусь своей будущей лысиной, нам всем поставят памятник из чистого золота!

Вообще, впоследствии я часто слышал от Ленца эту фразу. То ли он шутил, то ли действительно мечтал о памятнике, изображающем его со своей командой на фоне «Скорохода».

— Поставят нам памятник, как же! — бурчал Чен, склонивший голову над электронной картой Солнечной Системы, разделенной на множество секторов. В одном из них пульсирующее светила маленькая точка, отдаляющаяся от Земли.

Я стоял за спинкой кресла и через плечо наблюдал за его быстрыми пальцами. Мне было непонятно, что значат эти хаотичные переключения тумблеров. Но я надеялся, что когда-нибудь буду так же непринужденно манипулировать этими таинственными кнопками и рычажками.

Чен повернулся ко мне и с легкой полуулыбкой заметил:

— Этой тягомотиной тебе придется заниматься ежедневно, если ты выберешь профессию навигатора. Не слушай никого, когда тебе станут вешать на уши лапшу о романтике. Никакой романтики я в этом не вижу. Понятно?

— Понятно, — со вздохом ответил я.

— Раз ты такой смысленный, то идем играть в карты. Автоматика доведет «Скороход» до Меркурия, мы понадобится лишь перед посадкой. Наша основная работа проводится перед стартом, мы должны рассчитать траекторию пространственного полета и гиперпрыжка, а все остальное — за автоматами.

Меня научили играть в звездный покер. За два дня полета я проиграл месячное жалование, а потом половину отыграл.

На Меркурии я думал выйти на поверхность и побродить по космопорту, но Ленц никого не выпустил. Мы быстро разгрузились, взяли новый груз и отправились на Венеру. Там было то же самое, что и на Меркурии. Киборги с коробками сновали по трапам, перетаскивая товар, потом забили трюмы «Скорохода» рудой, и мы полетели на Сатурн.

За месяц мы два раза побывали на Венере, три раза на Меркурии, и четыре раза на Сатурне. «Скороход» летал между этими планетами, как пчела промеж цветов. Ленц называл эти рейсы тараканьими бегами, ведь он больше привык к межзвездным перелетам. Но раз подписал контракт, то надо было его обрабатывать.

Обычно «Скороход» ходил по таким маршрутам, по каким осмеливались летать лишь такие же, как и Ленц, волки-одиночки из вольных торговцев. Торговые корпорации в эти отдаленные уголки Вселенной старались не лезть даже с эскортом из боевых крейсеров.

— Последний рейс по Солнечной Системе, и надоевший контракт закончен! — объявил как-то Ленц. — Я уже почти договорился с одним дельцом, махнем в созвездие Ворона. Скучать не придется, я вас уверяю.

Я был рад больше всех. Еще бы! Пройти легендарным маршрутом Ленца и Чена, который они проторили лет десять назад! Увидеть звезды, которые отсюда и в самый мощный телескоп не разглядеть! Скоро мы долетим до Нептуна, а там «Скороход» загрузится по самое не могу, и мы уйдем в дальнее плавание! Я чуть не бросился обнимать Ленца от наплыва чувств.

— А тебе, Игнат, придется немного пожить на Плутоне, — охладил он меня. — Я уже подал заявку в школу навигаторов. Чену нужен толковый помощник.

Я был так расстроен, что даже не заметил, как оказался пассажиром лайнера «Звезда», следующего маршрутом Нептун-Плутон. А «Скороход» растаял в черноте Космоса, оставив меня в одиночестве.

В школе навигаторов ко мне относились с уважением, ведь меня направил сюда сам Ленц Скороход, а он не станет рекомендовать кого попало. Это было лучшее учебное заведение подобного рода в Солнечной Системе, и без его протекции меня бы не приняли. Мне не очень-то хочется вспоминать о годах учебы — ничего интересного там не происходило, а рассказывать, как я сутками корпел над математическими расчетами, мне абсолютно не интересно. А если кто захочет узнать — каково это, пусть летит туда и попробует поступить сам. Или хотя бы попытается разобраться в названиях учебных приложений, которыми нас пичкали по десять раз в день. В общем, эту школу смогли закончить только законченные (простите за каламбур!) романтики космоса и такие бедолаги как я, которым некуда было деваться.

В эти пять лет не произошло решительно ничего примечательного, кроме того, что я вырос и превратился в статного молодого человека с модной на Плутоне остренькой бородкой. Еще одна перемена касалась моих мыслей. Теперь я не думал, я высчитывал ходы — каждодневные навигационные вычисления научили меня видеть окружающий мир в системе коор-

динат. Чтобы, например, взять бокал пива со стойки бара, я мысленно называл его координаты (причем, делал это чисто автоматически), и только потом моя рука приходила в движение и дотягивалась до него. Но стоило мне покинуть школу, это стало проходить. Да, в том же баре на Плутоне это свойство мне очень пригодилось. Я ждал лайнер до Юпитера, где месяца два спустя должен пришвартоваться «Скороход» с грузом аж со звездной системы Тринидад. Лайнер задержали, и я, коротая время в баре, с непривычки напился и ввязался в драку с каким-то матросом. Он был на голову выше меня, здоровый такой детина. Я его почти не видел в пьяном дыму, но мысленная сеточка координат помогла мне свалить его тремя точными ударами. Матроса увезли в госпиталь, а со мной провели воспитательную беседу после трех таблеток реактивного отрезвителя. Оказалось, что каждый выпускник нашей школы в ожидании транспорта напивается в стельку, затевает потасовку и выходит из нее победителем. После процедуры покаяния меня отпустили, я едва не опоздал на свой лайнер.

На Ио, спутнике Юпитера, я ошивался два месяца. По барам ходить опасался. Если на Плутоне я считался выпускником элитной школы, и мне многое могло сойти с рук, то здесь я был всего лишь еще одним транзитным пассажиром, которого за пьяную драку упрячут в каталажку и не взглянут на диплом с высокими оценками.

Умирая от скуки, я накопил газет и целыми днями лежал в гостиничном номере и просматривал новостные ролики. Изредка появлялись сообщения о Ленце Скороходе. В них говорилось, что «Скороход» потерпел аварию при подлете к одной из планет Тринидада, попав в плотный метеоритный поток. Но Ленц доставил груз в полной сохранности, подлатал свою посудину, набрал товара и возвращается в Солнечную Систему.

Когда «Скороход» вошел в зону юпитерианского региона, несколько кораблей бросились навстречу. Как я хотел оказаться на одном из них, чтобы первым встретить звездолет! Я места себе не находил и шатался как неприкаянный по космопорту, каждую минуту поглядывая на часы. Время остановилось, и сдвинуть его с мертвой точки казалось мне безнадежным делом. Я пытался представить себе, что же чувствовали мои друзья после столь тяжелого рейса, но картина получалась бледная — нужно самому все это пережить, чтобы понять. К базе Ио «Скороход» подходил с внушительным эскортом. Когда он опустился на посадочном поле, я увидел, что звездолет пребывал в плачевном состоянии после прохождения метеоритного потока, и у меня защемило сердце. Сильно же их потрясло!

Ленц и Чен были рады мне, но этот рейс измотал их. Проявление радости, когда я оказался на звездолете, заключалось во фразе «привет, Игнат!», после чего вся команда впала в продолжительную спячку.

Когда они, отдохнувшие, стали расспрашивать меня о том, как я провел эти пять лет, то рассказывать, в сущности, было нечего. О чем я мог им рассказать? О том, как днями и ночами корпел над учебным материалом? Они, в свою очередь, тоже неохотно вспоминали о последнем рейсе. Все, что я смог вытянуть из них, было мне уже известно из новостных роликов.

На ремонт «Скорохода» ушло полтора месяца, после чего мы совершили ничем не примечательный рейс на Меркурий, затем такой же неинтерес-

ный полет на Венеру. На Венере Ленц загрузился товаром, и мы полетели на Марс. Ленц пообещал, что потом мы отправимся куда-нибудь в дальний космос.

— Мы еще побороздим Вселенную! — говорил он. — Нам еще памятник поставят!

— Поставят! — скептически отвечал Чен. — Как Гагарину.

Я даже сейчас не могу понять, что это было — просто традиция такая, о памятнике в свою честь говорить, или он на самом деле мечтал об этом. Но памятника Ленц все же дождался. Не такого, какой хотел, но дождался.

...Итак, мы на Марсе. Пока автоматы занимались разгрузкой, Ленц отпустил меня и Чена погулять по городу. Это был огромный купол, при-мыкающий к космодрому. Таких стандартных станций по всем планетам Солнечной Системы разбросано неизвестно сколько. Мы с отцом жили в Марсограде, городе, связанном со столицей Марса длинной кишкой-коридором, по которой то и дело летали скоростные грузопассажирские транспорты. Здесь, в столице, которая, кстати, так и называется, Столица, обитает около миллиона жителей, а лет сто пятьдесят назад жило всего лишь несколько специалистов. И никакой столицей город еще не был. Обычная научная станция. Города, как и люди, растут и размножаются.

Все постройки были типовыми, как и на Плутоне, но все равно, прогуливаясь по закоулкам города, я вспоминал свое детство. Мы с отцом часто бывали в Столице, и я ничего не забыл. Много, конечно, изменилось, но город продолжал напоминать мне беспечное время, проведенное с отцом и матерью. Где-то за этим поворотом должен быть ресторан, хозяином которого был старый еврей. Мы дошли до поворота. Ресторана не было. Я стал расспрашивать прохожих и один из них сказал, что еврей давно помер, а его дети продали ресторан и улетели на Землю.

К нам подошел невзрачного вида клерк.

— Простите, а вы за кого голосуете?

— Мы неместные, — вежливо отмахнулся Чен, но взял несколько рекламных дисков.

— О, да у вас демократия? — догадался я.

— Да, у нас демократия! — гордо заявил марсианин. — А вы с какой планеты, если не секрет? На марсианских выборах могут участвовать даже сторонние избиратели.

— Мы вольные торговцы, — сказал Чен. — Мы принадлежим сами себе, наше государство умещается в нашем звездолете.

— Вы, наверно, со «Скорохода?» Как интересно!

— Ничего интересного, — пробурчал Чен. — Прожить бы годик без приключений на свою голову, это было бы интересно. Пойдем, Игнат! — он уволок меня в подвернувшийся проход.

— Завтра на главной площади состоится карнавал в честь выборов президента! — прокричал нам в спину этот смешной человечек. — Обязательно побывайте на Карнавале, вам это надолго запомнится!

Чен волочил меня за собой со скоростью курьерского поезда.

— Не так быстро! — попросил я. — Дай мне не спеша пройтись по этим улочкам. Я вспоминаю свое детство, мы с отцом часто здесь бывали.

Чен сбавил скорость и замолчал, не мешая мне. Коридор за коридором врывались в мою голову, распечатывая память. Здесь я однажды заблудился и долго не мог найти отца, а здесь меня поколотили местные мальчишки. Каждый шаг взрывался цветными картинками.

Все-таки Чен увел меня на звездолет. Я вернулся на «Скороход» полный воспоминаниями десятилетней давности. Разгрузка была закончена, команда отдыхала. Ленц ушел в город договариваться о следующем контракте. Перед уходом он дал нам с Ченом задание — рассчитать траекторию гиперпрыжка до планеты Джабраил, вращающейся вокруг звезды Эдем из созвездия Око Дракона. Именно туда мы должны будем доставить новый груз. Звездолет выйдет за орбиту Марса, нырнет в гиперпространство и выйдет из него за миллион миль от окраины планетарной системы звезды Эдем. Небольшая ошибка в вычислениях и мы теряем ориентиры и оказываемся невесть где, откуда никогда не выбраться. Или врезаемся в одну из планет Эдемской Системы при выходе из подпространства. Или вообще попадаем в другую Вселенную, если таковые существуют. Иные вселенные — древний миф, основанный на куцых знаниях природы вещества. Ведь если существует ноль-пространство, то должны существовать и вселенные, которые оно объединяет, служа коллектором для них. Никто этих миров не встречал. А если кто бывал в них, то остался там навечно. На эти мифические дубль-вселенные списывают все пропавшие без вести звездолеты. Это удобно для тех, кто не желает отвечать за неисправные гиперпространственные генераторы и за ошибки в вычислениях.

К вечеру мы закончили предварительные расчеты для гиперпрыжка. Поздно вечером объявился Ленц и сообщил, что контракт подписан, «Скороход» завтра становится на погрузку и на рассвете следующего дня отчаливает. Я едва его уговорил, чтобы он отпустил меня на карнавал. Он упирался, но Чен замолвил за меня словечко, сказав, что я свою часть работы выполнил, осталось только сверить расчеты.

Остаток вечера, ночь и утро я провел в предвкушении карнавала, я никогда не бывал на подобных грандиозных праздниках. Ночью мне снились салюты и фейерверки.

Утром я надел выходную форму вольного торговца и ушел, оставив своих товарищей на звездолете. Пистолета я брать не хотел, но Ленц настоял на этом, таковы правила. Правила есть правила, тут ничего не поделаешь, и мне пришлось нацепить под китель кобуру с дальнобойным пистолетом.

В городе было полно народу. Праздник начинался. Всюду продавали дешевые карнавальные костюмы, и я приобрел мантию и колпак звездочета. Мне пытались всучить длинный пластиковый телескоп, но в мои планы не входило таскаться по площади с этим тубусом. Я надел мантию и натянул колпак так, что из-под него торчала только моя борода. Золотые звезды на черном фоне — этот наряд явно был мне к лицу. Правда, идти сквозь толпу в колпаке, закрывающем глаза, было неудобно, и я регулярно наступал на ноги разным сказочным персонажам.

Люди вокруг меня веселились, толкались, какой-то средневековый рыцарь больно ткнул меня копьём в зад, и, вежливо извинившись, исчез в

разноцветной толпе. Кого здесь только не было! Одних только Красных Шапочек разных моделей и покровов я насчитал штук пятьдесят.

Громко играла музыка. Рядом со мной мирно беседовали Сталин, Гитлер, Наполеон и Чингисхан. Демократия! Невдалеке стояли мушкетеры и инопланетные чудища. Чудищам в их громоздких костюмах было жарко и они постоянно чесались. Одно из них обратилось к мушкетеру с просьбой одолжить на время шпагу и принялось скоблить себе спину.

Вечер начинался, людей становилось все больше и больше, они мощными потоками выходили из нескольких коридоров. Солнце померкло, сквозь прозрачный купол стали видны звезды. Где-то высоко зажглись огни, ярко освещая площадь. В разных углах какие-то затейники устраивали всевозможные игрища и конкурсы, меня втянули в хоровод и заставили петь песню, слов которой я не знал. Едва я вырвался из их цепких рук, как меня взяли в оборот два клоуна, с которыми мне пришлось станцевать какой-то диковинный танец.

Но вдруг все игры стихли, и после минутной тишины раздался восторженный глас народа, оглушивший меня. Никогда раньше я не слышал, чтобы люди так фанатично встречали кандидата в президенты.

— Сограждане! — мощные колонки разнесли его голос над площадью. — Я безмерно благодарен вам за доверие, оказанное мне. Когда я стану президентом, то первым делом избавлю вас от безработицы. В этом квартале заканчивается строительство нового завода по переработке метеоритного льда, мы уже начали набирать персонал.

Голос кандидата в президенты показался мне слишком уж знакомым. Я пробился поближе к оратору и всмотрелся в его лицо. Я узнал его! Это был тот самый человек, который оставил меня без родителей, благодаря которому я едва не помер с голоду! Это был дядя Юз. Я выхватил у соседа рекламный буклет и, пролистав его, вернул обратно. Меня озарило. Юзеф Штерн, кандидат в президенты, владелец заводов, газет, пароходов. А, главное, владелец фабрик по переработке метеоритного льда, которые по праву принадлежали моему отцу. Бедный мой отец, как сильно он заблуждался, думая, что крах его компании был вызван ошибкой управляющего! Нет! Юзеф все рассчитал, он сделал это намеренно, он планомерно лишил моего отца всего, что у него было!

Слепая ярость волной окатила меня. Моя рука бессознательно выхватила из-под мантии пистолет и направила его на будущего президента, а палец несколько раз нажал на спуск. Не договорив фразу, Штерн покачнулся, схватился руками за грудь и повис на тумбе с разложенными листками бумаги. Листки вспорхнули как испуганные бабочки и разлетелись в разные стороны. Стало тихо.

Вокруг меня образовалось свободное пространство. Люди смотрели на меня кто с удивлением, кто со страхом. Они еще не поняли, что произошло. Первым опомнился Гитлер.

— Вот он! — он показал на меня пальцем, усики его дрожали. — Этот звездочет, держите его!

Он бросился на меня, но натолкнулся на мой кулак. Размахивая пистолетом, я проторил дорогу к выходу и побежал по коридору, кото-

рый вел к стартовой площадке. В голове моей стоял туман, я не сообразил, куда и зачем бегу. Кто-то схватил меня за полу плаща и сорвал его с моих плеч.

— Это торговец! — услышал я за спиной.

— Торговец со «Скорохода»!

— «Скороход»! «Скороход»! — раздавались крики позади меня.

Я добежал до коридора и увидел, что на меня несутся трое рослых полицейских. Машинально ударил первого пистолетом под дых, и он свалился на пол. Подхватив его дубинку и, размахивая ею, я ракетой пролетел между двух его товарищей. Пробежав несколько метров по коридору, свернул в боковое ответвление. Несколько раз я спотыкался и падал, но вскакивал, и бежал дальше. В конце концов, преследователи от меня отстали, а сам я заблудился в хитросплетениях марсианских коридоров. Я нашел какой-то темный закуток, что-то вроде рабочей подсобки, и упал на пол, не в силах перевести дыхание.

Отдохнув минут десять, я смог, наконец, оценить ситуацию, в которую попал. Что же я натворил! Я убил человека! Ведь не хотел же брать этот чертов пистолет! Я со злостью отбросил оружие, и оно, глухо ударившись о стену, упало в какую-то коробку. Что же мне теперь делать? Как пробраться на «Скороход»? Да нет, теперь о «Скороходе» и думать нечего! Нужно переждать, пока уляжется шум, но к тому времени «Скороход» уже улетит.

«Скороход» стартует завтра утром. Может быть, стоит попробовать проникнуть на него этой ночью? И тут вдруг я понял — если всем известно, что Штерна убил человек из экипажа «Сорохода», то Ленц попытается улететь прямо сейчас! Одно из двух — или он улетит сегодня, или его задержат здесь надолго.

Я вдруг вспомнил наши с Ченом расчеты гиперпрыжка. И только сейчас заметил, что в мои вычисления закралась ошибка. А если «Скороход» вылетит именно сейчас, то у Чена не будет времени перепроверить наши записи! Гиперпространство ошибок не прощает, я должен сообщить им об ошибке, чего бы мне это не стоило!

Я пошарил рукой в коробке и нашел упавший в нее пистолет. Там же лежал чей-то грязный комбинезон. Не долго думая, я натянул его поверх своей униформы. Приоткрыв дверь подсобки, я осторожно выглянул в коридор. Никого не было. Вспомнить бы дорогу, я бежал такими лабиринтами, что немудрено было заблудиться.

Я побежал в обратном направлении, изредка останавливаясь, и прислушиваясь к звукам в коридоре. Наверняка это были коридоры, по которым к космопорту подвозили грузы. Раза два, услышав чьи-то голоса, я успевал прятаться в боковых ответвлениях.

Наконец, я добрался до основного терминала, связанного со стартовой площадкой. И, едва повернув в него, я увидел толпу полицейских, кучкой стоявших у входа в тот самый рукав, который вел к «Скороходу».

— Откройте входной люк! — говорил один из них в мегафон. — «Скороход» не сможет взлететь, на орбите его ждут два боевых крейсера, которые разобьют его при попытке старта!

Я натянул на голову капюшон и вцепился в попавшуюся под руки тележку, нагруженную какими-то тубиками. Медленно стал приближаться к толпе полицейских.

— Стой! Куда?

— Провиант для «Скорохода»! — ответил я.

— Ты что, ничего не слышал? Сюда нельзя!

Я продолжал медленно приближаться к ним, стараясь не делать резких движений — они были на взводе.

— У нас на складе киборг сломался, мне велели отвезти это на борт «Скорохода».

— Стоять на месте! — завизжал полицейский, но я не остановился.

Он вытащил из кобуры пистолет и направил его на меня.

— Ты что, глухой? Остановись немедленно, или я стреляю.

Я подошел к ним уже достаточно близко. Резко толкнув тележку, я сбил с ног полицейского, затем подлетел ко второму и выхватил у него из рук мегафон.

— Чен!!! — закричал я что было сил. — Ошибка в расчетах! Проверь...

Несколько пуль вонзились в мою спину. Падая, я смог только прошептать:

— Проверь... проверь... проверь... ошибка...

Пистолет мне так и не пригодился, да я и не хотел больше стрелять в людей. Ведь это чертовски больно!

...В себя я пришел в тюремном госпитале. Сознание было затуманено. Вокруг меня хлопотали роботы-хирурги, только что закончившие операцию. Я увидел, как один из них выбрасывает в урну пули. Заметив, что я открыл глаза, другой киборг подкатил ко мне и вкатил в мою вену какое-то зелье, от которого мне стало хорошо, и я снова уснул.

Когда мне стало лучше, в мою палату ввели капитана полиции, и он провел допрос.

— Кто заказал вам убить Юзефа Штерна? — спросил он.

— Никто, — ответил я.

— Как вы мотивируете это убийство? — продолжал капитан.

— Личные мотивы, — сказал я.

— Никакой политики? — недоверчиво спросил он.

— Политика тут ни при чем.

— Каковы же мотивы?

— Если даже я и расскажу вам, вы все равно не поверите.

— Рассказывайте. Учтите, что каждое ваше слово будет запротоколировано. Поэтому лгать я вам не советую.

Я выложил ему все. Кто я, кем был мой отец, что сделал Юзеф Штерн с моей семьей.

— Вы должны были рассказать об этом прессе, вместо того, чтобы совершать преступление, — заметил капитан.

— И кто бы мне поверил? Вот вы, например, верите этому?

Он промолчал. Я расписался в документах, он спрятал их в кейс и ушел.

Решением суда мне дали пять лет по марсианским законам. Адвокат скостил год, ссылаясь на то, что, увидев человека, из-за которого погибли

мои родители, а я сам вынужден был нищенствовать на чужой планете, я впал в состояние аффекта.

Меня переправили в тюрьму на Фобосе, где я и должен был провести оставшиеся три с половиной года. Там мне разрешили наблюдать за новостями, и я узнал, что «Скорород» стартовал сразу же после событий на карнавале, был обстрелян на орбите двумя крейсерами, сильно поврежден, но успел уйти в подпространство, и пропал без вести. До Джабраила звездолет не добрался, и никому не известно, в какой части Вселенной он оказался. Он просто исчез. И я знал, что это случилось исключительно по моей вине. Если бы не эта спешка, вызванная убийством Штерна, то Чен успел бы обнаружить ошибку в расчетах гиперпрыжка. Звездолет пропал, и один только я мог догадаться, где его можно найти. У меня была хорошая память на цифры, и я помнил все координаты, которые мы с Ченом записывали в тот день. Я раздобыл звездную карту и стал думать, где мог оказаться звездолет Ленца. Пролежав без сна несколько ночей, я вычислил место, где следует их искать. «Скорород» не может быть на Джабраиле. По тем ошибочным расчетам, что делал я вместе с Ченом, он должен был в режиме гиперпрыжка пройти сквозь систему звезды Эдем и вынырнуть в центре системы Дельты Хвоста Дракона. Планетарная система к жизни не пригодна, поэтому туда редко кто заходил. Я узнал расположение планет на расчетное время выхода из гиперпрыжка, и вычислил планету, с которой звездолет просто не мог не столкнуться. Это была планета с грустным названием Уныние.

Адвокат навещал меня еще несколько раз. В результате этого по его совету я подал заявление в суд на покойного Штерна.

Год спустя он по секрету сказал мне, что заводы, принадлежавшие раньше отцу, а так же все остальное состояние Штерна суд, скорее всего, решит передать в мои руки.

— А вам-то это зачем? — спросил я его однажды.

— Я юрист. Закон для меня важнее всего.

Еще через полгода состоялся суд, и мы выиграли дело.

— У Штерна есть семья? — спросил я судью, когда он зачитывал приговор покойнику.

— Да, — ответил он мне. — У него большая семья.

— В этом случае я отказываюсь от всех фабрик и заводов, которые Штерн обманом отнял у моего отца, — мой адвокат схватился за голову, и я понял, что для него важнее были не законы, а нажива. — Я не хочу, чтобы кто-то пережил то же, что и я на Земле. Я согласен на половину состояния. И еще мне нужен звездолет. Это должен быть грузовик класса А, со сроком эксплуатации не больше двух лет. К моменту моего освобождения он должен стоять на стартовой площадке космодрома Столицы с полной заправкой. Покупку звездолета и снаряжение произведите за счет моих денег. Остальное пусть остается семье убитого мной Штерна.

На душе стало спокойно. Теперь у меня будет звездолет, и я смогу найти «Скорород». Не придется ни перед кем унижаться, и ничего не нужно будет объяснять.

...В тюрьме я познакомился с Резаном и со многими другими людьми и

понял, что с командой у меня проблем не будет. Я, конечно, не объявлял, что стану набирать экипаж для своего звездолета, а приглядывался к людям и понравившимся мне предлагал работу после освобождения. Подбирал экипаж из тех, кто закончит свой срок примерно вместе со мной.

— Ты оказался в нужном месте, — часто говорил мне Резан. — Здесь много профессионалов, которые случайно или намеренно преступили закон. Многие в этом раскаялись, вот из них тебе и следует набирать команду. Пусть в твоём экипаже будет лишь один убийца, и никаких воров. Лучше уж парочка таких, как я, аферистов, чем один вор.

Резан, штурман с одного из боевых крейсеров, попал сюда за то, что избил своего командира — тот отказался вернуть ему карточный долг. Азартные игры — не самый худший порок, а вот врожденное чувство справедливости меня привлекло. Резан стал моим первым помощником. Он и помог мне с подбором людей. Он знал многих матросов и офицеров, и хорошо разбирался в людях.

Когда после нашего освобождения команда была в сборе, мой «Скорород» наконец-то покинул Марс. Мне говорили, что нельзя называть звездолет в честь погибшего судна, но я не был суеверным. Мне говорили, что искать пропавший без вести грузовик — бесполезная трата денег и времени, но я верил в то, что найду Ленца. Я просто обязан был его найти, ведь он же нашел меня, когда я едва не умирал от голода, холода и регулярных избиений, пусть с опозданием, но нашел!

Полгода мы кружили по Солнечной, отрабатывая подписанный мной контракт. Я не мог сразу отправиться на поиски Ленца. Главной причиной того, что я не бросился сразу в систему Дельты Хвоста Дракона, было не стеснение в средствах, а то, что я не изучил, как следует возможности звездолета. Необходимо привыкнуть к машине, определить ее сильные и слабые стороны, и лишь потом можно было рисковать. Освободившись от обязательств, обкатав, как следует звездолет, мы решили обследовать планетарную систему Дельты Хвоста Дракона. Особенно меня интересовала планета Уныние. Я полагал, что «Скорород» Ленца должен быть именно на этой планете.

Расчеты гиперпрыжка я делал с особой тщательностью, чтобы не произошло еще одной катастрофы. Если я поставил перед собой цель найти Ленца, то меня искать будет некому.

Во избежание случайных огрехов, я вывел «Скорород» за пределы Солнечной Системы и лишь потом совершил гиперпрыжок. Какое-то мгновение спустя мы уже были у окраины Дельты Хвоста Дракона. За пару дней мы добрались до Уныния.

«Скорород» повис на орбите, и мы стали изучать планету. На второй день я заметил странный шпиль в центре пустыни. Это был звездолет Ленца. Он был целым и невредимым, если не считать того, что его носовая часть вместе с жилым отсеком оказалась впаянной в поверхность планеты. И это неудивительно — в гиперпрыжке скорость отсутствует, и звездолет, вынырнув из гиперпространства, не разбился о планету, а влился в нее. Если бы точка выхода из гиперпространства находилась под поверхностью, то мы бы никогда не нашли «Скоророда».

Покружив над планетой, я принял решение опуститься недалеко от металлического монумента. Ленц не раз говорил о памятнике, но он не знал, что воздвигнет этот памятник сам.

* * *

Голубое солнце светило холодным ровным светом, тускло отражаясь в обожженном и отполированном временем металле. Я стоял в тяжелом скафандре у подножия металлической скалы, и, задрав голову, пытался разглядеть ее верхушку. На мое плечо легла ладонь Резана.

— Это они? — голос его слегка искажился в повышенном радиационном фоне планеты.

— А кто же еще?

— М-м-да. Навигатор ошибается только один раз, — медленно произнес Резан, убрав металлизированную перчатку с моего плеча.

— Но это же была моя ошибка, — с горечью ответил я.

Я взял подготовленную пластину и принялся прикреплять ее к монументу. Металл скрипел под плазменным буром, не хотел поддаваться. На каждое отверстие ушло минут по двадцать. Крепкий металл.

Закончив делать дырки, мы закрепили пластину алмазными винтами, и отошли от скалы. В каменистой пустыне безводной и лишенной атмосферы планеты, эта скала выглядела абстрактно. Толстый цилиндр, расширяющийся к верху, на этом унылом фоне смотрелся, как говорится, ни к селу, ни к городу. Не место ему здесь, не здесь он должен находиться. Надпись на пластине была видна с большого расстояния, но можно было ничего не писать — планету Уныние навряд ли кто-нибудь посетит. Она была геологически бедной, здесь нечем поживиться. Только этот металлический монумент и мог привлечь чье-нибудь внимание.

Мне стало грустно, я так много потерял в своей жизни. Да, моя маленькая жизнь состоит из больших потерь. Нашел вот этот монумент, но поздно. Очень поздно.

— Пойдем, Игнат? — Резан потянул меня от скалы.

Я послушно пошел за ним, распахивая инструмент по карманам массивного скафандра. Еще несколько раз оглянулся, затем остановился, снял на камеру это памятное место, незаметно для Резана перекрестился и двинулся дальше.

«Скороход» ждал нас, готовый к старту.

Об авторе

Родился в 1971 году в Алма-Атинской области. С 2004 года живет в России, в городе Сызрани Самарской области.

Первый фантастический рассказ написал в третьем классе. На данный момент есть публикации в литературном приложении «Знание-сила: Фантастика», в журналах «Искатель» (Москва), «Млечный Путь», «Химия и жизнь», «Очевидное и невероятное», в двух сборниках «Звезды Внеземья».

Владимир Яценко

Экипаж демиургов

Маруф Доган потер пальцем раструб воздухораспределителя и недовольно нахмурился: мохнатый иней, густо поросший на меди, ломался, но не таял. Вместо капель на лицо посыпалась снежная пыль. Из диффузора тянуло лютым холодом, и было понятно, что обычной перезагрузкой кондиционера не обойтись.

«Датчик термостата скапутился, — решил Маруф, вытирая влажную руку о комбинезон. — Придется лезть в техотсек...»

Этого не стоило делать.

Техотсек служил тамбуром к реактору, а оттуда рукой подать до двигателей. Показывать студентам дорожку к машинному отделению было делом рискованным, даже опасным. Особенно этой троице. «Разумные твари, — с одобрением подумал Маруф. — Даже чересчур. Но если не заменить регуль температуры, через сутки они начнут мерзнуть...»

Решившись, он вернул на место декоративную плиту подволока, спрыгнул на палубу и двинулся к запретному отсеку. Набрал на пульте двери код доступа, повернул кремальеру и, переступив высокий комингс, первым делом отключил связь замка с центральным постом. В рубке сейчас никого не было, но воспоминания об истерических звонках и проблесках оранжевых маячков напрягали и тревожили. А так... тихо на пульте — спокойно в душе.

Доган отыскал комплект запчастей к жизнеобеспечу и за минуту заметил неисправный датчик. Проверив выставленную температуру (восемнадцать градусов), осмотрелся. Пахло маслом и нагретым пластиком. В полумраке тускло маячили «зеленым» индикаторы состояния систем, тонко жужжали сельсин-моторчики, придавая акселераторам нужное положение в каналах двигателя. Время от времени щелкали релюшки, отключая или приводя к жизни системы управления кораблем.

Маруф подошел к массивной отсечной двери с задранным свинцовой крышкой иллюминатором. Поперек заслонки шла надпись: «Не поднимать — убыю!», а гайка-барашек, удерживающая крышку, была густо смазана солидолом.

«Специально для блудливой ручонки студента, — ухмыльнулся Маруф, радуясь своей изобретательности. — Сюда желторотики вряд ли полезут».

Пачкать руки и самому не хотелось. Удовольствие того не стоило. Реактивной дугой, обеспечивающей равновесие моста Эйнштейна — Розена, лучше любоваться на экране монитора. Причем делать это во всем оптическом диапазоне: от ультрафиолетового до инфракрасного.

— Капитан, — проворковал в клипсе гарнитуры нежный голос, — Адель никак не может решить: к пакори подавать греческий соус или чатни?

Маруф не знал, что такое «пакори». Что такое «чатни», он не знал тоже. Бесконечные ребусы и шарады младшекурсников давно стояли поперек горла. Но он держался. В конце концов, не маленький — преддипломник. Трое суток как-нибудь стерпит.

— Спроси у Леки, Фрея, — посоветовал Маруф. — Мне все равно.

«Приятная девчонка, — Доган поджал губы и пятерней пригладил бритую голову. — Жаль, что я ей не нравлюсь». Прислушался: гарнитура отчетливо доносила перезвон столовых приборов и ворчание раскаленного мяса на сковороде.

— Алексей заперся в кубрике и на стук не отвечает, — отозвалась Адель. — Мы его уже несколько раз звали.

— Тогда греческий, — не раздумывая, ответил Маруф.

Безотказный прием: если тебе все равно, а вопрос содержит «или», выбирай первый вариант — угодишь тому, кто спрашивает. Если, конечно, ты симпатичен собеседнику.

— Шлехт! — буркнула Фрея, ее следующая фраза прозвучала едва слышно, будто она прикрыла клипсу пальцами: — В бенгальской кухне капитан понимает меньше, чем в прическах...

«Плохо», — перевел для себя Маруф, но оправдываться не стал, сообщение Адели показалось более важным:

— И давно он молчит?

— С утра, — сказала Адель. — Я пошла на вахту, а он остался в кубрике.

«Достанут они меня, — обреченно подумал Доган. — И система безопасности не поможет. Повадился кувшин по воду... К черту зачет! И диплом туда же! Жизнь дороже. В прошлый раз едва не погасили реактор. В норе!!!»

Уничтожить учебно-исследовательское судно было непростой задачей, но посильной. Как показывал опыт, способы существовали, и после двух лет преддипломной практики Доган считал себя специалистом по каждому из них. Но даже он не мог дать гарантии, что очередная группа не придумает что-то новенькое. Такое, с чем он не сможет справиться.

— Зайду за Лекой и сразу к вам, — решил Маруф, — от запахов вашей пакори в глазах темнеет.

— Врете! — рассмеялась Фрея. — Пакори — «они», а не «она». И хорошие пакори только хрустящими, когда с пылу-жару. Мы их поставим на огонь, когда вы с Лекой придете...

— А может, пусть лучше он придет в себя? — недовольным тоном предложила Адель. — Не каждый день из-за нашей любознательности гибнут люди.

— «После этого» не значит «вследствие этого», — возразил Доган. — Кроме того, есть Устав. Каждый член экипажа обязан отвечать на прямое обращение по личной связи.

— Если он не спит, — напомнила Адель.

— Или не в гальюне, — хихикнула Фрея.

— Лека предупреждал, что проспит вахту? Или кто-то видел, как он шел в гальюн?

Девушки промолчали: в наушнике слышалось бормотание чайника и постукивание ножа о разделочную доску.

— Понятно, — с раздражением сказал Маруф и вышел в тесный коридор.

Затворничество Алексея можно было понять, но не одобрить. «Трагедия», конечно, придумана садистами-экзаменаторами, а доверчивые желторотики принимают все за чистую монету... но это же не повод так раскисать!

У кубрика студентов Маруф не замедлил шаг: привычно ударил ладонью верхний левый угол двери и шагнул через порог. «Пусть знает, кто в доме хозяин!»

— Какого черта?! — недовольно тряхнув гривой роскошных льняных волос, загудел Алексей.

— Жив? Здоров? — преувеличенно взволнованно всплеснул руками Маруф. — А я уж не знал, что и подумать... места себе не находил.

— Как вы открыли? — Лека поднялся с кресла, подошел к двери и пощелкал замком. — Было заперто.

— От кого? — усмехнулся Маруф и тут же перешел на официальный тон: — Мне не нравится твое отношение к службе, студент. Мы живы, пока работаем командой. Но если кому-то нужно вытирать сопли — это не экипаж, а детский лепет на лужайке.

— Я думал...

— Думать нужно вместе, и в местах для того предназначенных. В кают-компании, например. Девушки расстарались на праздничный обед. Выходит, у них есть душевные силы о тебе позаботиться, а у тебя нет? Слабак!

— Празднуем гибель десяти человек? — насупился Лека. — Или предвкушаем убийство трех сотен?

— И даже этот вопрос нужно обсуждать командой, — спокойно ответил Доган. — Почему не пойти в кают-компанию? Пообедаем и поговорим.

— Погибло десять человек! — угрюмо повторил Алексей. — А вы только о жратве.

— Присаживайся, — Маруф, удобно разместившись в кресле, кивнул на койку. — И я не столько о жратве, сколько о нашем выживании.

Он с удовольствием отметил, что Лека все-таки сел.

— Когда кто-то из экипажа истерит, команда перестает думать, начинает жалеть и сочувствовать психопату. Это называется «человеческий фактор». Современные корабли могут справиться с любой проблемой, кроме человека. Нас убивают не звезды, а мы.

— Я не психопат! — обиделся Алексей. — Погибли люди...

— Мы тоже умрем, если ты не возьмешь себя в руки. Наша смерть как-то поправит дело? Кому-то станет лучше?

К удивлению Маруфа, у Алексея был ответ:

— Следующая цель — Денеб. Там уже не десять — три сотни человек.

— Верно, — кивнул Маруф. — Мы возьмем им почту и какую-то хрень в ящиках. Ты против?

— Нет, конечно, — вздохнул Алексей, стискивая ладони коленями. — Но меня трясет от мысли, что у каждой звезды есть свой детонатор. Десять человек можно списать на несчастный случай. Но три сотни, капитан! Это уже не курсовая работа. Это массовое убийство!

Маруф смотрел на дрожащие руки Алексея и завидовал: «Мне бы треть его адреналина. Испугаться по-настоящему, справиться со своим страхом и выполнить задачу. Мне никогда не сдать эту чертову практику. Пока декан не поймет, как я буду вести себя в полубморочном состоянии, к диплому меня не допустят. Кому нужен исследователь с неизвестной реакцией на страх?»

Природное хладнокровие и давнее увлечение аутотренингом помогли Догану блестяще пройти множество испытаний и тестов, но сыграли злую шутку на «полигоне ужасов». Биометрия раз за разом рапортовала «спокоен», и показать здравомыслие в неадекватном состоянии Маруфу никак не удавалось. Даже открытие устройств, которые при попытке контакта уходили в фотосферу и превращали звезду в сверхновую, не потревожило его душевное равновесие.

— Твои опасения кажутся справедливыми, — сказал Доган. — Но обсуждать их нужно всем экипажем. Коллективный разум предлагает лучшие решения, чем размышления одиночки.

— Например? — Лека с надеждой поднял голову. — Какое решение вам кажется возможным?

— Например, можем вернуться на Землю и слить инфу по черной орбите деканату. Пусть сами разбираются.

— Но если вокруг Солнца крутится детонатор, и какой-то идиот решит проверить это... на выходе получим тотальное уничтожение человечества. Экстремалов на всю голову хватает, и у каждого второго — БМВ с запасом хода под сотню световых лет. Что им пятнадцать сотых тераметра от Земли до Солнца?

— До сих пор детонаторы мы находили только у крупных звезд, не имеющих планетной системы, — заметил Доган.

— Может, сменим курс и поищем детонаторы у звезд, рядом с которыми нет космических баз? — неуверенно предложила Адель.

Маруф вопросительно поднял брови и, приглашая к ответу, направил открытую ладонь на Алексея. Потом понял, что тот сидит без гарнитуры и радиоконференции не слышит.

— Адель предлагает отправиться к звезде, рядом с которой нет поселков. Выходим на черную орбиту и убеждаемся в отсутствии детонатора. В этом случае ты позволишь отвезти на Денеб имущество поселенцев?

— А если мы взорвем и эту звезду? И следующую?

Маруф обратил внимание, что голос Алексея стал тверже, его руки больше не тряслись.

— Рад, что ты успокоился. А теперь, пока снова не разволновался, подумай: ты по-прежнему полагаешь, что замыкание в себе и в кубрике — более эффективный способ поиска решения, чем беседа?

Алексей с минуту молчал, потом неохотно признал:

— Вы правы, командир. Прошу прощения за нервозность. Можете отразить мое поведение в аттестации.

— Ты мне будешь указывать, что я могу отражать в твоей аттестации?

— Нет, конечно, — смутился Алексей. — Я хотел сказать...

— Мне наплевать на то, что ты хотел сказать — жестко перебил его Маруф, — важно только то, что ты говоришь на самом деле. Что говоришь и что делаешь. Запомни это, студент. А теперь отвечаю на вопрос: если мы отыщем третий детонатор, то соберемся в кают-компании и продолжим обсуждение. Принимать решение буду я, лично и под свою ответственность. Но процесс решения — только командным способом, что значит сообща... И надень, черт подери, гарнитуру!

— Да, капитан.

— Хорошо, — сдержанно качнул головой Доган. — А сейчас мы вернемся к женщинам и совместим прием вкусной пищи с выбором звезды, которую разнесем в глухом, безлюдном месте...

* * *

Выйдя из небытия в обычный космос, Доган не стал медлить: вплотную подвел корабль к «черной» орбите и стабилизировал движение в обратном вращению звезды направлении.

— А если в этой системе детонатор движется против шерсти? — спросил Алексей.

— Сделаем десяток витков и развернемся, — сухо ответил Маруф.

Неожиданно он понял, что все произойдет именно сегодня. Он понял это, и успокоился. В конце концов, что желторотики могут? Вывести из строя навигационную систему и отправить судно к черту на рога? — Было! Так поступила группа, которую техники убедили в заражении неизвестным вирусом с неопределенным инкубационным периодом. Тим-лидер студентов математически доказал, что все население Земли будет инфицировано за три года, а потом в течение ста лет вымрет. Студенты сумели добраться до комп-навигатора и стереть из его памяти карты червоточин. Хорошо, что схема корабля располагает дублирующим навигатором, который взял управление на себя и вернул корабль на Землю.

Или когда группа была уверена, что по кораблю расползлись нанороботы, которые затаились и ждут встречи с механизмами людей, чтобы вернуть человечество в первобытное состояние.

«Незабываемо, — с уважением подумал Доган. — Заморочили автомоториста настолько, что он был готов вынуть управляющие стержни, не выходя из норы. Если бы у них получилось, корабль размазало бы по Метагалактике с плотностью один атом на кубический парсек».

Ему стало холодно. Маруф зябко повел плечами. Он покосился на боковые кресла, где девушки, склонив головы, шептались. Лицо Фрей терялось в полумраке, но Догану казалось, что он запомнил его на всю жизнь: ямочки на щеках, чуть вздернутый нос, пушистые ресницы и пронзительной голубизны глаза... «О чем они все время шушукуются? Зажимают пальцами клипсы и болтают без устали. Девчонки знакомы с

детства, в Москву приехали из Швейцарии, родились в одном кантоне с непроизносимым названием и смешной численностью населения в пять тысяч душ... откуда они берут темы для бесконечного разговора?»

— Регистраторы активности фотосферы включены, — сообщил Лека. — Фрея, подработай фокусировку, сканер внутренних потоков «плывет».

«Так-то лучше, — одобрительно подумал Доган. — Спасение человечества дело нужное, но от сдачи курсовой работы не освобождает».

Темы курсачей, с которыми пришла эта тройца, на оригинальность не претендовали: аномально высокая температура короны, пульсации звездных оболочек, смерчи и вихри в фотосфере. Что и говорить: загадки докосмической эпохи.

Доган придирчиво осмотрел состояние индикаторов — всюду «норма», следящие и контролирующие системы не усматривали ничего заслуживающего внимания человека.

Он перевел взгляд на главный экран. Бурление фотосферы гипнотизировало. Кипящая плазма лопалась огненными пузырями, чтобы через минуту изменить цвет с голубого до остывшего коричневого и уйти на глубину, уступая место более теплым гранулам. Ядерное варево поплеывало красными вспышками, адский котел занимался привычной работой, которая ни на секунду не прекращалась уже несколько миллиардов лет.

— Вижу объект! — тревожным шепотом сообщила Фрея.

— Где?! — неприятным фальцетом отозвался Алексей.

«Что-то быстро, — оценил Маруф. — Второй встречи ждали несколько часов. Может, они как-то переговариваются между собой? Знают о нас?» И тут же себя одернул: «Господи, о чем я думаю... это же все спектакль! Вдобавок, как они могли бы общаться? Вспышку второго детонатора отсюда можно будет увидеть только через десять тысяч лет, а способов передачи сигналов по ЭР-мосту не существует...»

— Командир? Переключить картинку на главный экран?

— Картинками пусть занимаются в детском саду, — недовольно проворчал Доган. — Уточните параметры орбиты и сколько можно вытяните по свойствам. Все остальное — в запись. В норе полюбуемся... впрочем, обозначьте положение маркером и дайте отсчет расстояний.

На холмистой поверхности фотосферы появился белый круг с красной точкой посередине.

— Расстояние пять — двести.

Маршрут объекта обозначился черной ниткой: пройденная часть — сплошной линией, а путь, который детонатору предстояло пройти, — пунктиром.

— Четыре — восемьсот.

— Для нас критичны три с половиной тысячи, — напомнил Лека. — На этом сближении объект спускается в фотосферу.

Доган прислушался к его словам:

— Рабочие места в состояние авральной готовности, — приказал он. — При необходимости уйду с орбиты без предупреждения.

Кресла экипажа в считанные мгновения «обросли» противоперегрузочными коконами.

— Четыре — шестьсот.

Короткая пробежка пальцев по клавишам — и навигатор подтвердил готовность системы экстренно покинуть космос.

— Четыре — двести.

Доган привлек к управлению автоштурмана. Теперь ориентация корабля непрерывно менялась, чтобы в любой момент стартовать к норе по оптимальной кривой. Он удивился, насколько легко и буднично все получалось. Их первый побег от огненного фронта сверхновой выглядел совершенно иначе...

— Четыре тысячи.

...Тогда за фотосферой никто не следил, об опасности сообщила автоматика. Хорошо, что хватило ума уходить с орбиты по касательной, а не терять время на разворот и тупой отрыв. Повезло, что червоточина оказалась рядом. Впрочем, мосты всегда рядом. Будь по-другому, человечество до сих пор вошкало бы со своими химическими ракетами в границах солнечной системы.

— Три — восемьсот.

Странно только, что самого Догана не предупредили о страшилке, которую приготовили студентам на этот раз. Сценарии практических занятий капитанам показывают, конечно, не всегда, но ведь и звезды не всякий раз взрывают!

«Почему бы и нет? — подумал Доган. — Сотни миллиардов галактик по сотне миллиардов звезд в каждой. Одной больше, одной меньше... Даже если каждую секунду взрывать звезды тысячами, до тепловой смерти Вселенной всех звезд не погасить».

— Командир! — голос Алексея. — Объект изменил направление движения.

Доган посмотрел на главный экран, но в масштабе экспозиции траектория белого круга казалась гладкой.

— Уточните.

— Три — шестьсот.

Нога легла на педаль аварийного выхода из космоса.

— Он пройдет точно под нами, командир!

— Три — четыреста.

Доган почувствовал, как на щеку со лба переползла капля пота. Было неприятно, но он совершенно забыл о свободной левой руке, а потому только тряхнул головой... Потом опомнился и вытер лицо рукой.

— Три — двести.

«Волнуюсь? — поразился Доган. — И ведь я знаю, что все это подстроено. Каково же студентам?»

— Он обманул нас! — закричала Фрея. — Объект начал спуск, в момент детонации мы будем над ним!

Доган надавил на педаль. Противоперегрузочный кокон обхватил его одновременно с уходом с орбиты. Теперь все решала автоматика. Объективы по-прежнему были нацелены на звезду. Мерцание и бурление гранул замедлилось, а через секунду они осветились изнутри нестерпимо яркой фиолетовой вспышкой. Свечение в одно мгновение упоряд-

дочило хромосферную сетку в подобие пчелиных сот. Узлы сетки полыхнули белым, мощные выбросы плазмы кинжалами раскроили пространство. Казалось, корабль вот-вот окажется под ударом яростной стихии, но и на этот раз обошлось: экран обесцветился, перешел в серо-коричневые тона, и когда фотосфера, дрогнув, начала стремительно разбухать, противоперегрузочные коконы сложились, освобождая людей от своих тесных объятий.

На какое-то мгновение экран зарябил, палубу тряхнуло, чуть повело в сторону... и все успокоилось. Автомат отключил главный монитор и зажег освещение.

«Будто на волну из-под воды посмотрели, — подумал Доган. — Обошлось».

Обошлось?

Доган покачал головой. Судя по всему, только теперь и начиналась работа.

* * *

— Мы хотели поговорить с вами, командир.

— Разумеется, — охотно отозвался Доган. — Жду вас в кают-компани.

— Нет. Я буду говорить по радио. Нам кажется, так будет лучше.

Доган вздохнул. Что ж. Совсем неплохо: Алексей заперся в рубке управления не сам, а с девушками. Экипаж примкнул к лидеру, и объединился против слабого звена. Нет сомнений: решение принято командным способом, зачеты и бонусы, — за примат совести над дисциплиной. Остался суший пустяк: вернуть студентов к их зачеткам.

— О чем ты сегодня хочешь поговорить? — скучным голосом психотерапевта спросил Доган.

— Мне показалось неэтичным уничтожить корабль, пока вы спите. Я решил сообщить вам о нашем решении самоликвидации.

— Вы с нами? — нерешительно спросила Фрея.

— Нет, — фыркнул Маруф. — Выйду, покурю на лавочке, пока вы не закончите. И как вы собираетесь меня убивать?

— Направлю корабль на звезду, — обиженным тоном сказал Лека.

Казалось, его уязвили насмешки Догана.

— Ты не сможешь этого сделать, — сказал Маруф. — Корабль не последует по маршруту, который ему покажется опасным. Ты не сможешь корабль бросить на звезду. Ты не можешь корабль взорвать. Ты не можешь разгерметизировать судно ни в космосе, ни в норе... Но, главное, а нужно ли это делать?

— Мы обладаем знанием, которое уничтожит человечество. Как только информация о детонаторе станет всеобщим достоянием, человечество прекратит свое существование. Всегда найдется идиот, который приблизится к черной орбите либо в исследовательских целях, либо в геростратовских. Поэтому я отыщу детонатор здесь, в глубоком космосе, и подойду к нему. А когда звезда взорвется, не позволю кораблю уйти из космоса.

— Ты не сможешь, — упрямо повторил Маруф.

— Почему? В рубку вы не войдете, техотсек я заблокировал. В вашем распоряжении только жилые помещения корабля. Вы не сможете нам помешать!

— Ошибаешься, — сказал Маруф, припоминая бесчисленные системы безопасности. К сожалению, использование любой из них означало очередную передачу — зачет за штатное решение нештатной проблемы ему не поставят. — Но прежде чем я объясню твою ошибку, скажи: почему сразу крайние меры? Почему быстро?

— Пока не передумали, — простодушно ответил Алексей. — Суицид — дело настроения.

— А если к тому моменту, когда вы передумаете, я соглашусь с твоими доводами и сам решусь на уничтожение корабля, ты непустишь меня в рубку? Я ведь тоже, знаешь ли, не заинтересован в гибели человечества. И об идиотах, которые вопросы жизни и смерти решают по настроению, знаю не понаслышке.

Алексей не ответил. Догану показалось, что удар достиг цели, но неожиданно вмешалась Фрея:

— Почему «идиотах»? Лека дело говорит. И поступает правильно, по-мужски. С такой инфой мы не можем вернуться. Кто угодно захочет глянуть на солнечный детонатор. А что из этого выйдет, мы все знаем.

— Я и не предлагаю возвращаться, — миролюбиво пояснил Маруф. — Почему не исследовать этот феномен? Запас свободного хода нашей посудины не ограничен, а еды и воздуха хватит на несколько лет. Зачем самоубиваться немедленно? Давайте немного поживем.

— Он объяснил, — глухо сказала Фрея. — Вполне возможно, что через год нам не хватит духу на такое... или часть экипажа погибнет, а уцелевшие будут думать только о своей шкуре.

«Это она на меня намекает?» — удивился Доган.

И вдруг он понял, что стоя перед закрытой рубкой управления, выглядит жалко и глупо. Сейчас он должен находиться совсем в другом месте...

Круто развернувшись, Доган прошел коридором к трапу и поднялся на самый верх.

«Техотсек они заблокировали... — с раздражением подумал Маруф, поворачивая кремальеру. — Желторотики!»

У распрещита он уже занес руку, чтобы отключить связь машинного отделения от центрального поста, когда чудовищное подозрение заставило замереть. «А что, если все это по-настоящему? — с ужасом подумал Доган. — Что, если мы действительно отыскиали семейство артефактов, оставленных працивилизацией? Кто-то с незапамятных времен не заинтересован в распространении разумной жизни. И детонатор — это предохранитель, который взрывает звезду, как только цивилизация выходит в космос. Нам повезло, что первым мы нашли артефакт не у себя, а у чужих звезд. Но если бы он был обнаружен у Солнца...»

— Нашла, командир, — воскликнула Адель. — Яшла! Эврика!!!

Доган на всякий случай промолчал, а Лека хмуро поинтересовался:

— Что тышла?

— На этой орбите вокруг Солнца долгое время крутилась станция по

изучению подвалов солнечного ветра, десять тысяч душ! Детонатора не обнаружили. Возле Солнца нет детонатора, Лека! Отбой воздушной тревоги! Мы будем жить!

— И сколько они пробыли на этой орбите? — недоверчиво спросил Алексей.

— Файл в корневом каталоге, — сердито сказала Адель, — называется «никто не умрет». Сам читай.

В наушнике послышался чей-то плач и шелест клавиатуры.

— Восемь лет?! — воскликнул Алексей. — Поселок крутился по черной орбите восемь лет?

Доган все-таки отключил двигатель от центрального поста.

«Плачет Фрея. Ребята чересчур взвинчены. Лучше не рисковать...»

И вдруг он почувствовал бешенство. «Они не должны были доводить ее до слез! Девушки не должны плакать! Какое свинство...»

— Командир? — неуверенно обратился Алексей. — Вы сказали, что я не смогу задержать корабль в обычном космосе, когда звезда превратится в сверхновую.

Доган не мог сразу ответить. У него пересохло в горле и сбилось дыхание. «К черту все! Я ненавижу свою работу». Ему стало плохо. Скрутило так, что пришлось сесть на палубу, оперевшись спиной о распределитель. Он бы и лег, но здесь было слишком мало места.

— Командир?

— Нет. Я говорил другое, — проскрипел Доган. — Я сказал, что ты не сможешь приблизиться к звезде.

— Почему?

— Потому что центральный пост отсечен от двигателей. Привычное пространство недоступно. Ты не управляешь кораблем.

Знакомый шелест клавиш и громкий стук. Наверное, Алексей ударил кулаком по пульту.

— Не ушибся, дорогой? — с нервным смешком спросила Адель.

Маруф пожалел студента: «Не стоит перегибать палку, никто не знает, где граница последней капли». Лицо заливал пот, но Маруф уже начал приходить в себя.

— Но как вы смогли меня отключить? — закричал Алексей. — Когда? Я заблокировал техотсек!

— Ты забыл, как я открыл дверь в твою каюту? — напомнил Маруф. — Это мое судно, студент. Для меня здесь нет запертых дверей. И только я решаю, кому жить, а кому жить долго и счастливо.

* * *

Раскрытая зачетка уставшей птицей лежала на столе декана. Даже отсюда, с пяти шагов, было видно, что записи и отметки покрывают почти всю последнюю страницу.

«Почти, — горько подумал Доган. — Для свободы не хватает единственной записи. Последний зачет... почему бы не поставить его сегодня, сейчас?»

— Как они приняли сообщение об отсутствии детонатора в солнечной системе?

— С оптимизмом, — вздохнул Доган. — Полагают себя демиургами, создателями трех миров.

— Демиургами? — удивился декан. — Что за фантазии?

— Оставшееся время они посвятили курсовым и космогонии. Им понравилась теория возникновения планетных систем после взрыва звезды-предтечи. Желторотики полагают, что возле Солнца нет детонатора, потому что он уже сработал пять миллиардов лет назад. Земля и ее биосфера существуют благодаря этому взрыву. Вот они и решили, что взорванные звезды послужат материалом для возникновения планетных систем и жизни.

— Интересно! — декан покачал головой. — Но ведь если это и произойдет, то не раньше чем через пять миллиардов лет. Это может служить поводом для радости?

— Я же сказал: «с оптимизмом», — пожал плечами Маруф. — К примеру, я рад, что жив, и не беру в голову, что обязательно умру. Такое отношение к жизни я называю оптимизмом.

У него сильнее забилося сердце: декан взял ручку и покатал ее в пальцах.

— Последний вопрос. Ответишь правильно, поставлю зачет.

У Догана закружилась голова: «А ведь он не шутит!»

— Как получилось, что замок хозотсека был отключен от рубки управления?

«Вот тебе и раз!» — подумал Доган. Но годы муштры беспристрастного доклада не позволили ему хоть что-то присочинить к минувшим событиям:

— Случайно, — признался Маруф. — Ремонтировал кондиционер и, уходя, забыл подключить замок двери к центральному посту.

Декан размашисто поставил подпись в графе предмета «Человеческий фактор», но насладиться счастьем не дал ни секунды:

— А как тебе самому эта теория демиургов?

— Нормально, — пожал плечами Маруф, протягивая руку к зачетке. — Знавал концепции бредовой...

— Вот и хорошо, — сказал декан. — Потому что это будет темой твоей дипломной работы.

— Что? — не понял Доган. — Что будет темой?

— Выяснишь, кто взорвал предтечу Солнца. Разве тебе не интересно, что произошло здесь, у нас, пять миллиардов лет назад? Да и сами детонаторы представляют интерес. Устройство, ТТХ, изготовитель. Выберешь вопросы по вкусу, вот и будет тебе тема диплома.

Доган провел ладонью по щетине на голове.

— Так это все по-настоящему? Взаправду?

— А ты думал, что ради тебя мы будем зажигать звезды? — скупой улыбнулся куратор. Улыбка показалась натянутой. Наверное, он вспомнил о погибших во втором взрыве людях. — Ты уже пригласил ее куда-нибудь?

— Кого? — не понял Маруф, но через секунду дошло: — Так вы из-за Фреи мне зачет поставили?

— Разумеется. Твоя биометрия так зашкалила, что хватило бы не на один, а на десять зачетов. Не теряйся, студент. Звезды ждали тебя с начала времен. А вот девушки ждать не будут.

У Маруфа было время убедиться в правоте преподавателей по многим вопросам. Но сейчас он все-таки решил подождать. По крайней мере, пока не отрастут волосы...

Об авторе

Родился в 1962 году в Одессе. Выпускник физико-математической школы. После окончания в 1984 году с красным дипломом Одесского Технологического Института Холодильной Промышленности (специальность инженер-теплофизик) работал стажером-преподавателем, а в 1986-ом году поступил в аспирантуру (ОТИХП). На сегодняшний день водитель автобуса и большегрузных автомобилей в Одессе.

Литературной деятельностью занимается с 1999 года. Автор четырех книг. Два романа («Десант в настоящее», 2000 и «Пленники зимы», 2005) выпущены Одесским изд-вом. Две книги: сборники рассказов и повестей «Бог одержимых» (2011) и «Ржавая Хонда» (2012) — изд-вом АСТ (Москва).

Вадим Ечеистов

В плену грядущего

Сквозь частое сплетение хвойных крон тончайшими иглами сквозили лучи восходящего светила. Алексей вдохнул полной грудью свежесть редкого лесного тумана, и выдохнул вверх, стараясь задеть потоком воздуха побольше трепещущих хвоинок, усыпанных мелкими искрами росы. Густая смесь лесных ароматов вызвала короткое и приятное головокружение. Алексей направился в чащу, наслаждаясь редкими для городского жителя минутами покоя и тишины.

Это была его первая вылазка на природу за последние одиннадцать лет. Да, он любил свою работу. Да, его настолько увлекло построение личной карьеры, что он по возможности отказывался от отпусков. А когда все-таки брал неделю-другую отдыха, уже накапливалась масса дел в городе: то ремонт в квартире, то что-то еще.

Когда об этом узнал его сослуживец, он, парень довольно эмоциональный, вскочил со стула:

— Леха, так нельзя! Через год-другой так можно до инсульта доработаться.

— Да, ладно, Сеня, можешь не агитировать: я уже и сам готов куда угодно сбежать из городской душегубки. А куда? — вяло взмахнул рукой Алексей.

— Куда?! Да я же тебе говорил, что год назад дачу в ста километрах от Москвы прикупил. Домик, конечно, развалина, но зато вокруг — лес прямо за калиткой, тишина, воздух.

— А грибы есть? Я когда-то любил по грибы ходить.

— Леха! Ну, какой же лес без грибов. Значит, завтра принесу ключи, атлас с отмеченным маршрутом, чтобы ту деревню-то тебе найти. И на выходные дача в твоём распоряжении вместе с лесом.

Алексей выехал в пятницу, сразу после обеда. Добрался уже затемно, зашел в ветхий домишко друга и, не раздеваясь, повалился на скрипнувший пружинами диван. Несмотря на то, что с собой у него был мобильный телефон с таймером-сигналом, он завел стоявший на тумбочке огромный и тяжелый будильник. Под мерное тиканье этого громоздкого механизма он мгновенно заснул.

Нехитрый, но яростно-оглушительный звон будильника, прогнал здоровый сон с глаз Алексея, когда за окошком только начинало светать. Закатав штаны, чтобы не намочить их росой, он босиком добежал до колодца с журавлем и наполнил два ведра прозрачайшей водой.

Вернувшись, из одного ведра он, отфыркиваясь, окатил себя ледяной струей воды, из другого наполнил флягу и чайник. Выпив две кружки горячего чая с припасенными бутербродами, Алексей схватил корзину, рюкзак и отправился в лес.

Грибов, правда, оказалось не так уж и много, а, может, Алексей уже разучился их находить в пестроте лесной подстилки. Но его это совсем не расстроило — он просто бродил по сосновому храму с изумрудными сводами, и рыжеватыми колоннами стволов. Иногда продирался через низинки, поросшие осинником, где ему удавалось кинуть в корзину грибок-другой.

Алексей настолько погрузился в блаженное созерцание лесных красот, что не замечал усталости. Корзина уже заметно оттягивала руку, когда сосны сменились сумрачным ельником. И, чем дальше углублялся грибник в еловый лес, обходя упавшие стволы, и вывороченные с корнями пласты земли, тем сильнее сгущалась тьма. Плотные лапы еловой хвои практически не пропускали солнечного света. Странно, но здесь смолк даже вездесущий птичий пересвист.

Алексею стало тревожно. Он собрался повернуть обратно, когда увидел мелькнувший среди стволов солнечный лучик. Воспрянув духом, он пошагал в сторону просвета, и вышел на совершенно удивительную полянку. Окруженная чуть склонившимися к центру, вековыми елями, овальная лужайка имела совершенно уникальную особенность: в самом центре располагалось правильной формы кольцо, образованное крупными мухоморами с кроваво-алыми шляпками.

Мухоморы стояли так часто, что практически «наползали» друг на друга. Кольцо было огромно — метров тридцать в диаметре. Внутри этого «частоткола» была абсолютно голая, будто выжженная земля, без единой былинки, и лишь в самом центре кольца располагался круглый, метра три в диаметре, пятачок ровной, как на газоне, травы.

Алексей застыл в полнейшем изумлении. Ему никогда не приходилось воочию сталкиваться с таким чудом. Нет, он, конечно, читал о подобных явлениях в энциклопедии. Там о них говорилось, как о «ведьминых кругах», «кругах фей», «чертовых кольцах». В старину считали, что эти «ведьмины круги» связаны с нечистой силой. Ходили даже легенды о том, как люди пропадали в «хороводах фей» и возвращались через десятки лет, хотя для них проходили всего несколько дней.

Но Алексей, конечно, знал, как грибник-любитель, что это просто особенности разрастания грибницы. И, судя по размеру «Ведьминого круга», он рос в течение не одной сотни лет. «Удивительно, сколько лет сюда не ступала нога человека! Люди стали ленивы и не любопытны, им чуть дальше в лес пройти тяжело!» — подумал Алексей и с трепетом ступил внутрь «чертова хоровода».

Насколько все-таки сильны еще дремучие суеверия предков в наших генах. Вот и Леха, образованный человек и циничный реалист, шагнув в кольцо из мухоморов, невольно втянул голову в плечи. И тут... Совершенно ничего не произошло. «Ничего и не могло произойти. Такой большой, а все в сказки веришь,» — усмехнулся про себя парень и пошел к островку травы.

Удивительно, но в центре круга росла совершенно одинаковая и по размеру, и по виду травка. Потому и напоминала она аккуратно выстриженный городской газон. И еще эта трава была гораздо темнее, чем поросль вне ведьминога кольца.

Леха провел по траве ладонью — нежные стебельки мягко стлались, как ворс дорогого ковра. Он решил присесть на этот «газон»: только сейчас дала о себе знать усталость, вызванная ранним пробуждением и непривычно долгой прогулкой по лесу. Он посидел, посидел еще, потом прилег на спину и, незаметно для себя, задремал.

Разбудил его рокочущий гул. Алексей открыл глаза и увидел фиолетовую тучу, заслонившую небо над поляной. В глубине тучи глухо урчал гром, а по ее рваному «брюху» буйно скакали ослепительные всполохи зарниц. Порывами налетал ветер, бросая в лицо сухие еловые иглы. Вершины елей шевелились, как мохнатые щупальца чудовищных размеров паука.

«Вот так вздремнул! Сейчас гроза как шарахнет! Надо хоть под деревьями укрыться», — Алексей стал спешно подниматься с мягкой травы. Вдруг раздался настолько сокрушительный удар грома, что его подбросило вверх и швырнуло на спину. В глазах потемнело, будто рои черных мух стали кружить перед лицом. Леха с трудом отдышался: «Похоже, прямо в ведьмин круг молния попала! Хорошо, что хоть жив остался».

«Мухи» в глазах уже не роились, но оставалась странная белесая дымка, сквозь которую было видно, как на фоне деревьев вырастают ровные серые стены. «Похоже, галлюцинации, вызванные шоком от близкого попадания молнии,» — пытался найти реальное объяснение происходящему Алексей, прежде всего, чтобы успокоить самого себя. В это время, стены сомкнулись над ним на высоте около десяти метров, образовав пологий свод. Леха оказался в большом сером зале, на твердом полу в центре большого, слегка дымящегося круга.

Он несколько раз моргнул, потом потряс головой, но видение не исчезло. Оттолкнувшись рукой от твердого, гладкого пола, он встал и подошел к ближайшей стене. Протянутая рука не прошла сквозь стену, а наткнулась на прохладную, слегка шероховатую поверхность. Последняя надежда на то, что произошедшее является плодом его воображения, развеялась.

За спиной послышался слабый шелест. Алексей обернулся, и застыл в изумлении: в появившийся в стене круглый проем вошло странное существо — ростом в половину человеческого, огромная безволосая голова, серая кожа, щуплые трехпалые руки, маленький безгубый рот и хлипкое тельце.

Уродливый карлик держал в ручонках плоский приборчик, и периодически поглядывал то на Алексея, то на экран устройства. Леха испуганно вздрогнул, когда гротескный коротышка открыл рот и начал говорить противным скрипучим голоском:

— Рад, что ты попал в наш центр приема смешивающихся по временным тоннелям. Ты должен пройти за мной в другое помещение, чтобы не помешать возможному следующему смещению. Оно может произойти в любой момент. Мы уже не можем их прогнозировать.

Алексей безвольно, подобно сомнамбула, проследовал в соседнюю, меньшую по размеру комнату, и присел на указанный «головастиком»

выступ в стене. Присев, он решился наконец-то задать вопрос, так интересовавший его:

— Вы кто?

— Я? Человек.

— Но вы никак на человека не похожи.

— Хорошо, объясняю. Ты сместился по временному тоннелю, и попал в будущее. Твое положение в пространстве изменилось незначительно — ты по-прежнему на Земле, а Землю по-прежнему населяют люди. Просто мы, люди, за прошедшее время заметно эволюционировали, стали лучше.

— И вы разговариваете по-нашему?

— Нет, мы обладаем телепатическими способностями, и способны говорить на языке любого существа, спустя буквально секунды после установления контакта.

— Почему же вы говорите, используя голос? — Алексей не мог не спросить об этом, уж очень коробило его от звуков голоса этого «человека будущего».

— Потому и говорю, что ты не обладаешь способностями к телепатии.

— А сколько лет прошло после «моего» времени, то есть века, в котором я живу.

Человечек взглянул на экран плоского приборчика, и проскрипел:

— Согласно сканеру, твое время располагается за чертой достоверного исторического соответствия, а это значит не менее пятидесяти тысяч лет. Точнее сказать не могу.

Далекий «потомок» Лехи пристально сверлил его выпуклыми глазками, и от этого становилось как-то совсем неуютно.

— А как вы, то есть мы, люди, стали такими? — Леха кивнул в сторону собеседника — Вы, извините, больше похожи на инопланетного гуманоида, чем на человека.

— Инопланетяне, эльфы, гномы, цверги, демоны — как только не называли нас пришельцы из других времен, стоящие на той же ступени эволюции, что и ты. Что тебя удивляет в моей внешности? Мозг приобретал большее значение для успешной жизни, поэтому и увеличивался, за ним увеличивался и череп. Всю работу стали выполнять машины, абсолютно всю. Потому и мышечная масса стала сокращаться за ненадобностью, а из пяти пальцев уже в твое время большинство пользовалось только тремя. Со временем мизинец и безымянный палец уменьшались, пока не исчезли совсем. Окончательно исчезли такие рудименты, как волосы и ногти.

— Но как вы путешествуете во времени?

— Мы уже давно не путешествуем. Только принимаем случайных гостей, вроде тебя. Как я уже сказал, десятки тысяч лет всю работу за нас выполняют машины, в том числе и научными изысканиями занимаются. Около десяти тысяч лет назад группа научных мыслящих машин организовала сеть трансвременных тоннелей. Некоторое время мы тоже посещали другие эпохи, потом перестали, так как переход требует колоссальных затрат энергии, а с этим у нас все хуже и хуже, особенно со времени Одухотворения Машин. Поэтому рассчитываем только на приток случайных посетителей, вроде тебя. Так как сеть тоннелей довольно широкая, то стабильное посту-

пленение людей, находящихся на низшей ступени развития, из старых времен у нас и так есть.

Алексей вспомнил, что переход произошел во время грозы. Вот откуда тоннель получил достаточно энергии. Ходы с их стороны, со стороны времени, в котором проживал Леха, похоже, выглядят, как «ведьмины круги» или еще какие-нибудь «нечистые» места, которые люди инстинктивно старались обходить стороной. А источниками энергии для путешествий во времени служат грозы, сдвиги плит земной коры, вулканические процессы. Стоп! А как же легенды о людях, вернувшихся от «эльфов»? Значит, они все-таки могут вернуть его обратно?

— А когда я смогу вернуться обратно? Мне что, надо ждать в том помещении, куда я прибыл, когда рядом пройдет сильная гроза? — Алексей с надеждой посмотрел на человека будущего. Коротышка, казалось, задумался, подыскивая нужные слова для ответа:

— Боюсь, придется тебя огорчить, но вернуться ты не сможешь.

— Почему? — Леха не хотел верить в услышанное. Он никак не желал провести свои годы среди этих низкорослых уродцев.

— Видишь ли, как я уже говорил, на протяжении десятков тысяч лет все на земле делали исключительно машины. Это обусловило не только нашу эволюцию, но и отбор, и развитие среди самих машин. Они постоянно совершенствовались, они могли воспроизводить себе подобных с качественными улучшениями, и превратились практически в самостоятельную расу. Расу, существующую исключительно для улучшения жизни человека. Семь с лишним тысяч лет назад произошло то, что мы называем «Одухотворение Машин»: они научились чувствовать, испытывать эмоции. А потом они научились умирать! Просто в определенный момент включалась программа, переключавшая самые важные узлы, и машина превращалась в груды хлама. А спустя некоторое количество поколений «умирать» машины стали чаще, чем собирать себе замену. Почему? Мы не знаем, ведь изучением различных проблем занимались также машины. И вот с каждым годом роботов становится все меньше и меньше.

— Но разве нельзя исправить как-то эти неполадки?

Серый карлик нервно фыркнул:

— А кто исправит? Это могут сделать только ремонтные машины, а они также подвержены этой заразе. А секретов своего строения они не раскрывают. Вообще, машины нас хоть и обслуживают, но давно относятся к нам с высокомерием, считая слабыми и бесполезными.

— Так, а я-то вам зачем? Я машины будущего ремонтировать не умею.

Коротышка поморщился и раздраженно проскрипел:

— Понимаешь, люди на твоей ступени развития еще умеют обходиться без машин. Работать руками. А нам нужно, чтобы кто-то для нас производил еду, обслуживал нас. В общем, вы — наши живые роботы.

Алексей, услышав это, вскочил, сжав кулаки в ярости. Тут же его голову жестоко сдавили раскаленные щупальца боли. Казалось, еще мгновение, и его мозги, лопнув, вытекут через уши, глазницы и ноздри. Из беззубого рта раздался скрип:

— Я не сказал тебе сразу, но в ходе эволюции наши способности развились настолько, что мы можем усилием воли доставить тебе очень сильную боль. Твой примитивный мозг еще не имеет защиты от подобных воздействий. То, что ты ощутил сейчас, было всего лишь легким шлепком. Не заставляй меня наказывать тебя по-настоящему.

Когда боль слегка ослабла, Леха обнаружил, что сполз с сидения и стоит на коленях. Взглянув в оказавшиеся на уровне его взгляда мутные глаза самодовольного потомка, он вспомнил пару мыслей из прочитанных некогда фантастических романов. Помассировав виски и тяжело приподнявшись, он выдал с давленным голосом:

— А как же временной парадокс? Ведь, вырвав меня из моего времени, вы можете вызвать катастрофические последствия у вас, здесь?

Тут же слух Алексея резануло серией отрывистых, визгливо-хрюкающих звуков. Стало ясно, что его оппонент смеется.

— Да, от ваших иногда приходится слышать этот бред. Но, во-первых, временной парадокс — это всего лишь сказочка из доисторических эпох, когда наука только начинала зарождаться. А, во-вторых, тебя никто из твоего времени не вытаскивал — ты сам сюда попал. С тем же успехом ты мог бы провалиться не в трансвременной тоннель, а в старый колодец и сломать себе шею. Уж нам от твоего путешествия во времени точно никакого вреда не будет, только польза — лишние рабочие руки. И хватит попусту время тратить. Сейчас лето, так что определю-ка я тебя пока на полевые работы — там сейчас горячая пора. Давай, выходи! — большеголовый махнул костлявой рукой в сторону с шелестом раздвинувшегося в стене, круглого отверстия.

— Иди, не заставляй снова тебя наказывать.

Алексей еще не до конца отошел от прошлого «воздействия» на его мозг, поэтому нехотя, но пошел к выходу.

Снаружи сильно жарило огромное солнце. Вокруг грандиозного здания из серого гладкого материала вальяжно прохаживались несколько групп серых большеголовых существ — людей будущего. Внешне они были совершенно одинаковы, во всяком случае, Алексей не смог рассмотреть никаких явных отличий. Будто все нарисованы под копирку. Некоторые из них обернулись и с нескрываемым высокомерием рассматривали своего далекого прашура.

Зной щипал кожу, подобно тысячам пчелиных жал, и Алексей был даже немного рад, когда его втокнули в металлический куб фургона. Около получаса ушло на дорогу. Транспорт неизвестной Алексею природы двигался мягко и бесшумно.

Остановка. У открывшихся дверей, его ждали двое большеголовых коротышек. Один из них приказал выйти. Леха вышел и оказался посреди огромной плантации, поросшей неизвестными ему растениями с темными, узкими листьями и толстыми, с частыми шипами, стеблями. Тут и там на поле, согнувшись, работали одетые в лохмотья люди. Нормальные люди, такие же, как сам Алексей.

«Да, ужасная перспектива! Но ничего, сломаю паре этих хлипких карликов шеи, и рванем все куда-нибудь подальше...» — Леха не успел закончить

мысль, так как в его голову проникли раскаленные прутья, которые начали шевелиться, разрушая его мозг. Не в силах вытерпеть страшную боль, парень провалился в тьму беспомощности.

Очнувшись он лежал среди колючих стеблей, в противно мокрых брюках — похоже, непроизвольно обмочил их во время нестерпимой пытки. Над ним, ухмыляясь, стояли люди будущего.

— Ты забыл, что мы — телепаты? За одни только мысли о мятеже, непослушании ты будешь жестоко наказываться сразу. Помни это!

Второй карлик показал на мокрое пятно на штанах Алексея и прокричал:

— А через пару дней отвезем тебя к одному из еще работающих медицинских автоматов: он тебя откорректирует так, что про болезни забудешь навсегда. Работать сможешь лучше и проживешь не менее трехсот лет.

Триста лет! Три века рабства и мучений! Алексей был в отчаянии. Он решил, что до поездки к электронному чудо-доктору надо постараться умереть. Он решил было выбрать подходящий способ ухода из жизни, когда почувствовал глубокий, болезненный укол в затылок. Леха обернулся и встретил пустой взгляд серолицего надсмотрщика.

— Это — предупреждение. Еще одна подобная мысль, и ты будешь наказан. А теперь иди, работай. Хорошо работай. Мы следим за тобой!

Об авторе

Родился в 1973 году в городе Кимры Тверской области. Окончил Республиканский заочный политехникум. В данный момент занимается индивидуальной предпринимательской деятельностью в Москве. Пишет в жанре фантастики, хоррора, мистики. Имеется ряд публикаций: журнал «Смена» (2008), альманах «Порог-АК» (2009), три рассказа вошли в сборник русскоязычных авторов «Десятка» («Умная книга», Харьков, 2009), газета «Тайная власть» (№10, 2010, №16, 2012), журнал «Техника молодежи» (№6, 2011), журнал «Полдень XXI век» (№8, 2012), литературное приложение «Знание-сила. Фантастика» (№2, 2012). Множество рассказов опубликовано в литературном приложении на DVD-дисках журнала «Мир фантастики» (2009-2012), а также распространяется по всемирной сети в прогрессивном формате аудио-книги порталом «Фантаскоп».

Кирилл Берендеев

Наказание

Наступил тихий час. Шум и гомон в саду разом затихли, я выглянул в окно кабинета посмотреть, как нянечки, в корпусе напротив укладывают ребятишек. И краем глаза увидел три фигуры у ворот детсада. Сердце кольнуло. Нетрудно догадаться, почему эти трое оказались здесь. Я поднялся и пошел навстречу, преодолевая вязкое сопротивление сгустившегося воздуха. Чтобы никто еще не увидел ни тех троих, ни самой нашей встречи.

Подошел; хотелось что-то сказать, но никто из нас так и не произнес ни слова. Недолго постояли друг перед другом, покуда майор разглядывал поданные мной документы. Короткий жест, меня пригласили в машину.

Десять минут дороги, и мы на месте. Все это время я следил по часам, сам не знаю, зачем. Машина свернула с широкого, зеленого проспекта в подворотню, остановилась у крылечка. Старая табличка с надписью «Городское отделение внутренних дел, спецчасть». Серым по синему. Мы вошли, меня проводили до двери пятого кабинета, двое составили компанию, шофер, оставшись в машине, уехал. Возможно, за следующим.

Кабинет был пуст и душен, редкая герань на окнах, цветущая ржавым, не загораживала палящего солнца, занавесей не было. Стол, заваленный бумагами, два стула, еще один у окна, шкаф, вешалка. Еще бумаги, сложенные на полу у входа. И режущий слух скрип занимаемого стула. Майор кивнул, велел садиться. Вошедший следом капитан расположился у окна.

— Вы понимаете, почему вас вызвали? — произнес майор безлико. Я медленно кивнул; почему-то очень старался сидеть тихо, чтобы стул под мной не скрипел более. — Речь пойдет о наказании.

Я снова кивнул, стул предательски скрипнул, я содрогнулся, на лбу выступил пот.

— Как вы знаете, решением нынешнего правительства пенитенциарная система возвращается к прежней практике отправления наказаний. Согласно статье 22 пункту «б», закон имеет обратную силу в случае тяжких и особо тяжких преступлений, направленных... — майор устало взглянул на меня. — Словом, в вашем случае, — коротко закончил он. — И вы это знаете.

— Да-да, я понимаю, — первые слова, произнесенные в кабинете, были жалки и тщедушны. На лбу вновь выступила испарина. Вытереть ее я не решился.

— Вас осудили на резекцию памяти ввиду особых условий совершения преступления и согласно заключению городской медкомиссии,

посчитавшей вас социально неопасным до и после случившегося. В определенном смысле, вам повезло, вы не находите? Впрочем, в любом случае, все подвергшиеся резекции памяти, теперь обязаны пройти процедуру наказания. Согласно новому закону, — прибавил майор, теребя замусоленные листы бумаги. Я немедленно узнал их — перед ним лежало мое дело.

— Прошло восемь лет, — зачем-то произнес я. И добавил: — Извините.

— Наказание не имеет срока давности, — произнес майор и смолк. Диалог словно проигрывался задом наперед.

Пауза продлилась долго. Майор пристально смотрел на бумаги; не шевелясь, я искоса разглядывал его замершие пальцы, покрытые седыми волосами. Капитана я не видел, он сидел чуть позади, надо было повернуть голову, а я не мог оторвать взгляда. Пока тот не заговорил.

— Новое правительство совершенно право, утверждая необходимость несения наказания. — Я так и не понял, к кому он обращался в этот момент. — Это важнейшее условие для раскаяния. Возвращения к прежней жизни. Без должного возмездия угрызения совести не мучают так.

— Ты это где вычитал? — спросил майор.

— Книга доктора Штерна «Естественное искупление», рекомендована к ознакомлению сотрудникам МВД и ГУИН.

Майор кивнул неохотно. Посмотрел на меня.

— Резекция не способ искупления, но попытка загнать болезнь внутрь. С весьма печальными последствиями, как для преступника, так и для...

— Несмотря на давность содеянного? — неожиданно спросил я.

— Тем более, если давность значительна. Пустота, оставленная после резекции, неизбежным образом заполняется псевдовоспоминаниями, иллюзиями, которые, тут приводится статистика за прошлое десятилетие, приводят к печальным последствиям. Начиная с суицида и заканчивая...

Майор нахмурился, капитан невольно замолчал.

— Вам необходимо почитать эту книгу, — неожиданно продолжил капитан. Майор не сводил с него взгляда. — Ну конечно, уже позже. После свершения наказания.

— И раскаяния, — добавил майор.

— Разумеется, и раскаяния.

Я не знал, что им ответить. Оба пристально смотрели на меня, тоже отчего-то не решаясь потревожить наступившую тишину. Наконец, я смог отвести взгляд от стола майора, от листов своего дела, на котором сейчас покоились его руки. Заставить себя пошевелиться на стуле. И сказать:

— Почти год назад правительство приняло постановление о наказании. Некоторые подались в бега, но их поймали. А потом стали приходить за теми, кто, как и я, ждет — все это время.

Майор не дал мне закончить:

— Ни один преступник не должен уйти от ответственности перед новым законом. Потому сперва с усердием искали и нашли всех, кто пытался скрыться, удрать за границу, схорониться в глуши. С каждым пойманным, прошедшим процедуру наказания, уверенность в его неизбежности, да и необходимости, росла. Особенно в мыслях тех, кто еще

скрывался. Когда таких не осталось — нам стало легче приходиться к тем, кто, как и вы, ждет. И к тем, кто успел за время действия закона стать преступником.

— Ваша система в этом плане кажется безупречной. Но я не понимаю другого. Чего же я жду все это время?

Майор не успел ответить.

— Позвольте, лучше я расскажу. Одну минуточку.. да где ж это.... — капитан усердно хлопал себя по карманам, наконец, извлек из нагрудного сложенного до размеров спичечного коробка статью. Бережно развернул. — Вот.. я всегда ношу с собой. Это статья доктора Гарифы Айбулатовой. Она опубликована за два года до Белой революции, когда новое правительство еще было в глубокой оппозиции. Послушайте: «Резекция памяти, как единственный способ становления преступников на путь вливания в социум, проповедуемый в течение последних десяти лет, имеет много отрицательных качеств. И главное — отсутствие личностной оценки происшедшего. Человек не может вспомнить свершенного, и, как следствие, не в состоянии осознать его качество и в отношении себя, и применительно к окружающим. Память стерта, казалось бы, все начнется с чистого листа. Но, увы, мои данные, накопленные за этот срок, показывают иное», — я хочу заметить, — в скобках сказал капитан, — тогда доктор Айбулатова работала в реабилитационной группе при ГУИН. Оказывала экстренную психологическую помощь резектированным.

Майор кашлянул, капитан оглянулся и продолжил цитирование бережно развернутого газетного листа:

— «Мы живем далеко не в идеальном мире, как нам порой пытается доказать правительство. Да даже будь оно так, прошедшие резекцию воспринимают его несколько иначе. Человек со стертыми воспоминаниями всегда старается чем-то заменить их. Либо переживаниями сегодняшними — а если он попадает в тот же социум, из коего был взят на резекцию, это означает лишь одно, ремиссию. Либо возвращается к более ранним переживаниям, пытаясь ими закрыть пробел. Что часто снова подталкивает его ко все той же ремиссии, ведь при резекции невозможно проследить весь процесс зарождения преступления, всегда что-то останется незатертым, но задействованным в становлении на причинный путь совершения преступления. Некоторые индивиды, слабые волей, не в силах пережить прогалину в памяти, пытаются уйти от реальности через наркотики, алкоголь, а то и суицид. Правительство называет цифру в два процента, уверяю, она занижена как минимум в шестеро. И каждый двадцатый резектируемый выбывает из общества навсегда.

«Конечно, можно винить всегдашнюю неготовность нашей пенитенциарной системы к революционным нововведениям, но ведь за те двенадцать лет, что проводится резекция, поменялось многое. Даже общество смирилось и теперь принимает стирание памяти как неизбежность, шестьдесят процентов, как показывают последние опросы. Вроде бы все на стороне нового порядка. Кроме самого человека».

— Пожалуйста, покороче, — сказал майор, не поднимая головы.

— Я подхожу к главному. Э-э, вот. «Наиболее неприятным моментом резекции является утрата переживаний, связанных с совершением преступления. Резекция, в данном случае, является своего рода индульгенцией, причем бесплатной, для преступника. Я что-то совершил, но я не помню этого, значит, можно сказать, я ничего не совершал. Примерно так действует человеческая логика. Не находя ответов, она отрицает выводы. И это отрицание»... — капитан снова бросил взгляд на майора и перешел к новой колонке. — «Так что единственным способом напомнить человеку о тяжести проступка может лишь наказание. Расплата за грехи, как ни покажется странным в нынешнее время это словосочетание. И разумеется, искупление совершенного преступления. А это уже на совести самого индивида. Не помнящий о преступлении не способен раскаяться, а это немаловажно именно для уберечения и его, и общества в целом от повторных попыток».

Майор кашлянул, шевельнувшись на стуле, но даже его пристальный взгляд на капитана не дал никаких результатов. Молодой человек продолжал читать:

— «Поэтому я говорю о наказании как о единственно возможном способе искупления преступления, как перед самим собой, так и перед обществом, в которое, рано или поздно вернется осужденный. Конечно, пенитенциарная система дискредитировала себя в прежние десятилетия тотальной деградации общества, именно поэтому ГУИН и был реформирован. Шаг, безусловно, радикальный и имевший определенный смысл в те годы, — ведь волна беспредела в тюрьмах, колониях и поселениях сразу пошла на убыль. Но это помогло лишь отчасти — закон использовался в отношении осужденных по тяжким и особо тяжким статьям в первую очередь, а так же рецидивистов, и лишь затем стал применяться для всех категорий осужденных. Но когда первая волна сошла, за ней последовала новая, заставившая увеличить число резективных статей. В той, следующей, волне было немало из числа подвергшихся резекции. Ведь сред обитания этих людей никто не собирался реформировать столь же кардинально».

Капитан откашлялся сухо, посмотрел на меня. Я опустил взгляд, сам не понимая почему.

— «Неоднократно я обращалась с просьбой о пересмотре закона и назначении наказания, но тщетно. И дело не только в высвобождении такого количества трудоспособного населения, сколько в боязни повторения прежнего кошмара — бесконечных бунтов в колониях, погромов в тюрьмах, распространения различных болезней, в особенности туберкулеза и сифилиса. Мои попытки».... Ну, тут о проведенной реформе мест заключения. Ведь теперь доктор Айбулатова, как министр внутренних дел, курирует эту программу, — майор хотел что-то сказать, но капитан его опередил. — В двух словах, что предстоит осужденному — это труд и одиночество. Осужденный должен работать, зная, что труд его не бессмыслен, и иметь время на себя. Свои мысли. И чем тяжелее преступление, тем больше времени отводится ему на ежедневное размышление над собой. В критичном случае бессрочного заключения... гм.

— Мы его не рассматриваем, — заметил майор, бросив взгляд на меня.

Снова тишина. И тут уже мы все трое прятали друг от друга глаза. Капитан, пригладив молодецкие кудри, принялся бережно складывать вырезку, майор перелистывал дело, а я... просто смотрел на герань на окне. Трудно сказать, сколько времени это продолжалось. Наверное, долго. Каждый не хотел прерывать тишину, но кто-то должен был продолжить разговор.

— Мне предстоит заключение, — это был не вопрос. Суждение, невольно сорвавшееся с моих уст.

— Да, — ответил майор. — Заключение. Помните, перед резекцией вам давали синюю таблетку — препарат Горелова? — я помотал головой. Все, что происходило в спецчасти, осталось для меня позабытым сном. Равно как ему предшествующее. — Теперь мы предложим вам красную.

— По методу Лисовского-Бергера, — уточнил капитан. — Это просто, вы принимаете таблетку, затем вас отводят в камеру, где и начинается ваш путь к искуплению.

— Мое наказание, — уточнил я. Оба синхронно кивнули. — И как долго...

— Оно продлится? Трудно сказать. В каждом случае по-разному. Но все это время вы пробудете в камере, — добавил капитан.

— Если будет необходимость, вы сможете ознакомиться с материалами вашего дела. Хотя, — майор поколебался немного, — обычно все это вспоминается сразу.

И встал. Следом за ним встал и капитан, подходя к столу. Они окружили меня, все еще сидящего; я смотрел на них, на красную таблетку на ладони майора, только что вытряхнутую из тубы. И никак не мог подняться. Сердце заколотилось, таблетка вдруг стала внушать какой-то животный ужас. Страх прозрения. Кажется, так писалось о действии метода Лисовского-Брауна. Еще что-то о первой фазе, самой сложной, самой действенной на психику наказываемого, но сейчас я не мог вспомнить этой статьи. Хотя читал ее совсем недавно.

Пальцы едва слушались, зубы застучали о поднесенный стакан воды. Глоток. Стало немного легче, неотвратимое уже пройдено, осталось только ждать.

— И все же. Сколько примерно ждать?

— Действие начнется через полчаса-час, в зависимости от скорости обмена веществ. Вы пообедали?

— Еще нет.

— Тогда полчаса. Пройдемте, — капитан все же заставил меня встать и почти вытолкал в безлюдный коридор. Майор замыкал шествие, отставая с каждым шагом.

Мы добрались до самого конца, капитан открыл железную дверь, впуская меня в новый коридор. До самого конца его, до последней двери.

Она открылась бесшумно моему взору. Я вошел, следом, мимо капитана, протиснулся майор. Некоторое время я разглядывал стены, к моему удивлению они были покрыты какой-то странной гелевой субстанцией.

Прохладной на ощупь и мягкой: палец легко продавливал ее, и тут же встречал нарастающее сопротивление.

Этим гелем было покрыто все, вплоть до крана в умывальнике. Увидев его, я осознал, что мое пребывание в этом месте может и затянуться. Насколько — кажется, неизвестно и приведшим меня сюда. Все зависит от наказываемого, еще одна выдержка из той, смутно вспоминаемой нынче статьи. От его желания. От стремления высвободиться....

— Пожалуйста, выньте все из карманов, — я послушно передал майору ключи от машины, квартиры, несколько безделушек, бумажник, записную книжку, ручку, платок. Он взглянул на мои туфли, чему-то улыбнулся про себя и добавил: — И ваш галстук.

Я послушно снял его, уже догадавшись о причинах просьбы. И почему-то добавил:

— Знаете, я все же признателен резекции.

Майор кивнул.

— Ведь иначе я не мог стать тем, кем стал. Директором детского сада.

— Я понимаю, — сказал он.

— Скорее всего, меня ждала бы работа дворника или...

— Вы правы.

— Я работал по специальности и...

— Действие препарата уже скоро начнется. Извините, нам придется оставить вас одного.

— ...и это приносило пользу, — они вышли. — Не только мне, — добавил я совсем уже тихо.

Дверь бесшумно закрылась, отрезая меня от внешнего мира, я даже не слышал удаляющихся шагов. Тишина окутала, словно байковое одеяло. И только слабый шум, доносящийся из-за решетки, проникал в камеру.

Я встал на топчан и, приоткрыв форточку, ухватился за железные прутья, попытался заглянуть в оставленный мир. Нет, ничего не получилось. Только белесое небо и несколько облачков. И тишина. Опустившись, некоторое время сидел, глядя на закрытую дверь. Затем, мне кажется, чуть освоившись в новой обстановке, снял пиджак, положил его под голову и прилег. Жестом, показавшимся мне странно знакомым, узнавание промелькнуло и исчезло тотчас. Я закрыл глаза, стараясь ни о чем не думать. Кажется, это сейчас было самое правильное.

И через некоторое время заснул.

А проснулся с клубком червей, кишачих в мозгу. Таблетка подействовала, было первое мое осознание, а уже за ним последовало все остальное. Я стремительно вспоминал — сперва события суда, затем, медицинского консилиума, настаивавшего на резекции, затем, самого следствия. Моих допросов, моих невнятных путающихся, пугающих меня самого ответов. И только под конец, когда следствие подошло к своему началу, когда я обнаружил перед своей дверью людей в синей униформе, только пройдя через все это, наконец, я вспомнил, почти долгожданно, с чего это все началось. Этот почти годовой кошмар — сперва ожидания, а затем допросов, встреч с адвокатом, психиатром, родителями и друзьями, и, наконец, вердикт суда, решительный и беспощадный, разом отсекавший

меня ото всех них, с той поры забытых, затертых резекцией настолько сильно, что лишь сейчас я постиг масштабы потерь.

Потерь и перед резекцией, и после нее. Таблетка сработала великолепно: только сейчас я погрузился в кошмар одного августовского дня, позднего дня, когда, вернувшись с работы, я обнаружил спальню, залитую кровью, себя в этой спальне, и два трупа — жены и моего лучшего друга, обнаженных, лежащих на темно-красных простынях. И снова себя, сперва ожесточенно размахивающего ножом над бездвижными телами, наносящего удары, с силой, заставлявшей нас, — и меня, и трупы, — содрогаться, затем с каким-то странным шипом, брызнувшую на обои кровь, окрасившую ее полосой, медленно стекавшей по тисненым алым розам. Крики моего друга, он получил удар последним и упал на труп жены, чего я никак не мог позволить, а потому мстил ему особенно яро. Дверь и голоса за дверью, о чем-то тревожно шептавшиеся, пока я с безумными мыслями и не менее безумным выражением лица вышел из спальни на кухню, застав их вдвоем. Неслышно войдя в квартиру — я чувствовал, я еще раньше подозревал это, а теперь решил вернуться пораньше — зачем? Чтобы удостовериться или чтобы отомстить? Я приоткрыл дверь, этого хватило бы, может быть, но она сказала, чтобы я шел к черту, а я извинился машинально, а затем, распахнув дверь, потребовал от них обоих самим убираться куда подальше. А ноги уже несли в кухню, и нож заблестел в руке, широкий шеф-нож с удобной нескользящей ручкой, жена им, широким, тяжелым, с самозатачивающимся лезвием, боялась пользоваться, и обычно я кромсал им мясо и рубил кости. И в тот день — кромсал и рубил — именно так, как привык уже это делать. Почти как всегда. Ведь недаром же мне в самой сердцевине избиения показалось, что передо мной не люди, и что я не в спальне... А затем все вернулось на круги своя, и я продолжил свою работу. А завершив, вышел, аккуратно прикрыв дверь, приняв душ и переодевшись, — я все искал фартук, запачканный кровью, временами все искал тот клеенчатый кухонный фартук, что всегда надевал при разделке мяса, — я собрал вещи и уехал. Сам не зная, куда.

Остановился в гостинице, затем сменил ее, устроившись в частном доме, а через три недели дверь в мою комнату отворилась, обнажая скрывшихся за ней пятерых хорошо вооруженных милиционеров. Боящихся каждого моего движения или предупреждающих его, я так и не узнал. Меня поместили в точно такую же камеру, где пребывал сейчас я, и раз в неделю разрешали встречаться с родными. Мама плакала, я молчал, почти всегда молчал, не зная, что ответить ее покрасневшим глазам и серому лицу. Отец пытался что-то спросить, наверное, о том вечере, но так и не смог, лишь уверял, что будет ждать и надеяться. Да, соглашалась тогда мама, мы будем надеяться. И смотрела на меня так, что я отворачивался и просил завершить свидание. Адвокат провожал меня, он почти все время был рядом, родители наняли, будучи уверенными, что он сможет заступиться за меня, что я не наговорю на себя в суде, и что приговор позволит им лелеять надежду.

Наверное, приговор они сочли благоприятным. Не знаю, кажется, с той поры я не виделся с ними. Или видевшись, уже не узнавал. Не чувствовал.

Переехал в другой город, нашел хорошую работу — не без участия адвоката, вот его я хорошо помнил, к вящему своему удивлению, вроде бы, не должен, но помнил. Он объяснял, что такое иногда случается, а потому предложил мне то, что на его взгляд, было сшито по моей мерке. Он оказался прав, той работой я дорожил как никакой другой. Восемь лет, что я провел вместе с ней, кажется, ни на мгновение не отлучаясь. Она стала мне всем, и заменила все. И теперь, когда я понял, что именно она мне заменила... И на своем опыте осознал, почему все предметы в камере покрыты слоем мягкого геля. Надежного. Я не поранился и не повредил себе ничего. Правда, понял это лишь, когда остался совсем без сил. Наедине с разверзшейся мне пропастью прошедшего, бесследно канувшего в пучине головного мозга, стертого, а ныне, безжалостно выдернутого наружу. Снова как в первый раз.

И я снова, как в первый раз, переживал все прошедшее. И неожиданную, но ожидаемую встречу в спальне, и нож над телами, и первый шип крови, исторгнутой ножом из разрубленной артерии. И окровавленные простыни, и поиск фартука, и бессмысленное бегство, и почти долгожданное обнаружение. И все последующие формальные и неформальные процедуры судопроизводства, вплоть до последней, оставившей меня наедине с собой: тем, что был, но каким не являлся. Иллюзорным фантомом, обретшим признаки существования в другом городе, на другой работе, на восемь лет, до следующего обнаружения. Тоже почти долгожданного. Вернувшего мне все оставленное далеко позади, но разрушившего ту мою сущность, которой был, на которую надеялся и в которую верил, все это долгое время. Вернувшегося на круги своя, но с таким запозданием, что заржавленная колея показалась узкой и тяжело скрипела и вздрагивала на разошедшихся стыках.

День давно ушел в вечер, тот уступил место ночи, а ночь, благодатно заолодлив предрассветом мои расторгнутые раны, незаметно отошла к зарождающемуся утру. И только поднявшийся алый диск вернул мне счет времени, отвернув затянувшуюся череду мыслей от однообразного прокручивания знакомых, давно забытых, и с болью и кровью утверждающихся в памяти сызнава моментов моей биографии. Срок боли и крови которых давно уж истек. Наверное.

Ведь я даже сейчас, с дрожью и ужасом вспоминая себя самого, приняв снова свою вину, трепеща перед ней, не мыслил о наказании большем, чем то двойное отлучение, что было свершено за прошедшие годы — и вчера днем. Не мыслил, хотя должен был, обязан. Или то говорила за меня химическая реакция, развернувшаяся в мозгу. По методу Лисовского-Бергера.

Я не знал. Не понимал. Ощущал что-то, но не мог постичь, откуда исходят чувства, где источник боли и страха — уже не только и не столько перед собой, узанным, вспомненным, но и перед наступающим, уже наступившим, обретшим силу, завтрашним днем. В котором я... А кто я в наступившем завтра?

И, не в силах постичь ни мыслей, ни чувств, ни переживаний своих, тихо попросил о помощи.

Она пришла, быстро, насколько это было возможно. Минута или миг канули, дверь медленно, без единого шороха и скрипа растворилась, майор и капитан снова предстали предо мной. Будто и не было истекшей ночи, будто я покинул их эту самую минуту назад — и теперь, испуганный, измученный, изможденный прошу их вернуться и не оставлять меня здесь.

Единственная разница, не сразу бросившаяся в глаза — майор переодел рубашку и где-то оставил галстук. Капитан был одет, как прежде, лишь серое лицо его говорила о несладкой ночи. Впрочем, наверное, я не один был в эту ночь. И в это утро не первый, кто просил о помощи. Вот только о какой именно? — я и сам не знал.

Майор вошел и немедля подсел ко мне. Вид у него был, наверное, схож с моим, он устало вытер платком лоб и тихо проговорил:

— Вас настигла вина за происшедшее. — Слово «вина» было произнесено впервые за все время пребывания меня в их обществе. — Я видел. Через камеру. — Он кивнул под потолок, но камеры я не увидел, видимо, была слишком мала, да и скрывалась в тени наступившего завтра.

— Я... я бессилен перед ней, — слова дались с трудом, я попросил воды, капитан подал мне пластиковый стаканчик, налив из покрытого гелем крана. — Не перед собой даже, именно перед ней.

— Что вы этим хотите сказать? — тут же спросил капитан, майор бросил на него предостерегающий взгляд.

— Я и прежде знал, кто я такой. Знали и те, кто нанимал меня воспитателем в детсад восемь лет назад. И они, и я черпали свое знание из одного источника — информационного листка психиатрической экспертизы, выданного мне в качестве пособия по трудоустройству. Там значилось «социально безопасен». Теперь я не могу сказать о себе подобного.

— Когда-нибудь вы должны были осознать это.

— Скорее раньше, чем теперь.

Капитан пожал плечами.

— К сожалению, мы тут бессильны. Программа, как вы знаете, началась меньше года назад, так что особой разницы...

Майор хотел что-то сказать, но опоздал.

— Вы так и не поняли, что сотворили. Вы ничего не поняли. Вы вырвали меня из одной жизни и вбросили в прежнюю. В тот самый момент, из которого я уже давно был должен уйти. Ведь восемь лет прошло, как известно время лечит и не такое. За эти годы... а у меня внезапно не оказалось этих лет. Вообще никаких лет, ведь я теперь лишен и моего нового прошлого, которому восемь лет от роду, и старого, вытертого из моей памяти резекцией. Мне хотелось бы вернуться к родителям, о коих я только сейчас и вспомнил, но я не могу сделать этого, год назад мне стало известно, что их нет. Тогда я не испытал ничего, ведь мне казалось, что их нет уже слишком долго. А теперь я... кажется, обрел и лишился их в один и тот же миг. И это в том числе ваша вина, — резко добавил я.

— Что? — беззвучно произнес капитан, дернув головой, словно от пощечины.

— Именно, что. Ваша таблетка...

— Вы не понимаете, — вмешался майор, но я его не слушал.

— Резекция убила во мне частицу меня, да я признаю это. Далеко не лучшую часть, ведь делалось это из блага ко мне и к обществу. Но еще она убила во мне всех тех, кто, так или иначе, был причастен к моему преступлению. Пускай одним лишь напоминанием, одной лишь памятью об их участии в деле, присутствии на процессе. Я не говорю о друзьях, их давно нет. Резекция вычистила даже моих родителей. Я оказался лишен всех, кого знал, а кто знал меня, тот встречал во мне лишь пустоту. Я вынужден был покинуть город и искать убежища для моей новой жизни. И я нашел его. И прожил в нем восемь долгих лет. Я стал частью нового общества, я даже почувствовал себя нужным ему и годным для него. Мне казалось, несмотря на потери, я начал жить. И тут пришли вы, и отняли мои восемь лет. Именно, мои восемь лет, выстраданные и обустроенные. Вы вернули меня туда, откуда я бежал. Откуда я должен давно был уйти. Ведь даже по нынешним или давнопрошедшим законам мне не дали бы восьми лет за двойное убийство. Суд признал действие в состоянии аффекта, вы помните, — горячась, продолжал я, — а это значит, мне дали бы шесть, может, даже пять лет. А может, направили бы на принудительное лечение. В любом случае, сейчас я был бы свободен. Давно свободен.

Они молчали.

— Конечно, я не был бы тем, кем стал сейчас, никогда не смог бы стать, это понятно. Но я постарался бы, и помогли мне те, кого я вспомнил только этой ночью. Они помогли бы, я не сомневаюсь. И это дало моим родителям лишние годы жизни, а моим друзьям — веру в случайность происшествия. Я бы ушел от всего, виденного мной в эти сутки. И создал бы свои уже не восемь, а большее число лет. Других, в которых все было, все были...

— Кроме тех двоих, что вы изволили убить, — холодно ответил майор. — Вы как-то удивительно спокойно говорите о них.

— Потому что я их пережил. Даже сегодня, я пережил их и не хочу возвращаться снова. Хватит. Это слишком тяжело, это невыносимо. И видеть, и вспоминать. Тем более, переживать заново. Вы не можете представить, что это такое. А ведь я любил ее.... И она, наверное, по-своему любила меня. Иначе не прожила бы со мной и года, а не все семь лет. Не поддерживала в трудную минуту, не помогала, не защищала... и он.... Его я тоже любил. Он был мне как брат. Я доверял им обоим самое сокровенное, из того, что можно рассказать другу, и о чем поведать любимой. И что же? — перед смертью они признались, что имели связь больше года. Вот так просто признались, перед тем, как я пошел в кухню. Они даже не предполагали, он посмеялся, она велела мне убираться. Они не понимали, что разрушили...

— Вы разрушили больше.

Я вопросительно посмотрел на майора.

— Потому вам проще винить их в своем преступлении. А не себя.

— Мне достаточно пережитого. И я уже повинился: и перед ними, и в особенности, перед теми, кого потерял. — Капитан хотел вмешаться,

но майор остановил его жестом. — И я не представляю, как мне испу-
пить все совершенное, и мной, и теми, кто определил мне наказание...
Да, наказание.

При этом слове я замолк и воззрился на майора, ожидая от него немед-
ленного ответа. Он в ответ просто смотрел на меня, не отводя глаз, смо-
трел, пока я не уткнулся взглядом в пол.

— Каково оно будет, мое наказание? — глухо спросил я, не поднимая
глаз. — Что вы мне отмеряли?

Какая-то часть моей жизни была прожита в этой ватной тишине.
Покуда майор не произнес тихо:

— Наказание определяете вы сами для себя. Мы приданы помочь вам
в его исполнении, и только. Именно так действует метод Лисовского-
Бергера для резектированных. Действовал, — добавил он, спустя еще
несколько секунд тишины. — Я не знаю, что вам сказать. Вы не определи-
лись с выбором.

— У меня его нет. Вернее есть, но только один — мне придется начи-
нать все заново. Который уж раз...

Тишина. Не решаясь смотреть им в лица, я оглядел камеру.

Майор поднялся. Следом за ним встал капитан.

— Пойдемте, — сказал молодой человек. — Я вам выпишу пропуск и
поставлю отметку о прохождении возвратного метода в ваш сопроводи-
тельный лист.

Он снова взглянул на майора, но тот не сказал ни слова. Взгляд его не
выражал ничего. Видимо, майор очень устал после свершившейся ночи.
Открывая дверь, капитан немного замешкался. Его старший товарищ
подошел, положил руку на плечо, тот, не оборачиваясь, резко распахнул
дверь. Оба вышли в коридор, оставив меня одного в камере. На выходе
майор повернулся. Глядя в пустоту, произнес:

— Ну что же вы, идemте. Капитан вам все подпишет, — и, не оборачи-
ваясь более, пошел по коридору, тяжелой, шаркающей походкой. Только
тогда я медленно поднялся с лежака, зачем-то закрыл форточку и на ват-
ных ногах сделал первые шаги вслед за ними.

— Наказание...

Но мне никто не ответил. Через несколько минут я был свободен.

Спустился с крыльца, огляделся. И пошел, не разбирая дороги. Вернее,
думал, не разбирая, ведь уже через полчаса, когда силы иссякли, и я оста-
новился немного отдохнуть на скамеечке, услышал шорох детских шагов
и знакомый голос:

— Дядя Сережа? А нам сказали, вы уже не вернетесь.

Ноги вернули меня к детскому саду, еще вчера я сказал бы «моему».
Теперь это было не так.

Я оглянулся, жестом пригласил Павлика присесть. Но того ждали при-
ятеля, он уселся на самый краешек и оглядываясь, нервно побатывал
ногами. Через месяц ему стукнет шесть лет. Совсем скоро в школу.

— Я уже не вернусь, Павлик, — ответил я. Он перестал болтать ногами
и всем телом повернулся ко мне, разом забыв о незаконченной игре. —
Так получилось, я больше не вернусь. Вам все расскажут... потом.

— Дядя Сережа, но... нам говорили. И что говорили... было плохо. Как же вы будете? — задал он совсем недетский вопрос. — И как мы будем — без вас.

На этот вопрос у меня не нашлось ответа. Я смотрел на мальчугана, открывшего большущие глаза навстречу. Вот только поднять руку и потрепать его по непослушным вихрам, как прежде, не получилось. Рука окаменела, недвижно лежа на жестких досках скамьи.

Как-то в одночасье я понял, что это и есть обещанное наказание. Точнее, только самое его начало.

Об авторе

Родился 17 августа 1974 года. Окончил МИРЭА в 1998 году. Литературой начал заниматься достаточно давно, до настоящего времени написал большое число коротких и длинных произведений.

Публиковаться начал с 1998 года в украинском журнале «Порог». До настоящего времени печатался в журналах: «Континент», «Слово», «Московский вестник», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Искатель», «Бурда-Мини», «Мир фантастики», «Человек и закон», «Машины и механизмы» и некоторых других, менее примечательных. «Альфа-книга» выпустило рассказы вышеозначенного, так же сборник «Галилеи-2007» с участием К. Берендеева вышел в украинском издательстве Либуркина. В декабре 2009 года в издательском доме «Флюид» вышла книга автора, содержащая фантастический роман «Осколки».

Николай Шмигалёв

Хроника обратного отсчета

Раскаленная звезда, оставляя в вечернем небе яркий огненный шлейф, с оглушительным гулом пронеслась над засыпавшими девственными джунглями юной планеты и, снизив скорость, упала в предгорье заросшей горной гряды. Несколько длинношеих ящеров, идущих по болотистому берегу безымянной реки, подняв головы к небу, проводили падающую звезду безразличным холодным взглядом и продолжили свой путь...

Ве х а 1.

Записи на электромагнитном носителе сообщений цифрового бортового журнала межгалактического исследовательского судна «Академик Ниоби-Тэо»:

(День аварийной посадки)

«Сообщение. Тип: Службное, кодированное. Гриф: Секретно. Дата отправки: 34.05. Время отправки: 27:864 (третий галактический пояс). Адресат: Диспетчерский Центр Главного Управления Исследовательских Экспедиций. Отправитель: капитан межгалактического звездолета Иллиори-Чэо. Текст: Настоящим докладываю, во время прохождения зоны метеоритного тайфуна, в результате сбоя программы в компьютере контроля систем безопасности произошло несанкционированное отключение защитной энергетической подушки звездолета. Исследовательское судно «Академик Ниоби-Тэо» бортовой номер 333И7У851Z-SS8, получило тяжелые повреждения корпуса, силовой установки и иллюминаторов главной рубки. Во избежание гибели личного состава экспедиции, мной было принято решение об аварийной посадке корабля на ближайшую планету в галактической системе SDF-12X57, ранее изученную нами и имеющую практически идентичные параметры основных экосистем обжитых нами миров. При прохождении верхних слоев атмосферы произошла разгерметизация трех отсеков семнадцатого уровня. Личный состав, находившийся в отсеках погиб. Сама посадка прошла в штатном режиме. Личный состав проверен. По списку 2744, погибших 89. Также несколько членов экспедиции имеют легкие травмы и ранения. Им оказана помощь, в госпитализации не нуждаются. На данный момент проводим полную проверку и тестирование всех систем корабля. О полученных результатах сообщу дополнительно. Прошу дать ответную квитанцию. Конец связи».

(Пять дней спустя)

«Сообщение. Тип: Служебное, кодированное. Гриф: Секретно. Дата отправки: 39.05. Время отправки: 4:111 (третий галактический пояс). Адресат: Диспетчерский Центр Главного Управления Исследовательских Экспедиций. Отправитель: капитан межгалактического звездолета Иллиори-Чэо. Текст: Настоящим докладываю, проверка и тестирование модулей и систем звездолета окончена. Полученные данные показали о выходе из строя систем поддержания кислородного и температурного режима, повреждение навигационного оборудования, а также о полном разрушении семи двигателей силовой установки. Ремонт и восстановление данных неисправностей в полевых условиях своими силами невозможен. Прошу отправить аварийно-спасательные команды с необходимым оборудованием и запасными частями. Перечень материалов и запчастей, а также приблизительные координаты солнечной системы, для определения района поисков, передаю шифрованным сообщением. При получении ответной квитанции произведу включение аварийного маячка. Конец связи».

(Тринадцать дней спустя)

«Сообщение. Тип: Служебное. Гриф: Для служебного пользования. Дата отправки: 6.06. Время отправки: 78:23 (третий галактический пояс). Адресат: Диспетчерский Центр Главного Управления Исследовательских Экспедиций. Отправитель: капитан межгалактического звездолета Иллиори-Чэо. Текст: Настоящим докладываю, по моему решению проведено расширенное совещание экспедиционного корпуса. Согласно Положению о чрезвычайных ситуациях, на совещании был избран Чрезвычайный Совет звездолета, в который вошли командиры боевых и охранных отрядов, а также главы научных отделов экспедиции. В виду отдаленности места аварийной посадки от военно-космических баз Управления, отсутствия вблизи торговых трасс, почтовых и других маршрутов, членами Чрезвычайного Совета принято решение не включать аварийный маячок до получения обратной квитанции, в целях экономии энергии. Службой прогнозов представлен отчет о приблизительном времени прибытия аварийно-спасательных команд. С учетом всех вероятностных показателей среднее время ожидания составило 32 цикла. Запасов пищевой сыворотки на борту для команды осталось на 25 полных циклов. Чрезвычайным Советом поставлена задача химическому и биологическому отделам провести опытное получение сыворотки из подходящих экземпляров местной флоры, на предмет возможного пополнения запасов сыворотки. Медицинской службой окончен анализ местных вирусов и бактерий, проводится изготовление противовирусных препаратов. Сегодня вновь произошло землетрясение, сила землетрясения — 7 баллов по общей шкале. У подножия горного хребта появились трещины. Обратная квитанция нами не получена. Надеемся на вашу помощь. Конец связи».

(Тридцать четыре дня спустя)

«Сообщение. Тип: Информационное. Гриф: Для служебного пользования. Дата отправки: 32.06. Время отправки: 45:81 (третий галактический

пояс). Адресат: Диспетчерский Центр Главного Управления Исследовательских Экспедиций. Отправитель: капитан межгалактического звездолета Иллиори-Чэо. Текст: Довожу в качестве информации, полученная нашими учеными пищевая сыворотка от четырех видов злаков и семи видов фруктов успешно прошла проверку. У двоих из трех добровольцев, получивших инъекцию сыворотки, отклонений в состоянии организма не наблюдалось. Третий доброволец предъявил жалобы на легкое головокружение и тошноту, но его состояние через небольшой промежуток времени улучшилось. Таким образом, мы сможем обеспечить всю экспедицию необходимыми питательными веществами до прибытия аварийно-спасательного отряда. Чрезвычайным Советом поставлена задача биологическому отделу по подготовке инструкции для остальных отделов по посеву и выращиванию злаков и сбору урожая. Отряду тяжелого вооружения и инженерному взводу поставлена задача на расчистку посевных площадей для выращивания соответствующих культур. Параллельно проводится разведка полезных ископаемых для изготовления простейших сельхозмашин. Два дня назад на блокпост было совершено нападение большой стаи одного из видов местной фауны. Огнем из легкого вооружения хищники уничтожены. Усилены меры безопасности при выходе личного состава из корабля. Личный состав полностью привит. Ждем от вас квитанцию. Конец связи».

(Триста шестьдесят пять дней спустя)

«Сообщение. Тип: Информационное. Гриф: Для служебного пользования. Дата отправки: 34.04. Время отправки: 51:122 (третий галактический пояс). Адресат: Диспетчерский Центр Главного Управления Исследовательских Экспедиций. Отправитель: капитан межгалактического звездолета Иллиори-Чэо. Текст: В качестве информации, нами собран первый урожай злаковых для получения сыворотки. Также геологоразведкой установлено, что наш корабль находится на стыке двух геопластов этой сейсмоопасной зоны. За данный период произошло четыре сильных землетрясения и большое количество легких толчков. По решению Чрезвычайного Совета часть запасов сыворотки и других материальных средств перенесено из хранилищ звездолета в полевой лагерь биологического и технического отделов. Еще одно важное событие — на данной планете родился первый ребенок, точнее двойня. В семье астробиологов Уоуху-Коу пополнение, в ближайшее время ожидается прибавление еще в нескольких семьях. Личный состав экспедиции ждет вашего сигнала. Ждет и надеется! Конец связи».

(Четыреста один день спустя)

«Сообщение. Тип: Открытое. Гриф: Несекретно. Дата отправки: 12.09. Время отправки: 17:65 (третий галактический пояс). Адресат: Всем кто меня «слышит». Отправитель: председатель Чрезвычайного Совета аварийного звездолета «Академик Ниоби-Тэо» капитан Иллиори-Чэо. Текст: Время ожидания обратной квитанции истекло. Чрезвычайный совет принял решение выходить в эфир на открытых частотах. Включаю аварийный маячок. Ждем помощи! Сканеры радиостанции работают на прием!».

Вежа 2.

Выдержки из дневника члена Чрезвычайного Совета, лейтенанта Вэлио-Рэа, возглавившего Совет после гибели капитана Иллиори-Чэо:

(Год и восемь месяцев спустя)

«Прошло 611 местных суток со дня нашей посадки и 12 суток со дня гибели звездолета. Я, лейтенант Вэлио-Рэа, назначен председателем Чрезвычайного Совета или Совета Девяти общим голосованием на третий день после гибели нашего судна «Академик Ниоби-Тэо». Я продолжаю вести бортовой журнал нашего судна и экспедиции в своем дневнике. Коротко об обстоятельствах катастрофы. Во время последнего сильнейшего землетрясения произошел сдвиг пластов, и звездолет с находившимися на его борту членами экспедиции — всего 430 человек — провалился в образовавшуюся расщелину. Среди них находился и капитан Иллиори-Рэо. Звездолет затонул в жидкой раскаленной лаве. У тех, кто находился на корабле, не было ни одного шанса. Основную массу экипажа спасло то, что они находились на сельхозработках, на большом удалении от корабля и образовавшейся расщелины. Все мы, оставшиеся в живых, собрались недалеко от расщелины, поглотившей звездолет, почтить память наших коллег и друзей. За исключением нескольких почти разряженных бластеров и ультразвуковых пугачей, мы остались без оружия, без снаряжения, а главное, без основных запасов пищевой сыворотки. Все считают, что мы обречены на медленную смерть от истощения (о хищниках пока никто не вспоминает). Мое первое распоряжение: продолжать проведение опытов по получению сыворотки из местной флоры».

(Два года спустя)

«Судя по моим зарубкам, сегодня прошли 744 сутки нашего пребывания «в плену» планеты. Очень тяжело без электрических приборов, точных инструментов и бытовых роботов. Люди продолжают оплакивать гибель корабля, многие сдались и раскисли. Лучше всех справляются с этими лишениями ученые, держатся молодцом, хотя даже некоторые солдаты и офицеры проявляют слабодушие, отказываются выполнять свои обязанности, нарушая присягу. Мне стоит больших усилий держать их в дисциплине, чтобы они окончательно не потеряли человеческий облик. Пришлось внести на рассмотрение Совета Девяти предложение по введению трибунала. Потеря всех благ цивилизации практически раздавила, сломила волю нашей экспедиции. Только вера в помощь наших собратьев, которые наверняка, уже осуществляют поисковые мероприятия, дает мне самому силы не сломаться и помогать другим, хотя я понимаю, что без радиомаяка они могут искать нас не одну сотню циклов в этой части галактики, но надежда всегда остается»

(Четыре года спустя)

«Прошло четыре местных цикла. Это условное название, так как местный цикл гораздо короче среднего цикла наших колоний. Как и рассчитали наши

ученные сразу же после приземления на планету, она действительно делает оборот вокруг своей оси за 48 наших часов, также эта планета делает 365 оборотов вокруг своей оси, пока совершает полный оборот вокруг звезды. Таким образом, сегодняшний день можно считать днем четвертой годовщины по местному времяисчислению, как мы находимся здесь. Дата не вполне круглая, но уже можно подвести итоги. Мы живы, и это главное. Наш доктор Юэли-Хое вычитал в одной из старых книг, взятой им из библиотеки звездолета еще до катастрофы, способы термической обработки злаковых для получения пищевой добавки под названием — «КАША». Проведя эксперимент, доктор без уведомления Совета на себе испытал полученную пищу. Несколько дней этот «естествоиспытатель» находился в пограничном состоянии, но выжил. Хотел объявить ему выговор, передумал — все-таки доктор старается для всех. Да и какой от этих выговоров прок.

На всякий случай приставил к нему охрану. Это доктор продал в Совете свое Медицинское предписание, и теперь он и нас заставляет принимать параллельно с пищевой сывороткой по несколько ложек «каши» в сутки, как он говорит, для привыкания организма. Я думаю, это он в отместку, хотя и утверждает, что это очень питательно. Кому-то плохо от этого, а лично мне вкус «каши» нравится. Доктор говорит, что когда запасы пищевой сыворотки закончатся, мы сможем питаться этой «кашей». Хорошо, если так».

(Восемь лет спустя)

«Давно уже не веду счет времени, но, приблизительно, прошло уже где-то циклов восемь-девять. Судя по последней дате, в журнале я тоже давно не производил записей. Много проблем в лагере. Неделю назад небольшие запасы сыворотки закончились, но мы этого и не почувствовали. Основной рацион в нашем меню уже давно состоит из каш, а также печеных и вареных овощей и свежих фруктов. Наши желудки справились с давно позабытыми видами пищи. Теперь основная задача, выстоять против здешних плотоядных ящеров, которые не дают покоя нашим лагерям. Стаи хищников то и дело нападают на группы наших сотрудников, все бластеры уже полностью разрядились, но мы приноровились защищаться от них с помощью огня, которого ящеры ужасно боятся. Единственный уцелевший из тяжелого вооружения, программируемый самоходный огнемет, при опасности позволяет быстро поджигать припасенные загодя факела и поленицы. Нашу «Зажигалочку», как нежно его прозвали солдаты, мы бережем как святыню. Если им грамотно пользоваться, то огнемет прослужит еще долго. Надо будет попросить главного инженера перепрограммировать его на экономичный режим.

К сожалению, за эти циклы уже много товарищей из нашей общины погибло от когтей и зубов хищников. Плохо все-таки без нашей крепости, без корабля, вечная ему и погибшим с ним товарищам память. Видимо, мы так и не были услышаны».

(Двадцать три года спустя)

«Я уже и не помню, кто предложил попробовать сварить мясо животного, убитого нами в битве, но первый попробовавший его смельчак умер в

ужасных муках. Хорошо, что это был не Юэли-Хое. Возможно, мясо животных ядовито, хотя вернувшийся из дальнего селения доктор утверждает, что наши организмы еще попросту не готовы переваривать эту пищу. Я не знаю, кто прав, но пахнет вареное мясо очень вкусно. Правда, попробовать я все-таки не решился.

Эта смерть не омрачила радостной вести. У нас вновь пополнение. Уже в который раз в наших семьях рождаются двойни, мальчик и девочка. Я атеист, но эта странная планета заставляет и меня начать верить в сверхъестественное — на одного умершего или погибшего она дарит нам двух, а то и трех маленьких человечков взамен. Порой мне кажется, будто планета живая, хотя я разумом понимаю, что такое просто невозможно, но от этой фантазии — что за тобой кто-то присматривает, — становится легче. Возможно, когда-то «живая планета» станет родной для наших потомков. А сейчас я помышляю, не придумать ли для людей бога, чтобы им было легче переносить здесь тяготы и лишения. Надо будет посоветоваться с доктором».

(Пятьдесят семь лет спустя)

«Это последняя запись в нашем «Бортовом Журнале». Хотя я и старался делать записи только о самых важных вещах и событиях, журнал закончился, больше в нем не осталось ни одного неисписанного листа. Здесь собраны все рецепты приготовления безопасной пищи, все наши наблюдения за природой и окружающим миром, все наши знания и советы доктора Юэли-Хое. Кстати, этот беспокойный старик однажды сварил-таки мясо, попробовал его и... не умер. Теперь он ест его периодически и предлагает попробовать остальным. Некоторые последовали его примеру, но большинство пока боится принимать мясо в пищу. Видимо, мы еще не совсем готовы.

Нас уже несколько лагерей. Все лагеря расположены вдоль Звездной Реки. Название ей дал я. И еще, мы продолжаем бороться за выживание и ждать «божественных братьев» из Космоса. Трепетная вера в пришествие «братьев-богов» переносится гораздо легче, чем томительное ожидание спасательных команд. Но мы, первопоселенцы, наверное, уже не дождемся их. Нас осталось всего несколько дряхлых стариков. Я чувствую, что скоро и моя очередь «уйти к звездам».

Ве х а 3.

Рунические письма старосты Мифона на летописных свитках Инженевской общины:

(Четыреста тридцать лет спустя)

«Сто седьмое лето от полуденного затмения.

Завещал нам мудрый знахарь Полимевр, прямой потомок Инжерия Головатого, чтить корни наши. Сказывал он, что предки наши с небес сошедшие, оставили опосля себя Великую Книгу Жизни, именуемую «Бордовый Журавль». Никто не ведает, где сия книга схоронена и была ли она в самом деле, а раз не ведомо, значит никому не надобно.

Забывает божественные корни люд наш. Не хочет ко мне в ученики никто идти, азбуку многомудрую постигать. Не хочет никто писания древние изучать. Последний я из чтецов-летописцев остался. Дурно в некогда светлых весях стало. Враждуют общины друг с другом. Намедни дружина Механчан истребила два селения Химичей, всех девиц в полон угнала. Дурно это — на братьев и сестер руку поднимать. Благо еще в Зажигальный Месяц перемирие ни единожды не нарушалось, когда со всех общин к Матери-Зажигалле посланцы приезжают за священным огнем для очагов и костров. Никто святыню к рукам не прибрал, и то ладно. Означает сие, что остался ум у сородичей...»

(Четыреста сорок семь лет спустя)

«Сто двадцать четвертое лето от полуденного затмения.

Горе постигло землю нашу. Сего дня не подарила Мать-Зажигалла огня своего, отвернулась от отпрысков своих, разгневалась за дела их черные. Нет теперь у общин огня, нет защиты, нет тепла и еды. Отвоевались воины, отрожали матери. Будут знать, как кровь пускать братьям в Зажигальный Месяц. Тьма пришла на селенья наши. Тьма и погибель от хлада, от глада, от зверя лесного и болотного гада. Выходит, не брехал юродивый бродяга Таховал, пророча, дескать, многие новорожденные дети, шерстью покрытые, дурной знак — предвестник лихих времен...»

Века 4.

Петроглифы жреца Кон-Ха высеченные на Треножнике — каменных валунах, обрамляющих жертвенный алтарь в устье Звездной Реки:

(Восемьсот семьдесят лет спустя)

«Пришло время Холодного Ветра. Племя Великого Кап-Тахи оставило свою стоянку. Племя ушло на восход Слепящего Ярга. Гул-Хэ повел племя туда, где много вкусных кореньев. Племени Великого Копитахи хватит прокормиться до прихода времени Теплого Вздоха».

«Племя Могучего Лийт-Нахи своими жалкими подношениями рассердило Божественных Духов Предков, смотрящих на нас с Ночных Небес. Духи Предков накрыли землю белой шкурой. Духи Предков затащили большую воду каменной чешуей. Боги требуют горячей крови».

«Трижды Слепящий Ярг сходил в свою могилу и воскресал, а время Теплого Вздоха так и не пришло. Никто не идет к Кон-Ха. Никто не несет подношения Божественным Духам Предков. И племена, и боги отвернулись от Кон-Ха. Кон-Ха прокликает людей и сам ложится на жертвенный алтарь. Не сошли боги с небес. Кон-Ха сам идет к ним».

Последняя вежа (около трех тысяч лет спустя)

Юный Кхэ мчался через заросли колючего кустарника и в порыве охотничьего азарта не чувствовал его острых шипов. Он оставлял на его колючках клочки своего меха и не жалел об этом, он знал что его молодое сильное тело быстро восстановит волосяной покров, благодаря которому он и его собратья могли спать на снегу как саблезубые хищники, плыть подо льдом, подбираясь к жертве, или привлекать самых красивых самок из своей стаи. Слева и справа от Кхэ с громкими криками и рычанием бежали его кровные братья Уло и Гуэ. Они дружно загоняли ушастого великана к обрыву, чтобы тот упал на острые, как их ножи, камни. Если охота будет удачной, то их семье можно будет, не беспокоиться о пропитании до самого рождения ручьев.

Великан выскочил на открытую площадку перед обрывом и, развернувшись навстречу преследователям, остановился, выставив вперед огромные бивни. Кхэ, не замедляя бег, метнул копьё в морду великану, пронзив каменным наконечником его хобот. Взревев от боли и ужаса, великан развернулся и помчался на верную гибель...

Кхэ, стоя на краю обрыва, весело скалился. Его хитрая идея — загнать жертву на верную смерть — сработала. Когда подошли его братья, он указал им на большую грудку мяса, лежавшего под скалой. Ударив себя в грудь кулаком, он протяжно завыл и стал ловко спускаться вниз с выступа. Кхэ должен был первым испробовать теплое мясо великана. Это было право сильнейшего.

Достав нож, Кхэ, одним движением отрезал небольшой кусок мяса с ребра великана, поднес теплую плоть ко рту и замер. Запах свежего сырого мяса просто сводил его с ума. Не выдержав искушения, он с рычанием вонзил в него свои острые зубы. Во избежание взбучки, его братья ждали приглашения, сидя на корточках поодаль. Спустя несколько минут Кхэ покончил со своим обедом. Сытно рыгнув, он развалился на теплом, но начинающем остывать теле огромного животного и гортанным криком пригласил своих братьев отведать свежины.

Подкрепившись и нарезав несколько больших кусков мяса, охотники насадили их на копыя, с каменными наконечниками. Оставив Гуэ присматривать за добычей, Кхэ и Уло отправились в пещеру к стае, порадовать вожака-отца, мать, маленьких братишек, сестренки и других самок нежным сочным мясом молодого великана...

Вечером, когда все засобирались ко сну, Кхэ вышел из темной пещеры и уставился на небо, откуда на него неотрывно смотрели холодные глаза его предков. Он слышал от одного из стариков легенду, что когда-нибудь к ним спустятся на летающих великанах великие предки и заберут их племя в другое место, где много мяса и самок, за которых не надо драться и кусать братьев.

«Глупая легенда, ушастые великаны не летают, — подумал Кхэ, — а мне и здесь хорошо».

Вдруг один из небесных глаз стал увеличиваться в размерах и, превратившись в большое светящееся пятно, выпустил длинный ровный хобот,

как у ушастого великана, только намного больше. У Кхэ от волнения учащенно забилось в груди. Он прижался к стене пещеры, наблюдая за светящимся великаном. На какое-то мгновение ему почудилось, что это их великие предки вернулись за ним и его племенем. Он хотел выскочить и помахать им, но ноги его не слушались. Через несколько секунд светящийся великан с ярким хоботом, сделав небольшой круг, исчез за черным горизонтом неба. Яркая точка растворилась среди бесчисленных мириад глаз их предков.

Пытаясь запечатлеть увиденное, Кхэ схватил лежавший у входа камень и стал чертить на стене пещеры образ Огненного Великана. Несколько искр от камня попали на его лежанку из сухих листьев и травы. Лежанка вспыхнула, озарив волшебным светом пещеру. Вся семья вскочила и, испуганно скуля и повизгивая, отпрянула вглубь пещеры. Только Кхэ стоял на месте, зачарованно глядя на огонь. Пытаясь потрогать странное животное, Кхэ протянул к нему руку и обжегся. Он не стал злиться и бить его, он присел рядом и, догадавшись, что его новый знакомый любит есть сухую траву, дал ему лежанку Уло. Спрятавшийся за камень Уло, не возражал.

Получив еще порцию еды, новый друг стал сильнее и выше, осветив своды пещеры и ее дальние уголки. Кхэ понял, что его теплый товарищ хочет, чтобы он закончил свой рисунок при свете его дружелюбных языков.

Кхэ в несколько штрихов дорисовал увиденного им Огненного Великана с гигантским хоботом и повернулся к семье. Все, включая его отца, сидели на корточках, покорно склонив головы к коленям. Это означало рождение нового вождя. Семья признавала за ним это право.

Эволюция дошла до точки своего перигея — Человек начинал творить, вступая на долгий обратный путь к звездам.

Об авторе

Окончил Республиканскую военную школу им. Б.Момыш-улы, 1995 год, г. Алматы; Военно-космическая академия им Г.К. Жукова, 2001 год, г. Тверь. Увлёкся художественной прозой в 2003 году. Публиковался в казахстанской военной газете «Сарбаз» с рядом статей, а также со стихотворениями на военную тему в 2006-2007 годах. Печатался в казахстанском литературном журнале «Нива» в 2008 году с рассказом «Бирюзовая юрта», в 2010-2011 годах в нем же с повестью «Не от мира», в 2012 с повестью «Почти как три богатыря». Лауреат литературного конкурса «Большой финал-2012» в номинации «Руслан и Людмила» (1-е место за стихотворение-поэму «Предание о серебристом волке»), и в номинации «Полнолуние» (2-е место за рассказ «Бирюзовая юрта»).

Эдуард Бобров

Триста лет тому назад

повесть

Авдеев не любил кошек. Во дворе его дома их было множество, они часто переходили ему дорогу, никогда не уступали, и, если он шикал на них, стараясь пройти первым, они только приседали на лапы, сузив глаза, внимательно смотрели на него, и, поняв, что он никакой опасности не представляет, неспешно шествовали дальше. Он, как человек суеверный, чертыхался, и, чтобы не было беды, незаметно для других заплетал палец за палец и три раза сплевывал через левое плечо. Со стороны, вероятно, казалось смешно, но ведь он делал это незаметно, чтобы другие не видели. Сам себя ругал за суеверие, за отсталость взглядов, но ничего не мог с собой поделать.

Зато и кошки отвечали ему полным безразличием. Они были независимы, горды, передвигались медленно и с достоинством, и вообще вели себя как настоящие хозяева двора. При встрече с ним на их мордах появлялось недоумение: что это он ходит тут, мешая их жизни? Кто этот человек, выходящий из дома утром и возвращающийся вечером в свой подъезд? Зачем он здесь? Какая от него польза?

На даче, куда Авдеев только что переехал на летние месяцы, была кошка. Хозяйка, сдавшая ему комнату в своем доме, звала ее Муськой. Муська была ободранная и тощая, серая шерсть клочьями торчала на теле, но и она имела независимый вид, гуляла сама по себе, не разрешала гладить и на Авдеева смотрела всегда настороженно и подозрительно, нисколько не считаясь с ним. Она любила нежиться на крыльце перед его дверью, и он, чтобы войти в свое жилище, должен был аккуратно подвинуть ее носком ботинка. Муська лениво поднималась, агрессивно выгибала спину, шипела и недовольно прыгивала с крыльца. Потом отходила в кусты и оттуда, сверкая зрачками, следила за непонятным существом, помешавшем ее отдыху.

— Брысь! — привычно прогонял он ее, но Муська не уходила, понимая, что в кустах он ее не достанет, не погонится за ней, тут она защищена.

Из своего укрытия она настороженно следила за каждым его движением, глаза недобро сверкали, так что Авдееву оставалось только сплюнуть с досады.

— Тьфу! Чтоб тебя!..

— Авдеич, — вдруг услышал он голос хозяйки за спиной, — к тебе приятель заходил.

— Какой приятель?

— Такой тощенький, маленький... фамилия еще такая странная. Ты мне говорил, да я не запомнила.

Хозяйка дачи, немолодая женщина в грязных резиновых сапогах, вышла из глубины садового участка и, защищаясь ладонью от солнца, посмотрела на него.

— Волосы у него седые, торчат во все стороны. Да знаешь его, через два дома живет.

— А... — догадался Авдеев, — Биль-Белоцерковский.

— Во, он самый. Сказал, чтобы зашел к нему сегодня в гости. Говорит, разговор важный есть.

— Спасибо. Зайду.

— Биль, — смешливо покачала она головой, — напридумают же люди себе чудных фамилий. Еврей что ли?

— Почему еврей? — Обиделся за друга Авдеев.

— А как же иначе? Биль — не наших кровей.

Авдеев был интернационалистом. Что же тут чудного, подумал он, отец Биля — немец по фамилии Биль, а мать из Белоруссии — Белоцерковская, вот и соединили две, получилось как-то по аристократически красиво. Помнится, писатель был такой в тридцатых годах. Может, потомок? Хотя вряд ли, приятель не имел никакого отношения к литературе, никогда об этом не упоминал и вообще был далек от изящной словесности. Да и какая разница, Биль-Белоцерковский или, например, Авдеев. Сам он давно не обращал внимания на необычную фамилию друга, привык.

Но хозяйка дачи, видно, не была интернационалисткой.

— Биль!.. Хм, Биль!.. — возмущенно приговаривала она, счищая грязь с резиновых сапог. — Да еще Белоцерковский!

— Да что вам далась эта фамилия, — наконец, не выдержал Авдеев, и значительно добавил: — Зато умница. Он микробиолог!

— Микро... чего? — не поняла женщина.

— Профессия такая есть — микробиолог.

Хозяйке это ничего не говорило.

— А с чем эту профессию едят? В смысле, чем он занимается?

— Ну... — в замешательстве ответил Авдеев, — изучает молекулярность, клетками занимается.

Тут уж ненавистница сложных фамилий несказанно удивилась.

— Какими еще клетками? Для кроликов что ли?

— Это трудно объяснить... — ушел от ответа Авдеев, поскольку сам смутно представлял, чем занимается микробиология, но сдаваться не собирался, попытался объяснить. — Видите ли, человек состоит из клеток, где каждая отвечает за свой участок... Вот он и пытается навести в них порядок. Впрочем, это сложно объяснить.

Хозяйка небрежно махнула рукой, словно сразу осилила все премудрости этой непонятной науки.

— Да поняла я, поняла. Это как у меня на участке. Ты думаешь, почему я в таких сапогах хожу, а потому что навожу порядок. Грязь вывожу, навоз собираю. Одни свиньи сколько отходов дают... Зато когда уберусь, сама рада, на душе спокойнее. Так, видно, и у твоего Биля...

Авдеев больше не хотел спорить и согласился.

— Ну, в принципе, похоже...

— Вот именно, похоже. А то все умница да умница. Навоз вывозить каждый сможет, тут ума особого не надо.

Авдеев постарался побыстрее скрыться в своей комнате, чтобы не продолжать неприятный разговор. Возмущению его не было предела. Как же можно так о микробиологии говорить! Это же... это же вершина... вершина чего? — не сумел закончить он фразу. Короче, вершина науки, вдруг нашелся он, и победно поднял палец. Да! Сколько еще у нас необразованных людей, подумал он. Темнота кругом.

В гости к другу решил пойти сразу же, дело шло к вечеру и посидеть за дружеской беседой с умным человеком было приятно. То, что Биль был умным человеком, у него не вызвало сомнений. Вдруг по этому поводу вспомнил старый анекдот. Встретились за кулисами театра два пожарника, один говорит, наш трагик — умный человек, всегда что-нибудь новенькое сообщит. Другой спрашивает: а что, например? Да вот, отвечает первый, вчера сообщил, что земля — то, оказывается, вертится». Авдеев сам себе улыбнулся. Конечно, шутка, просто вспомнил при случае. Впрочем, может то, что для микробиологов обычное дело, для него, как для того пожарника — открытие. В микробиологии Авдеев был профан, слышал только, что ученые творят чудеса, но какие — понятия не имел.

У Били расположились в полисаднике, в теньке. Авдеев захватил с собой бутылочку коньяка и, едва присев на деревянную лавку, выставил ее на стол. Он не сомневался, что микробиологи тоже любят выпить. Особенно коньячку.

Естественно, встал вопрос о закуске. Биль засуетился, сбегал несколько раз в дом, принеся кое-какой снеди. Авдеев следил за его беготней и невольно улыбался. Биль был уже давно не молод, но сохранил энергичную подвижность, быстро семенил мелкими шагами, и волосы на ходу колыхались от ветра. Они были все еще густыми, но совершенно седыми, как у Эйнштейна на известных фотографиях, стояли торчком, как ни пригладивай.

Наконец на столе разместились нехитрая закуска, правда, мало подходящая к благородному напитку из солнечной Армении: огурцы, помидоры, холодные картофелины и только что сорванный с грядки лук. Сойдет, подумал Авдеев, не в ресторане ведь. А коньяк — он под любую закуску коньяк.

Налили по первой, только произнесли тост, но выпить не успели. Биль вдруг сорвался с места.

— Извини, забыл...

Через мгновение он исчез в доме, но очень скоро вышел, неся на плече увесистую сумку. Бережно поставил ее на лавку рядом с собой. Авдеев несколько удивился такому повороту, но расспрашивать не стал. Раз Биллю надо, чтобы сумка была рядом, значит, пусть будет. Может, там еще бутылочка припасена или закуска какая.

Выпили с удовольствием. Поговорили про погоду, про международное положение, про соседей по даче, про виды на урожай и о всякой другой всячине.

После третьей стопки Авдеев почувствовал, что захорошело. На душе стало приятно, он расслабился, не хотелось никуда спешить, а Биль оказался близким и почти родным человеком, хотелось обнять его, и, прислонившись к его плечу затащить какую-нибудь народную песню. Вот только песни он вдруг сразу все позабыл, не мог вспомнить ни одну.

Зато Биль, хотя и выпил наравне с Авдеевым, пьяным совершенно не был. Не брал его коньяк. А все потому, что он был настроен на важный разговор, требовавший ясности головы, рассудочности и серьезного отношения к теме.

— Так ты чего позвал меня, дорогой? — наконец вспомнил Авдеев. — Разговор что ли какой есть?

— Есть, Авдеюшка, серьезный разговор есть.

— Тогда еще по одной, и за дело, — предложил гость, лихо опрокинул рюмку в рот, но заметил, что хозяин не стал выпивать, а сосредоточенно поставил рюмку на стол, готовясь к важному разговору.

— Вот что, дорогой. Разговор очень важный. Только дай слово, что ничему не будешь удивляться.

В сумке, стоящей рядом с Билем, что-то зашевелилось, она вдруг как-то странно покачнулась, будто в ней кто-то был. Авдеев удивленно посмотрел на сумку, подумал, что много выпил, не может сумка сама собой шевелиться. Еще раз взглянул на нее, но теперь она стояла не шелохнувшись. Показалось, подумал Авдеев, надо меньше пить.

— Представь себе, Авдей, — начал свою речь Биль, — что ты живешь на свете уже триста лет. Можешь такое представить?

Авдеев невольно гоготнул.

— Это сколько же коньяка можно выпить за триста лет? Целое море. Еще сопьешься.

— Я ведь предупредил, чтобы ты отнесся к моим словам серьезно, — обидчиво сказал хозяин стола. — Соберись с мыслями. Итак, можешь представить себе, что ты прожил триста лет?

— А зачем? — все еще принимая разговор за розыгрыш, заулыбался Авдеев.

— Ну как бы тебе это объяснить, — раздосадованно отреагировал Биль. — Я говорю это в качестве гипотезы, понимаешь? Предположим, понимаешь?

— Не-а, — уже более серьезно ответил Авдеев. — Кто там правил триста лет назад?

— Ну, Петр Первый, потом Анна Иоанновна...

— При Петре Первом ни за что! — вдруг горячо высказался Авдеев. — Смутное время, опричнина, стрелецкая казнь, варварские запреты, Петр за бороды своих бояр дергал... Жестокое было время. Нет, не уговаривай. Тогда даже телевизора не было. Футбола не было! Да ты что, зачем мне такое кино? Скукота, а не жизнь.

Биль вскинул голову и энергично продолжал.

— Ну хорошо, может, это не совсем удачный пример. Но вот триста лет, начиная с этого дня, хотел бы ты еще прожить?

Авдеев задумался. Чудит что-то друг, завиральные идеи провозглашает. Может, свихнулся малость на своей науке? Говорят, ученые они все такие —

не от мира сего. Да ладно, подумал, разговор-то чисто теоретический, тем более после третьей рюмки. Тут не только триста лет предложишь, тут можно бог знает до чего договориться.

— Ну, может, и захочу... не знаю, — вяло откликнулся Авдеев. — Вообще-то интересно, что там будет через триста лет? Открытия всякие произойдут, техника достигнет невероятных высот, новые войны начнутся... С Белоруссией к тому времени, может, объединимся. А вот, правду, например, говорят, — вдруг загорелся он, — что Москва скоро может под землю опуститься?.. Потому что метро под всем городом прорыли. Знаешь, я верю.

— Слушай, Авдеев, о какой ерунде ты говоришь! Я тебя серьезно спрашиваю, хочешь ты прожить триста лет или нет? Ведь это огромное удовольствие — видеть этот мир, вдыхать запах трав, встречать рассветы и закаты, любить женщин, пить вино, наконец...

— Да, это хорошо... кто спорит. Только ведь за триста лет даже и вино надоест.

Черная сумка опять зашевелилась. Теперь Авдеев ясно почувствовал, что там кто-то есть. Кто-то скребся, двигался, издавал непонятные звуки, будто стремился вырваться наружу. Авдеев ошалело уставился на сумку: что за чертовщина? Неужели там кто-то живой? Может, Биль — скрытый маньяк, истязавший младенцев? Боже мой, только этого не хватало.

— Что у тебя там? — испуганно спросил он, боясь подтверждения страшной догадки.

— А, это Багира, — равнодушно ответил приятель. — Проснулась, наверное.

— Какая еще Багира? — похолодел Авдеев.

Биль расстегнул молнию на сумке, и оттуда показалась голова кошки.

— Фу, как ты меня напугал! Зачем же ее в сумке держишь. Пусть по травке побегает.

— Нельзя. Это очень дорогая кошка.

— Порода, что ли, особая? Сколько стоит?

— Не в этом дело. Багира — мой эксперимент, — загадочно ответил Биль.

Кошка встала во весь свой немалый рост, оказавшись довольно крупной особью. Черная шерсть, без малейшего светлого пятна отливала шелком, ухоженная и чистая, видно было, что ее хорошо и правильно кормят. Багира потянулась, как человек, проснувшийся после сна, прогнулась, разминая затекшие члены. Большие зеленые глаза сощурились, потом широко открылись, она осмотрелась, словно оценивая обстановку и, медленно, аккуратно поднимая лапы, вышла из сумки. Но тут оказалось, что на шее у нее надет изящный маленький ошейник, а от ошейника ведет тонкий кожаный поводок, намертво прикрепленный ко дну сумки.

Авдеев смотрел на это чудо во все глаза. Что все это означает? Почему кошка в сумке, почему на поводке, что за эксперимент проводит с ней Биль, почему не отпускает на волю? Вопросы, один загадочнее другого, роились в его голове. Он недоуменно уставился на друга. А тот, почувствовав в его взгляде немой вопрос, ответил:

— С некоторых пор я вынужден не отпускать ее от себя ни на шаг.

— Но почему? Что в ней особенного?

— Видишь ли, когда я начал эксперимент, то свободно отпускал ее на волю, она бегала, где хотела. Но иногда по ночам она пропадала, являлась домой лишь через сутки, а я места себе не находил. Где она? Что с ней? Потом на нее однажды чуть не наехала машина... Я был в ужасе, ведь эксперимент может сорваться по чистой случайности. Я так и не увижу результатов. Поэтому решил охранять ее жизнь, чтобы не произошло чего-нибудь непредвиденного.

— Но зачем тебе это? — все еще ничего не понимая, удивленно спросил Авдеев.

Багира посмотрела на Авдеева широко открытыми глазами, потом согласно сощурилась, будто понимая, о чем сейчас поведет речь хозяин, и призывая Авдеева слушать внимательно. Он удивился, неужели Багира все понимает? Или спяну показалось? Он еще раз внимательно посмотрел на кошку, а она, удобно устроившись на лавке рядом с Билем, умиротворенно закрыла глаза. Слушай, мол, и не перечь умному человеку.

— Так вот, я решил обезопасить свою Багиру от случайностей, — продолжил рассказ Биль, — я даже стерилизовал ее, чтобы она не пропадала по ночам. А вот скажи, Авдеич, сколько живут кошки? В среднем?

— Не знаю, — неуверенно проговорил визави, — лет восемь, кажется, или десять.

— Правильно. Если по человеческим меркам, то получается в среднем лет семьдесят. А она прожила у меня в пересчете на человеческую жизнь триста лет. Представляешь, триста!

— Как это? — расширил от удивления глаза Авдеев.

— А-а, — удовлетворенно протянул Биль, — заинтересовало! Вот теперь слушай дальше. Правда, придется растолковывать тебе довольно трудные материи, но ты постарайся сосредоточиться.

— Может, для начала еще по одной? — кивнул головой на початую бутылку Авдеев, — лучше понимать буду твои материи.

— Давай, — согласился Биль. — Мне тоже надо набраться храбрости, чтобы рассказать все. Практически никому об этом не говорил. — И добавил: — Кроме академика Амбарцумяна.

Довольно крикнув, Авдеев поставил пустую рюмку на стол.

— Теперь валяй про своего академика.

— Да, — с некоторой печалью в голосе продолжил Биль, — Амбарцумян был выдающейся личностью. Генетик, микробиолог, химик, генный инженер — все это соединилось в одном человеке. Я боготворил его. На биофаке был моим научным руководителем, он и оставил меня в аспирантуре, приняв под свое крыло.

— Не слыхал про такого.

— Эх, дорогой, откуда тебе знать! О нем знал довольно узкий круг людей, его работы были засекречены, потому что он занимался проблемой генной инженерии, переставивал коды клеток... Впрочем, не буду засорять твою голову научными терминами.

Багира вдруг напряглась, стремительно встала во весь свой кошачий рост, сделала несколько быстрых шажков по деревянной лавке, насколько

позволял поводок, и вгляделась в заросли травы. Что она там увидела? Авдеев отметил необыкновенную грациозность кошки, совершенство ее тела и изящность движений. Может, подумал он, триста лет жизни научили ее спокойствию и сдержанности, отточив каждое движение, выработав безупречный инстинкт? Багира, между тем, присела на лапы у самого края скамейки и внимательно вгляделась в заросли травы. Он проследил за взглядом кошки и заметил, что трава в том месте, куда она смотрела, шевельнулась. Поначалу ничего не увидел, и только спустя некоторое время, обнаружил, что в кустах сидит Муська. Как она здесь оказалась? Впрочем, она ходит по всем участкам, для нее нет заборов и загоронок. Свободолюбивая кошка, хозяина не имеет, вот и лазает, где угодно. Авдееву показалось, что Муська с любопытством разглядывает черную красавицу, завистливо отмечая ее грацию и безупречные формы. Несколько мгновений длилось скрещение взглядов, но вскоре Багира, разглядев в кустах ободранное серое существо, презрительно прищурила глаза. Такая уродина, да на нее и смотреть противно. Плебейка. Поняв, что сопоставление с черной красавицей не в ее пользу, Муська обиженно удалилась, не понимая, почему та не хочет подойти к ней.

— Так вот, — не обращая внимания на интерес Авдеева с Багире, продолжал Биль, — я занимался под руководством Амбарцумяна, мы много экспериментировали в области геронтологии, иммунной системы, обнаружению ключевых генов... Поверишь, я был его любимчиком, потому что мог работать по двадцать четыре часа в сутки, неординарно мыслить и сопоставлять несопоставимое.

— А зачем сопоставлять несопоставимое? — удивился Авдеев. — Какой в этом смысл?

— А затем, дорогой мой, что самые невероятные открытия случаются иногда там, где преодолевается инерция мышления, где ломается стереотип, установившиеся теории, догмы...

— Ну и что, сломал... догмы?

— Да, — уверенно подтвердил Биль, — кое в чем я добился определенного успеха.

— Например, в чем? — спросил Авдеев чтобы только поддержать тему, но в принципе, отвлеченный разговор его все меньше и меньше интересовал.

— Доказательство моих открытий — вот эта кошка, — убежденно сказал он и любовно погладил ее по лоснящейся шерсти. — Она прожила несколько кошачьих жизней, что в человеческом перечислении равно трехстам годам.

А почему я знаю, что ей триста лет? — засомневался Авдеев. Кошка хоть и хороша, но обыкновенная, во дворе его дома таких черных тварей полным полно. В этот момент он взглянул на Багиру, и сердце его дрогнуло. Она смотрела на него по-человечески осознанно, смотрела прямо в глаза, впилась в него взглядом строго и жестко, словно возмущаясь его сомнению. В ее глазах блеснул недобрый огонек. Авдеев похолодел. Чертова ведьма, ведь смотрит так, что сердце в пятки уходит.

— Ладно, верю, — отведя взгляд от Багиры, согласился он, — что дальше?

Он плеснул себе в рюмку внеочередную дозу спиртного и, стараясь восстановить душевное равновесие, мигом опрокинул ее.

— А дальше, дорогой, начинаются настоящие чудеса. Просиживая за микроскопом ночами напролет, я вдруг обнаружил то, что искал. Я открыл ген старения!

— Это как? — удивленно уставился на него Авдеев.

— Если говорить популярно, то в каждом из нас от природы заложены гены, отвечающие за тот или иной участок, процесс. Вот, например, тебе известно, что левое полушарие нашего мозга отвечает за память, а правое за речь?

Авдеев округлил глаза.

— Неужели! — удивился он. — Значит, если меня долбануть колом по правой стороне головы, то я речи лишусь? А соображать еще буду?

— В общем, так, — согласился ученый. — Но сейчас не об этом речь. На ген старения я наткнулся случайно. Ученые ищут его десятилетиями, а я нашел сразу. Попал, как говорится, пальцем в небо. Такое в науке бывает, когда новички дерзко попирают общепринятые законы. Я залез туда, где этот ген не должен быть. Амбарцумян сказал, что меня сам Бог поцеловал в макушку.

— Ишь ты! А знаешь, — загорелся вдруг Авдеев, — это и со мной было однажды. Честное слово. Я недавно в своей собственной квартире потерял кошелек. Денег там, правда, было немного, но до полочки они бы меня спасли. Обыскал все, нигде нет. Как будто испарился. И тогда я просто так, на всякий случай, заглянул в мусорное ведро. И что ты думаешь, кошелек оказался там! Вот какие чудеса на свете бывают. Как он туда попал, ума не приложу... Видно и у вас в науке такое случается.

— Не надо упрощать, Авдеев, — досадливо тряхнул головой ученый, — мы ведем речь о высоких материях. О геной инженерии! Ты представляешь, какие открываются горизонты!

— Не-а, не представляю.

Багира во всю ширь раскрыла глаза и испепеляющим взглядом посмотрела на простоватого Авдеева. «Бывают же такие недалекие люди — возмущенно подумала она. — Этот Авдеев дальше своего носа ничего не видит».

— Короче, — снова вступил в разговор Биль, — когда мы с академиком Амбарцумяном поняли, какое открытие сделано, он сразу сказал, что мне светит Нобель.

— Какая еще нобель? Нобель-шнобель...

Биль-Белоцерковский вдруг рассмеялся.

— Темный ты человек, Авдеев, — и смахнув после смеха слезу, добавил: — Но, честно сказать, именно за это я тебя и люблю — за непосредственность, искренность, простоватость, если хочешь. За незамутненный ум, нормальные человеческие эмоции, неискушенность... Ты как раз тот человек, который мне нужен. Эксперимент должен быть чистым.

Ох и мудрит этот Биль, беззаботно подумал Авдеев. Задумал какие-то свои научные эксперименты, а я тут при чем? У меня свои планы. Вот сейчас допьем бутылку, и мне надо домой. Там краля из соседней дачи, навер-

ное, все глаза проглядела, его дожидаясь. Ведь пообещал вечерком заглянуть, неудобно женщину обманывать. А что выпил слегка, так это хорошо, для боевого настроения самое оно.

Но в бутылке оставалась еще одна треть, поэтому Авдеев не спешил уходить. Он был убежден, что оставлять спиртное на дне — большое зло, это противно человеческой природе. Поэтому он, торопя события, налил и себе и Билю еще по порции. Но тот был настолько увлечен своим рассказом, что даже не заметил наполненной рюмки.

— Да, это могло быть открытием века, самым важным научным событием двадцатого столетия. А дальше события разворачивались стремительно. Раз обнаружен ген старения, то необходимо было изобрести сыворотку, нейтрализующую этот ген. Но это была уже не такая трудная задача. В этом направлении у медицины есть большие успехи. Я снова сутками сидел в лаборатории, и через год у меня была готова сыворотка.

— А что такое сыворотка?

— Ну, попроще сказать, лекарство такое. Медики показали свои исследования, и оказалось, что человеческий организм заряжен природой на триста лет. Да-да, именно на триста. Но болезни, отвратительная еда, несчастные случаи, неблагоприятная среда обитания и стрессы укорачивают жизнь до шестидесяти. Так что мое открытие носит эпохальный характер.

— Так за чем дело встало! — простовато гоготнул Авдеев. — Впаривай свою сыворотку людям, и пусть себе живут триста лет.

— Э-э, нет, дорогой, — остановил его оптимизм ученый. — Все не так просто. Для того, чтобы рекомендовать мое средство для широкого употребления, надо провести тщательный эксперимент на живых существах.

— Но кто же даст использовать себя в качестве подопытного кролика? А вдруг твоя сыворотка не так сработает, а, например, в обратную сторону будет действовать.

Биль согласно кивнул головой, радуясь тому, что Авдеев, наконец, понял суть.

— Вот! Теперь мы подошли к главному. Когда была найдена сыворотка, встал вопрос о проверке ее действия. И я решился использовать для этого Багиру. Мне принесли ее совсем маленьким котенком, и я рассчитал, что если она проживет семь жизней, то есть, до трехсот человеческих лет, то я еще успею застать это время и убедиться в правомерности своих выводов. Сейчас мне почти семьдесят, и Багира жива. Сам видишь, она в отличном состоянии и не ощущает старости.

Авдеев с удивлением, новыми глазами посмотрел на кошку. Неужели она действительно прожила семь кошачьих жизней? По ней этого не скажешь, обыкновенная кошка, в самом расцвете сил. Он верил и не верил этому, во все глаза рассматривая ее, стараясь обнаружить признаки старения. Но нет, шерсть была гладкой, лоснящейся, не было старческой усталости и безразличия, вялости движений. В этот момент Багира, которая, казалось, спала, приоткрыла один глаз. В зеленом зрачке мелькнул бесовский огонек, и Авдееву показалось, что она, понимая человеческую речь, как бы в подтверждение слов хозяина, согласно наклонила голову. Неужели она все понимает, заполошенно подумалось Авдееву, но он тут же отверг эту

мысль. Какая чертовщина! Чтобы обыкновенная кошка понимала нашу речь — этого не может быть, потому не может быть никогда.

Багира вдруг встала со своего места, ей надоели человеческие разговоры, в которых не было для нее ничего нового, и медленно, будто осознавая свое значение, пошла к черной сумке. Понюхав что-то внутри, она ловко забралась в нее и, поворочавшись, удобно улеглась на дне на мягкую подстилку.

— Вот и умница, — проговорил в ответ на ее действия Биль и закрыл верх сумки на молнию, — там тебе хорошо.

— Слушай, — опасливо спросил Авдеев, — а она там не задохнется?

— Ну что ты! Видишь, — повернул он сумку другим боком, — не задохнется.

Авдеев действительно увидел, что торцовая сторона сумки, состоящая из плотной кожи, вырезана, и на это место вшита матерчатая вставка в крупную сетку.

— Хм, — довольно хмыкнул он, — хитро придумано.

Человеческие голоса стали доноситься до Багиры все глуше и глуше, она погружалась в дрему, в далекие воспоминания. А что еще ей оставалось делать, как не вспоминать юность? Сейчас ей не о чем заботится, хозяин полностью обеспечил ее жизнь, питание и безопасность. Довольство и нега были ее привычным состоянием, но иногда ностальгия по молодости, по сумасшедшим дням, когда ее жизнь каждую минуту подвергалась смертельной опасности, были приятны, бодрили душу. Она вспоминала себя молодой, гибкой и стремительной, упругие молодые мускулы позволяли ей далеко прыгать, быстро бегать, может, быстрее, чем другие. К тому же, она безусловно выделялась среди других своей грацией и красотой, привлекая всеобщее внимание, не только кошек, но и людей.

Правда, это было еще до того, как ее стерилизовали. А перед этим она каждую ночь исчезала из дома и гуляла там, где хотелось. Мир вокруг нее был огромен и прекрасен. Она свободно бродила в зарослях травы, высматривая собратьев по роду-племени. Майские ночи уже были теплыми, спать совершенно не хотелось и она, подчиняясь инстинкту, неспешно прохаживалась в зарослях травы, нежно и призывно мяукала, испытывая сладкую истому и разгорающуюся страсть. Постепенно собиралась целая кошачья стая. Коты и кошки не торопились, приглядываясь друг к другу, выбирая предмет своей страсти.

Багире сразу приглянулся огромный рыжий кот, с нахальными желтыми глазами, чувствующий свою силу и непобедимость. Он неспешно прогуливался между присевшими в ожидании кошками, внимательно рассматривая будущую жертву. Однажды он уселся совсем рядом с ней. На его морде царило показное равнодушие, но Багира всем сердцем чувствовала, что понравилась ему. Взгляд его был наглым и уверенным, она понимала, что если он захочет ее, то она не станет сопротивляться, а отдастся ему с удовольствием и нескрываемым желанием. Она предвидела, что он будет мучить ее долго и бессердечно, и она, изнывая от усталости, не будет сопротивляться. Сузив глаза, она призывно смотрела на него, ожидая, когда же он приступит к делу.

Но наутро произошло непредвиденное. Хозяин, весь белый от волнения и бессонной ночи, увидев ее, наконец, возле дома, тут же схватил ее на руки и, больше не выпуская из рук, повез в ближайшую лечебницу.

Мужчина в белом халате спокойно выслушал хозяина и, погладив блестящую шерсть Багиры, согласно кивнул головой. Через несколько минут она впала в забытие и больше уже ничего не помнила.

Несколько дней после этого она была вялой, голова кружилась, аппетита не было. Она не понимала, что с ней происходит, но чувствовала, что мир вокруг нее как — то сразу потускнел, стал безразличнее и спокойнее. На свидание с рыжим котом она больше не ходила.

— Послушай, — вдруг вспомнил Авдеев, — а что ты начал про нобеляшнобеля?..

— А-а, — откликнулся молчавший до сих пор приятель, — потом произошли грустные события. Академик Амбарцумян умер, и я остался один на один со своей проблемой. О Нобеле я тогда уже не мечтал... Нобель — это премия такая, очень престижная.

— И много платят? — тут же заинтересованно подхватил Авдеев.

— Много, — горько усмехнулся Биль. — На целую жизнь хватит.

— Ух ты! Обидно.

— Не в деньгах дело, Авдеич. Я лишился главного — поддержки в научных делах. Без Амбарцумяна, без его научного веса и авторитета, меня тут же смяли. Мое открытие признали шарлатанством. — Он помолчал, вспоминая давно прошедшие дни, но друг гордо поднял голову. — Но я решил не сдаваться. Вот тогда я и ввел свою сыворотку Багире. А сейчас я почти счастлив, ведь опыт с ней подтверждает мое открытие. Барига жива!

Авдеев посмотрел на бутылку, там осталось разлить совсем немного. Надо заканчивать, подумал он, ведь уже стемнело, вдруг его краля перестанет ждать и уляжется спать. Тогда randеву сорвется.

Он разлил последнее.

— Ну, дорогой, поздравляю с успешным окончанием эксперимента! — он поднял свою рюмку, ожидая, что Биль чокнется с ним.

Но тот вдруг запротестовал.

— Подожди, подожди! Сейчас я скажу самое главное, для этого, собственно, тебя и позвал. — Он помолчал, значительно поглядел на приятеля и торжественно сказал. — Я хочу продолжить свой эксперимент. Но теперь уж на человеке!

— А что, правильное решение, — простодушно поддержал его Авдеев. — Чего добру пропадать.

Биль-Белоцерковский, проницательно посмотрев на него, и, дотронувшись до его рукава, торжественно провозгласил. — Этим человеком станешь ты.

Авдеев чуть не порперхнулся, хорошо, что не успел выпить до дна, а то бы быть беде. Он судорожно слотнул остатки коньяка, и оторопело уставился на друга.

— Я?!

— Да — уверенно сказал Биль. — Я так решил.

— А почему, собственно, я? Разве других мало?

Биль удивленно уставился на него.

— Да пойми ты, чудак, я дарю тебе долгую жизнь. Это бесценный подарок. Любой другой ухватился бы за эту идею руками и ногами.

— А что же ты сам на себе не попробовал? — резонно задал вопрос Авдеев.

Биль немного помолчал, обдумывая, как бы точнее и убедительнее ответить, потом продолжил.

— Видишь ли, дорогой, я уже стар. Мне семьдесят, у меня куча болезней и психологических проблем... А ты относительно молод, тебе всего тридцать, ты здоров, оптимистичен, болезни еще не коснулись тебя и ген старения можно задавить в самом начале. Ты естественен, как растение, не испорчен образованием, у тебя нормальные человеческие инстинкты — именно такой экземпляр мне и нужен.

— Ты на что намекаешь? — возмутился Авдеев. — Я техникум строительный закончил... Это, брат, в наши времена немало. Многие мои кореша и этого не имеют. Так что, гляди, скоро бригадиром стану, дело к тому идет.

— Ну, извини, извини, не хотел обидеть. Просто хотел сказать, что естественная, нормальная жизнь индивидуума для моего эксперимента больше подходит. Вот тебе сейчас тридцать, так что я дарю тебе возможность прожить еще лет двести шестьдесят. Неужели тебя это не прельщает?

Авдеев скосил глаза на бутылку и увидел, что она пуста. Надо сваливать, подумал он, больше здесь делать нечего. Да и стемнело уже, пора к аппетитной дачнице наведаться.

— Не знаю, не знаю... — вяло сопротивлялся Авдеев, но чтобы не огорчать друга и закончить, наконец, эту тягомотную историю, вдруг сказал: — Впрочем, попробовать можно. Неси свою вакцину.

— Вот и правильно, вот и молодец, — заулыбался во весь рот Биль. — Это будет единственный в истории случай, это будет прорыв в неизведанное, ты войдешь в аналы!

Хрен ли мне твои аналы, подумал в этот момент Авдеев. Еще неизвестно, будут ли мне пенсию триста лет платить. Скажут, таких денег в государстве нету, в бюджет не заложены, вот и крутись потом триста лет.

А Биль между тем сбегал в дом и теперь медленно и торжественно выходил из двери, бережно держа что-то в руках. Издалека Авдеев не разглядел, что тот нес, но когда Биль приблизился, стало ясно, что в руках он держит небольшую стеклянную колбу с белой жидкостью.

— Вот она, вакцина! — торжественно сказал он. — Это труды почти пятидесяти лет.

Авдеев внимательно разглядывал содержимое, но оно его не впечатлило. Какая-то мутноватая жидкость с хлопьями чего-то не растворившегося. Может, подумал Авдеев, Биль все это выдумал? Выпьешь, а ничего и не будет. Они там в науке большие фантазеры, в облаках витают. И Багира, может, обыкновенная кошка, а не старожил.

— Ладно, давай свою вакцину, — торопясь поскорее уйти, сказал он. — Только как ее принимать? Перед едой или после?

— Чудак ты человек, это же не лекарство, это... впрочем, не важно. Можно выпить в любое время. Но только сразу, не растягивая. Одним глотком.

Биль опасно наблюдал, куда Авдеев положил колбу, надежно ли пристроил в карман пиджака, не прольется ли содержимое по дороге, не разобьется ли. Но Авдеев заверил, что не разобьется. Как только вернется на свою дачу, сразу же вынет из кармана и поставит в укромное место. Потом они простились.

А Биль-Белоцерковский еще долго смотрел ему вслед, как бы оберегая своим взглядом, боясь, чтобы тот в темноте не спотыкнулся. На лице его застыло тревожное ожидание.

До своего дома Авдеев дошел быстро. А чего тут идти, всего пять минут, колба была в целости и сохранности. Едва войдя в дом, он тут же поставил ее на верхнюю полку, спрятав за посудой, и аккуратно прикрыл створку шкафчика. Все, теперь пусть до утра постоит, там разберемся. Сейчас главное, со своей кралей увидеться.

Он тут же вышел на крыльцо, посмотрел на окна соседнего дома. Но они были темными, видно, дачница так и не дождавшись, легла спать. Сорвалось свидание, огорчился Авдеев. А во всем виноват Биль! Заговорил его, замутил своим открытием, вот время и ушло.

Вчера только познакомились, она, молодая, приятной пухлости женщина, сияла белозубой улыбкой, многообещающе поводила уже загоревшими плечами, кокетливо улыбалась, не отвергая его ухаживаний. Сегодня договорились встретиться, как только стемнеет. А когда он сказал, что у него есть бутылочка армянского коньяка, она ответила, что у нее давно без дела пропадает бутылка водки, так что приносить ничего не надо. После этого разговора у него весь день пела душа, настраиваясь на райское наслаждение.

И хотя окна в ее доме были уже темными, он все-таки решил обойти с другой стороны. Оказалось, одно окно ярко светилось. Значит, не спит, обрадовано подумал он. Ждет!

Он вошел в калитку и постучал в окно. Занавеска отодвинулась и она, узнав его, открыла дверь

Стол был уже накрыт, они тут же сели и, за шуточками да прибауточками, незаметно осушили полбутылки. Настроение было приподнятое, и Авдеев решил, что пора приступить к делу.

Но вместо этого, довольно хохотнув, спросил:

— А вот скажи-ка, дорогуша, хотела бы ты, например, прожить триста лет?

Дачница округлила глаза.

— А зачем?

— Как зачем! — завелся вдруг Авдеев. — Ведь любопытно узнать, что там будет дальше...

— А что будет? Что было, то и будет.

Авдеев продолжал гнуть свое, как будто возжа попала ему под хвост.

— Странная ты женщина. Триста лет, ведь это мечта человечества. Неужели не любопытно?

Дачница возмутилась.

— Да ты представляешь, какой я буду в триста лет! Старая карга с клюшкой, морщинистая, с ввалившимися губами... Бр-р-р! Нет, не хочу я этого. Пусть лучше в свое время умру.

Но Малеев не унимался, ему казалось, что в его руках ее счастье. И он мог подарить его ей.

— Детишек сколько нарожаешь, — убеждал он ее. — Это же для женщины счастье.

— Спасибо за такое счастье. Я с одним-то едва справляюсь. Зареклась больше рожать. А за триста-то лет сколько можно нарожать? — она посчитала в уме и продолжила: — Предположим, раз в три года рожать, это будет... Сто штук! Ты что, из меня машину родильную хочешь сделать? Во что я превращусь тогда?

— На одной кошке эксперимент такой провели, и ничего, хорошо выглядит, — доказывал он.

Дачница вдруг словно взбеленилась.

— Я думала, ты нормальный мужик, выпьем, удовольствие получим, а ты меня с кошкой хочешь сравнить. Слушай, а может, ты шизик, без царя в голове?

— Ну вот, — обиделся он, — я тебе хотел царский подарок сделать, а ты злишься.

— Точно, шизик, — как будто прозрев, сказала она. — Крыша поехала. Ты вот что, дорогой, — уперла она руки в боки, — убирайся-ка по добру, по здорову. Проваливай. На хрена мне твой царский подарок. Вали отсюда!

Пришлось Авдееву уйти, не солоно хлебавши. Эх, подумал, сорвалось свидание.

На лавочке рядом со своим крыльцом увидел хозяйку в домашнем халате, одиноко сидевшую в темноте.

— Не спится? — спросил он, присаживаясь рядом.

— Да как тут уснешь, кошки как недорезанные ревут, спать не дают. Полно их тут развелось, и все больше рыжие. Откуда они — ума не приложу. Правда, несколько лет назад появился у нас один рыжий кот, здоровенный, наглый, от него и пошла порода. Сейчас рыжих вокруг полным полно.

Неподалеку в кустах раздался душераздирающий кошачий вопль, как будто из кого-то выдирали кишки.

— А! А-а... а!

— Слышь! — осуждающе покачала головой хозяйка, — разве под такие вопли уснешь. — Что б их там черти разодрали.

— А-а! — благим матом орала невидимая кошка. — А-а... а!

— Ну и концерт, — подтвердил Авдеев.

— Сдается мне, что это Муська кричит как резанная. Никак не нагуляется, шалава.

Да, это действительно была Муська. Сначала она, спрыгнув с хозяйского крыльца, осторожно прошлась по травяным зарослям, потом, издали обнаружив других кошек, приблизилась к ним. Несколько минут они приглядывались друг к другу, как бы выбирая себе пару. Наконец, к ней подошел здоровенный рыжий котяра, нагло посмотрел на нее и присел рядом, словно сделав окончательный выбор. У нее сладко замерло сердце. Котяра был рослым, сильным, от такого не отвертишься. Но она и не думала отвертеться. Она покорно ждала, когда он начнет действовать. А котяра, обойдя ее сзади, вдруг уверенно насел на нее, небожно прикусил холку, чтобы она не

вертелась под ним, и со всей страстью молодой силы впарил ей, так, что у нее даже в глазах на мгновение потемнело. Сладкая мука затрясла тело, она блаженно закричала дурным голосом, будя окрестности. Рыжий кот был здоровенным и сильным, он неумолимо прижимал ее к земле, казалось, что от его усилий раздирает все ее внутренности. Но ей было не больно, душа ее блаженно замирала, падала куда-то вниз, испытывая неземное блаженство, только дикие кошачьи возгласы сладострастно вырывались из ее груди, заставляя сидящих рядом подруг испуганно шароухаться в сторону.

— Ну и стерва! — возмущенно отреагировала хозяйка. — И ведь так всю ночь... Чтоб ее разорвало!

— Май месяц, — примирительно сказал Авдеев. — Что ж с ними поделаешь.

— Уж я их шугаю, шугаю, а они опять у моего дома каждую ночь собираются. Как будто их здесь медом кормят. А все рыжий котяра, кобелина проклятый!

Но Авдеев ее не слушал, его все мучила одна мысль, поэтому он опять заговорил о своем.

— Слушай, — уже с некоторым опасением начал он, — а вот скажи-ка мне, не хотела бы ты прожить на свете триста лет?

Она посмотрела на него, как на чудика.

— Ты че, парень, видать, перегрелся сегодня на солнце. Я после одного дня еле до кровати добираться, рученьки-ноженьки болят, так ухаюдакаюсь на своем участке, что свет не мил. А ты говоришь, триста лет терпеть. Как только у тебя язык на такое повернулся.

— Да ладно, не бери в голову... — сник он. — Пошутил я.

— Если сам сдвинулся, — грубовато ответила женщина, — то других не дури.

Авдеев, посидев еще немного рядом с хозяйкой, пошел спать.

Улегся в постель, долго ворочался, не спалось. Но не из-за кошек, конечно, а от впечатлений сегодняшнего дня. Колба с мутноватой белой жидкостью волновала, не давала покоя. Что с ней делать? Выпить? Или не стоит? Ведь что такое триста лет? Надоест, наверное, все одно и то же из года в год. Ну, женится он, проживет какое-то время в мире и согласии, потом начнутся раздоры, свары, ведь редко встречаются счастливые семьи. Потом дети, сорванцы, будут проказничать, с ними уйма забот, тревог и беспокойства. Потом все они умрут, а он все будет продолжать жить. Потом женится еще раз, потом еще... И опять тревоги, заботы, болезни и смерть близких. И так триста лет. Кошмар какой! Лоб Авдеева покрылся холодным потом. Да на фига мне такая морока, подумалось ему. Мне бы свои семьдесят прожить, и хватит.

Где-то рядом опять мякнула кошка, это была Муська, но голос ее теперь был почти неузнаваемым — довольным и счастливым, как ему показалось. Тут же в голове мелькнула шальная мысль: а что если Муське сыворотку влить? Пусть подольше проживет. Но тут же отверг эту мысль. Недостойна она этого, да и вид у нее тощий, ободранный, злой, ей бы только с рыжим котом всю ночь шляндрачься. Да и Биль, вероятно, обидится.

Поворочавшись с боку на бок, он попробовал здраво рассудить про свою будущую жизнь. Ну, хорошо, подумал, предположим, жениться не буду,

проживу свободным человеком, без жены и детей, без горя и забот. Предположим, каждые полгода буду менять женщину, чтобы не приелась. Это сколько же за триста лет получается? Шестьсот человек! Ого, целый полк. Сумею ли с ними справиться? Ведь так и импотентом сделаешься. Ну, это ладно, рассуждал он, импотентом тоже можно жить, а вот что люди скажут, когда обнаружится, что триста лет прожил? Будут таскать на всякие комиссии и обследования, шагу не дадут ступить свободно, ведь как под колпаком будет жить, каждое движение будет отслеживаться. Да на фигу козе баян! — возмутился он. Разве семьдесят лет мало? Все радости и горести жизни хорошо пережить один раз. Пусть он только один раз ощутит радость отцовства, любовь и разлуку с любимой, болезни и смерть близких, пусть один раз ощутит одиночество, безнадежность мечтаний и надежд, пусть один только раз ощутит холод приближающейся смерти. Этого вполне достаточно для одной, пусть и короткой жизни. Переживать это многократно слишком тяжело.

Он поворочался с боку на бок, закрыл глаза, но уже знал, что не уснет сегодня, нечего и стараться. Взглянув на окно, увидел, что уже светает. Он вдруг резко откинул одеяло и сел на кровати. Все, принял он решение: никаких триста лет, гори они синем пламенем. Мне хватит и того, что Господь отпустит. Моментажно оделся, достал колбу с зельем и вышел за калитку. Шел быстро, не оглядываясь по сторонам и ничего не замечая вокруг.

Подходя к дому друга, он еще издали с удивлением заметил, что Биль стоит у забора и выжидательно смотрит в его сторону. Странно, подумал он, неужели он тоже не спал? Ему показалось, что тот специально поджидал его, словно предчувствуя, что Авдеев обязательно придет спозаранку. Биль еще издали с тревогой и надеждой вглядывался в лицо подходившего.

— Ну, что? — с опаской спросил он. — Выпил?

Авдеев бережно достал колбочку и решительно протянул ее Билю.

— Нет, дорогой, не могу. Спасибо, конечно, а только триста лет мне ни к чему. Своего хватает.

Биль взял колбу в руки, долго молча, потом печально произнес:

— Не зря Амбарцумян говорил мне, чтобы я хорошо подумал, прежде чем решусь на эксперимент. Он был мудрым человеком. А я был молодой, горячий, мне казалось, что я спасу мир, что осчастливлю человечество.

Он в последний раз поглядел на свою колбу и вдруг со всего размаху бросил ее на землю. Авдеев только ахнул. Стекло разлетелось вдребезги, белая жидкость струйками потекла по земле и, впитываемая влажной почвой, тут же уходила под землю. Через минуту земля только чуть темнела в том месте, где растеклась чудодейственная вакцина. А еще через несколько мгновений почва высохла, будто на ее поверхности ничего и не было.

Авдеев изумленно посмотрел на лицо Биля, и увидел, что тот, сморщившись, готов заплакать. Ему вдруг стало безумно жаль этого маленького смешного человечка, который лелеял надежду изменить мир.

— Не надо, дорогой, не горюй, — обнял он его. — Ведь ты же для людей старался...

Биль, уткнулся в грудь своего приятеля и, уже не сдерживая слез, согласно затряс головой.

— Да... — едва слышно проговорил он, — сердце мне подсказывало, что академик был прав. Почему я его не послушался?

Со стороны, наверное, показалось бы странным, что двое взрослых мужчин в четыре часа утра обнявшись, плачут. Никто бы не понял, что произошло.

А между тем уже разгоралось утро, подул легкий ветерок, зашелестели, будто проснувшись, деревья, запели ранние птички. Мир наполнили первые лучи солнца.

Об авторе

Первый рассказ опубликовал в 1965 году в газете «Волжский комсомолец».

После окончания театроведческого факультета ГИТИСа увлекся театром, писал пьесы. Были публикации в журналах «Театр», «Театральная жизнь», «Современная драматургия», а также в периферийных журналах. Пьесы ставились в Москве, в других городах страны. Издано три сборника пьес — в издательстве «Советский писатель», «Советская Россия», «Мир искусства».

Многие годы пишет прозу — рассказы, повести, романы. Издано 11 книг прозы, среди наиболее известных — «Грезы Мэрилин», «Звезды видят все», «Кража века», «Вырваться из ада», «Начать сначала», «Вещий сон» и др. Рассказы публиковались в журналах «Юность», «Мы», «Наша улица», «Кольцо А», «Чудеса и приключения», «Эолова Арфа» и др., а также в газетах «Московский комсомолец», «Литературная газета», «Неделя» и многих других.

Член Союза писателей с 1983 г. В настоящее время секретарь Союза писателей Москвы. Заслуженный работник культуры РФ.

Пётр Ртищев

Пакостник

1.

Осенью 1990 года я был командирован 22-м Территориальным Центром Телевидения в Киев. В тамошнем институте связи мне предстояло повысить квалификацию. Со всего Союза нас собралось десятка два инженеров. Расселились мы в студенческом общежитии без церемоний. Здесь я узнал, что являюсь оккупантом Украины, о чем беспрестанно бухтела радиоточка. Я не поверил, хотя и был приучен доверять всему, что несло из эфира. Киев меня удивил. Окружающий мир пропитался духом коммерции и стяжательства, чего раньше не наблюдалось. Может и присутствовало, но в каких-то щадящих формах, мало заметных.

На Крещатике у букинистического магазина я приобрел старую рукопись, довольно странного содержания. Собственно, она была мне ни к чему, но жуликоватый еврей, что торговал ею, сильно поднаторел в своем деле, и в какой-то момент мне стало совестно ее некупить. Вот она.

2.

«**П**оутру явился ко мне человек от «Его сиятельства» с приглашением быть у него, как стемнеет. «Сиятельством» Козельский сделался не так давно, да и в люди вышел он самым подлым образом, через садомитскую склонность свою. В покровителях у сего порока недостатка нет с библейских времен, потому-то Козельский таскался по парадным знатных господ, усердствуя на свой манер. Теперь же, возвысившись над всеми нами, ему вздумалось фиглярствовать. В приглашении предписывалось надеть на себя цивильное, дамам указания на сей счет отсутствовали. И еще была записочка от графа. Он укорял меня за то, что до сей поры не соблаговолил я, дескать, представить обществу супругу. Это он так шутит, скотина, знает, что не женат я и видов на сию затею не имею. Жертвовать независимостью, милыми сердцу привычками и самую свою беспорядочною жизнью я не готов, и вряд ли когда-нибудь решусь на очевидное безрассудство. Пройдет несколько времени и жена будет немолода, а то, что казалось милым в ее облике, обернется досадою. Впрочем, даже если б обезумев, я решился жениться, то теперешнее мое жалкое положе не допускает и мысли об этом. Но обо всем по порядку.

Отпустив лакея, я стряхнул остатки столь приятной моему сердцу лени и отворил дверцу кивота. В чреве его хранится графинчик с отменной рябиновой наливкой, и я по обыкновению утро начинаю с рюмки. Графинчик оказался пуст. Пантелей, мой человек, потому еще и не пришиблен в одно из утр, что селезенкой чует злодейство. Он неслышно прокрался в спальню и на подносе, что подрагивал в его неверной руке, стоял мой походный серебряный фужер, а в фарфоровом блюде дожидалось сморщенное моченое яблоко.

Закончив утреннюю процедуру, приступил к туалету. Теперь я без содрогания мог взглянуть на себя. В зеркале отразилась физиономия, хотя и слегка помятая, но вполне привлекательная, тридцатилетнего балбеса. Элегантные усики, по моде, что повелась в нашем полку, придавали ей шегольской вид дамского угодника. Не без удовольствия помассировал гладко выбритый подбородок и щеки, мне припомнился вчерашний вечер и странный разговор с неким попом. Кажется, звали его отцом Тихоном. Этакий классический тип сорокалетнего иерея, вкусившего и пожившего, и знающего, что почем.

По обыкновению в январскую стужу катаюсь я по окрестностям Москвы. Вчера занесло меня в Хорошево, туда, где в старину обитался Годунов. Тот еще тип. Богатство в руках народа, мол, ему приятнее, нежели в казне. Лицемер. Хотя подобных нынче без труда сыскать в любом околотке.

Зашел в тамошнюю церковь Живоначальной Троицы. Из полумрака пахло ладаном и расплавленным воском. Треск свечей и фитилей лампадок у темных образов волновал — ощущалась намоленность старых стен. В здешних кивотах наливок не хранили, тут жил народ благочинный. Во всем чувствовалась атмосфера смиренной праведности, столь чуждая мне. Я быстро освоился и прошел в трапезную. Незнакомый мне иерей вкушал в одиночестве. Квашеную капусту, усыпанную клюквой, он брал из миски руками, и капли рассола дорожкой протянулись от нее до края стола. Они обозначили свой путь дальше, отмечая его некоторым потемнением рясы. Картошка с репчатым луком, сдобренная постным маслом, призывно дымилась. Стакан, из породы «мерзавчиков», был полон. Поп расправил растительность на лице, явив красный рот. Он сладостно почмокал пухлыми похотливыми губами и выпил. И будто бы комната тотчас вздрогнула. Пламя огарка восковой свечи колыхнулось, и тени по каменному своду зашевелились. Послышались шуршанье, шорох, треск. Эти звуки родились одеждой священника, фитилем огарка, невидимыми мышами, что денно и ночью грызли штукатурку. Сия музыка наполнила собою трапезную и тут же умерла, не вызвав сожаления.

Иерей в задумчивости оглядел закуски, выбрал соленый арбуз. Съев долю его, вновь наполнил стакан из запотевшего сосуда. Во всех его движениях чувствовалась некоторая рассеянность. Казалось, что мыслями был он в эти минуты далеко, и пил, ел машинально. Он не обратил внимания на меня. И даже не вывели его из задумчивости соленые огурчики, грибки и протертая редька в сметане, коими пополнился стол — шустрый чернец не манкировал обязанностью подавальщика.

Должен заметить, что дело шло к вечеру, а, значит, впору было закусить. Я довольно нахально уселся на скамью и вопрошающе глянул на попа. Мы сидели напротив друг друга, время от времени выпивали и поедали, что Бог послал обители.

— Скажи мне, отче, ты в Бога веруешь? — по всему, видать, я уже порядочно набрался.

— Нет, — сказал поп, и на челе его обозначилась глубокая морщина, сглаженная только у переносицы. Священника потянуло пофилософствовать. — И в Русь нашу надежд у меня мало. Мраком скрыто начало русской жизни, за мраком таится и ее конец. Все эти сказания, хроники, анекдоты о новгородских банях и тамошних плотоумерщвлителях не вызывают во мне сколько-нибудь доверия. Кругом подделки, выдумки сочинителей, и все лишь для того, чтоб создать историческую память. А между тем вместилища ее пусты. Не лучше звучит история и самого Спасителя. Мне грустно. Что есть русский человек? Что есть ты, поручик Тверецкий Юрка, пьяница и невежа, а все туда же: веруешь ли ты, отче! А сам на Рождество со товарищи блудниц в сани запряг. Пустота...

Меня не тронула уничижительная риторика попа, но удивило то обстоятельство, что он знал меня и слыхивал о моих проделках. Да к тому же мудрено говорил поп. Свободное время свое я не употреблял на полезные занятия. Недосуг. Оттого и не обогатил себя знаниями в такой темной области, как история наша. И то сказать, много ли интереса в знании жития разного рода начальников. Когда и с каких блюд они вкушали, и по какому поводу. Скука...

Тут грохот упавшего подноса — Пантелей, по моему примеру, наверняка уже пребывал в изрядном подпитии — прервал мои церковные воспоминания. На ум пришли девки, и я принялся составлять на скорую руку записку фрау Мендель, содержательнице публичного дома, куда время от времени навещаюсь. План созрел в моей голове наиковарнейший. Козельский — большой шутник, однако, я не прочь и сам посмеяться. У Мендельши водятся две-три девицы благородного происхождения. Одну из них представлю графу. Потеха! Я уже вижу, как вытянется физиономия блудодея, тьфу, Господи! Снарядив Пантелея, я присовокупил к записке двадцатипятирублевую ассигнацию — вполне достаточную сумму для придания парадного вида моей «супруге».

Уладив дельце, я мысленно вернулся к событиям вчерашнего вечера. Когда мы насытились, и я узнал, что собутельника зовут отцом Тихоном, он предложил мне посмотреть любопытные свитки. В трапезной оказалась потаенная дверца. Поп решительно отворил ее, и мы очутились в небольшом темном помещении. Оплавленная свеча потрескивала в руке о. Тихона, освещая ближайшее пространство. Нас окружали скользкие стены красного кирпича. По ним струилась вода, разрушая старинную кладку. Неподвижный воздух был удивительно чист, как в хвойном лесу летней порой. Думается, что не удивил бы меня в эту минуту треск цикад и далекий прибой теплого моря. Вниз вели ступени, и мы сошли по ним в подземелье. Мы вошли в келью, больше похожую на каменный мешок. В камерке оказался огромный сундук и монашеская лежанка. Поп поднял крышку сунду-

ка и извлек несколько рулонов старинных свитков, перевязанных тесемками. Один из них он протянул мне.

«Аз, худый, недостойный, убогий инок не разумею, яко скот бых...», — я поглядел на о. Тихона в недоумении. Тогда он, прикрыв глаза, тихим голосом заговорил: «Я ничтожный, недостойный, бедный инок, не разумел, что был подобен скоту, очутившись в подземелье. Длинными коридорами плутал я, пока не наткнулся на сундук, что вещал мне голосом Мишки-вора искусителя: «Нынче всякий духовный, и военный и судебный чин, презрел государево правление, да воровским промыслом овладел! Так отчего же нам, черным людям, не жить по их же уложению?». Но не смутил меня голос тот, и шел я дальше по хитросплетенным железным рукавам. Стены были гладки, как зеркало, на ощупь холодны. Отовсюду лился свет, будто бы лунный, только ярче и холоднее. И чувствовал я тоску страшную, и не хотелось мне идти дальше, и вернулся я. Что запомнил, начертал, как дяк велел, и крестом указал, где сундук тот лежит, из коего Мишка-вор слова воровские говорит».

Священник развернул следующий свиток: «Это Мишка-вор наущал меня. Смушал разговорами, мол, фунт медяшки нынче по 12 копеек. Начеканить из него можно полущек аж на 10 рублей. А если ефимок, да нартутить их под серебро, то за одну такую аж 42 копейки дают. Два-три пудика меди извести, и в большие люди выйдешь». — «Ополоумел совсем, дурень. Олова расплавленного хлебнуть захотел? Думаешь, на вкус оно вроде кваса?» — не поддавался я. А он мне: «Что было, то и будет. Так в писании. Палат каменных не наживешь трудом праведным. Думай, ибо грех в прозябании быть, коли силу имеешь и думу правильную».

На этом мое путешествие по Хорошево закончилось. В санях, укутавшись в кавказскую бурку, я уснул. Пантелей, по приезду домой, ловко перенес меня в постель, и я дрых, пока не получил от графа его записочку.

Вечеру я притащился к Козельскому. Возле подъезда его дома столпилась многочисленная публика. За порядком надзирали двое полицейских, специально для этого случая выписанных хозяином. При мне находилась дама. Глафира, моя «супруга», чудо была, как хороша! Фрау Мендель — обрусевшая немка, вдова аптекаря, обнаружившая немалые способности в деликатных делишках, — понимала толк в туалетах. Глафира была вся в белом. Ее болезненная бледность придавала лицу томную нежность. Не сыскать человека, которого ее появление могло оставить равнодушным. Весьма чувственная штучка!

В зале народу скопилось порядочно. Я пробился к графу и представил ему Глафиру. Козельский, этот фанфарон — не прошло и года, как он вышел в отставку (никто в полку о том не сожалел, надо отметить) не скрывал озадаченности. Я же, оставив «супругу» на попечение одного молодого офицера, ретировался. Но прежде заглянул в кабинет, где собрались те, кому нет дела до бала. За игральными столами сидели солидные господа, все больше утонченные жулики. Я, было, подумал присоединиться к ним и мельком глянул в огромное зеркало. «Вечерний» я не стал лучше «утреннего». Посеревшее мое лицо навеяло мысли о смене московской жизни на что-либо более щадящее. Испросить отпуск, уехать в свою деревеньку, в

глубины Малороссии, где ждут меня мирская дикость, обывательские разговоры на хуторах, однообразие и единение с природой. А можно махнуть в Пятигорск, на воды... Вот только на какие шиши. Жалованья едва хватает на квартиру и амуницию, от деревеньки моей доходов не видать. Будущность моя весьма неопределенна. Довольствоваться своим нынешним положением сил не осталось, и уже где-то зарождалась во мраке глубин моего разума мысль роскошествовать.

В эту минуту в зеркале отразился о. Тихон. Я обернулся, но за спиной стоял лакей и разливал лимонад в высокие стаканы. Я жадно выпил один, потом схватился за другой. Мелким бисером выступили на моем лбу капельки пота. Не к добру померещился мне поп. Холодок закрался мне под сердце.

К столику с напитками подошли трое незнакомых мне господ в летах. Меж собою они вели приглушенную беседу. Их язык показался мне свойственным людям страстным, но мало мыслящим. Их рассуждения касались июньских указаний цензурным комитетам. Теперь, когда пресекались какие-либо воззрения относительно крепостничества, повсеместно находятся охотники об этом самом поговорить. Я глянул на одного из них. По виду злобный старичишка, обладатель пятисот, может больше, душ с жаром клеймящий крепостников. А спроси такого: отчего, батенька, своих холопов на волю не отпустишь, так ведь найдет, что сказать. Мол, детушки не разумные, пропадут без него, без благодетеля...

Мысли мои рассредоточились. Я запаниковал. Хотелось бежать прочь, спрятаться, затаится. Нервы расшалились. Померещился поп, и я поплыл... Сделав усилие, я понял, что надлежит мне быть там. Потому, ни мало не мешкая, я помчался в Хорошево. Войдя в трапезную, я увидел, что меня дожидаются. Отец Тихон вышел мне на встречу:

— Решился! — сказал он и повел к потаенной дверке.

Каменная лестница вела глубоко вниз. Спускаясь, я думал: на что, собственно, я решился? Возле меня витала какая-то мысль, но куда она не улавливалась. Предчувствие надвигающейся беды нарастало в моей душе. Медяшки, полушки и ефимки раззадорили мое воображение. Мысленно я уже был готов примерить на себя жизнь делателя фальшивых бумажек. Но хуже всего было ощущение, что нахожусь я под влиянием попа. Незримая нить накрепко привязала меня к нему. И всякие нелепости стали находить себе место в моей голове. С этого времени я ощутил недовольство своим, и возжелал чужого.

Мы вошли в келью. Она находилась напротив той, где вчера я узнал о помыслах Мишки-вора. Разбойника уж нет давно, а искушение осталось. В келье располагался замысловатый снаряд. Возле него суетились двое в черном. В большущем сундуке, что стоял у стены, валом скопились ассигнации. Третий чернец-шаромыжник собирал их в пачки и наскоро связывал. Работа кипела.

— Придется испросить отпуск, г. Тверецкий, — сказал мне поп-искуситель тоном начальника. — Ваша задача, милейший, пристроить бумажки эти в местах отдаленных. Малороссия весьма подходящее место. Я дам вам рекомендательные письма в обители Киева и Чернигова. Там и

найдете верных людей. И заметьте, хороший процент за всю эту безделицу получите. Пора, знаете ли, приобщаться к делу, то бишь делателем становиться!

Канитель предстояла очевиднейшая, а вовсе не «безделица», как изволил выразиться о.Тихон. А коли попадусь? Нет, об этом думать нельзя.

— И какой же, к примеру, процент? — равнодушным тоном поинтересовался я.

— Пять.

— Как! — зачем-то воскликнул я, хотя было очевидным, что этакую прорву денег мне издержать будет непросто. — Побойтесь Бога, батюшка! Где же это видано, чтобы за государственное преступление сулили крохи! Голова у меня одна, дражайший о. Тихон, а шея моя уже чувствует веревку.

— Назовите свою цену. — о.Тихон явно удивился моей торгашеской жилке. А в меня, в русского офицера, будто бы черт вселился или, прости господи, польский жид.

— Десять! — выкрикнул я.

Поп крякнул и согласился.

Спустя неделю, уладив формальности, я готов был отправиться в путь. Дорога лежала по заснеженному тракту мимо убогих русских селений. Черт знает, какое захолустье! Изредка глаз радовали скособоченные лачуги, в коих временами я находил себе ночлег. И ни разу я не наблюдал у жителей тех лачуг тяги к труду. Пребывание в лености — их естественное состояние. Думалось, что путь мой, так или иначе, закончится тупиком, впрочем, не только для меня. Сделалось от сих мыслей мне тяжело, и я тихо пил. Впрочем, бдительности не потеряв. Погребец с бумажками на миллион ассигнациями я зорко сторожил всю дорогу, не упуская его из виду.

Однажды, остановившись в трактире на станции вблизи Малороссии, мне пришлось в голову испытать судьбу. Немудрено, ибо кибитка, ямщик, звон колокольчика, унылый вид из окошка и далее станция, смотритель, подорожная, лошади вся эта гнусность требовала встряски. К тому же завьюжило, и я опасался сбиться с пути.

Я кликнул полового, и, пока тот готовил закуски, в трактир вошли трое: статные пехотные офицеры и почтенный старик в нагольном полушубке и без шапки. Их появление породило суету, шум и слегка развлекло меня. Они вели разговор, начатый еще в кибитке.

— Ну, нет, любезнейший Александр Николаевич, — громко сказал один из офицеров, обращаясь к старику. — Коли нет меркантильного интереса в женитьбе, то и проку в ней не найти. Это вам всякий здравомыслящий человек подтвердит.

— Эх! Молодежь! Дальше чинов и денег ваши помыслы не простираются. Эти два предмета определили страсть вашего поколения. Нехорошо! — старик скинул полушубок и нежно погладил толстое свое брюхо. Лета, казалось бы, способствуют усыплению живости, но старикан Александр Николаевич расторопностью своею удивлял. Могло показаться, что вызвана она не крепостью тела, но порошками, что в последнее время привозят нам из Азии. — Однако, господа, хорошая игра и мадера лучше плохой погоды. Отличное средство от праздности ума! Не находите? —

старик имел намерение втянуть в разговор и меня. Ну что же, извольте, я не против игры.

Вечер затянулся, и мы просидели за столом до утра. Наконец старик произвел подсчеты и твердым тоном объявил, что я проиграл двести тысяч. Деньги я достал из погребца. У меня не было сомнений в том, что эта троица в сговоре и подвизалась обирать путешествующих. Что ж, всякий добывает свой кусок хлеба как может. Не смею осуждать.

Как только рассвело, я тронулся в путь. Чувствовал я себя прескверно. Голова отяжелела, члены, словно заморозились и обездвижили. Несколько времени спустя я, наконец, въехал в великолепный Киев. Звучит банально, но так уж устроено наше бытие: у любого начинания имеется конец.

По всему видать — это город моего последнего пристанища, ибо заканчиваю сии записки из Печерского острога. Настало время горько пожалеть о своей холостяцкой жизни. Будь я женат, разве пустился бы во все тяжкие? Разве оставило б меня благоразумие?

На квартире, куда я сунулся по рекомендации проклятого попа, меня дожидались жандармы. Среди них я узнал офицеров, что обчистили меня в трактире. Что ж, можно только порадоваться тонкой игре охранного отделения. Совершенно не удивлюсь, если за всей этой историей стоит мстительный Козельский. В его умении напакоcтить никому еще усомниться не пришлось. Дожидаюсь трибунала и надежд на снисхождение не питаю. За сим, прощайте, руку приложил каторжанин (зачеркнуто) висельник, Юрка Тверецкий».

3.

История эта зародила ощущение беспокойства. Случается, не разгадав шарады, нет-нет, а мысленно возвращаешься к условиям задачи. Потому-то, оказавшись в Москве, меня потянуло в Хорошево. Однако лишь по весне я зашел в храм Троицы Живоначальной. Он только-только возвращался к жизни. Службы проводились в полуразрушенной церкви (прежде в ней размещался и колхозный клуб, и женская консультация, а в трапезной — фабрика офсетной печати), но какие-то мрачные типы уже штукатурили, белили, рассаживали туи и можжевельник. Одним словом, вдували жизнь в старинные каменные остовы.

Потолкавшись среди рабочих и поговорив с их начальством, я выяснил, что требуются в бригаду штукатуров. Дело не хитрое, навыки этой профессии я получил еще при исполнении «дембельского аккорда» в годы армейской службы. Осталось испросить отпуск.

Осипов — мой начальник, за здорово живешь, разговор затевать не станет. В особенности с теми, кто чином не вышел. Впору денег давать за слова, что он иногда произносит. В меру поизмывавшись, он, наконец, милостиво отпустил меня на неделю за свой счет с напутствием: «И лет тебе, Петров, уже за тридцать, а толку с тебя, что с козявки навозной. А на вид умник...». Про «умника, это он напрасно загнул. Я твердо уяс-

нил где-то прочитанную формулу, мол, умник русский почти всегда еврей. Очень похоже, что сие открытие принадлежит вождю мирового пролетариата. Тот тип зрел в корень, все видел и все понимал. Я точно знаю, что к евреям отношения не имею, а, значит, и умником быть не могу.

У церкви мне встретился странного вида субъект в оранжевых штиблетах. Он торговал какой-то дрянью и накидывался на всякого, кто проходил мимо. Я отмахнулся от него и вошел в ограду. Тут же натолкнулся на отца Всеволода, ответственного попа за производство работ, человека моих лет, но уже изрядно располневшего. Его лицо, скорее лицо сильно пьющего комсомольского работника, чем церковнослужителя, казалось непроницаемым. Впрочем, природного лукавства, что отразилось на нем с малых лет, было не скрыть. Он глядел маленькими, свинячьими глазками и делал вид, будто видит меня впервые. Немного погодя недоразумение разрешилось, и я приступил к работе за весьма незначительные деньги.

Последующие дни я посвятил поискам таинственной дверки в трапезной. Обнаружить ее мне не удалось. За прошедшие годы, а минуло без малого полтора года лет (по некоторым деталям из текста Тверецкого я уверенно мог сказать, что описываемые события происходили в середине девятнадцатого века), ее надежно замуровали. Впрочем, сомнения в правдивости рассказа во мне уже зародились. На четвертый день моих бесплодных поисков я ввечеру затеял осторожную беседу с о. Всеволодом.

Наступило время трапезы. Поп расположился в уютной беседке с видом на Москву реку. Из окрестных зарослей несся птичий ор.

— Ну, чем не райские кущи? — произнес о. Всеволод и махнул стопку. Неспешно закусил откуда-то взявшимися свежими помидорами, после вкусил жареной картошки, слегка покрывшейся оранжевой корочкой. — Чего тебе?

— «Мраком скрыто начало русской жизни, за мраком таится и ее конец. Все эти сказания, хроники, анекдоты о новгородских банях и тамошних плотоумерщвлителях...», — начал я, внимательно наблюдая попа. Но тому, казалось, не было до меня дела. Он сосредоточился на закусках, демонстрируя небрежение этикету. Места за столом мне не предложил и вообще не обращал на меня внимания, как и на собаку, что крутилась возле беседки в надежде на кусок со стола. Думается, выглядел я в тот момент полным идиотом. Больше в храм я не приходил.

С той поры минуло два десятка лет. Осипов оказался прав, толку с меня вышло немного. Второй год как я занял его место. Нынешняя моя должность начальника участка кабельных магистралей — это предел. За последние годы я обрюзг, обрел пошлые привычки лежать вечерами на диване, пить пиво, почитать чепуху и доверять всему, о чем трещит телевизор. Между тем народ затевал очередную смуту. Появились сословия. От скуки я примерял на себя: к кому по нынешним временам надлежит себя причислить. Выходило, что роду я самого захудалого.

Как-то раз, затеяв ремонт в квартире, я натолкнулся на эту, давно мною позабытую, старинную рукопись. Теперь, когда с возрастом я утра-

тил интерес к изысканиям, отнес записки Тверецкого в один малотиражный журнал. Если их напечатают, то возможно найдется тот, кому не дадут покоя стальные коридоры подземелья, говорящий сундук и все, что с этим связано. Я же умываю руки.

Об авторе

Родился в 1959 году в городе Красноярске в семье военного. Высшее образование получил в Московском Электротехническом институте связи; кандидат технических наук. Четыре года отслужил в рядах ВС СССР; работал мастером (затем начальником участка) по строительству линейных сооружений городской телефонной сети, начальником цеха связи тропосферной связи на полуострове Ямал, инженером в НИИ им. Курчатова и др. С 1991 года руководит рядом мелких предприятий, занятых на поприще проектирования и строительства коммуникаций.

В 2005 году вышла книга прозы «Блуждающие во мраке» (в соавторстве с В. Бондарчиком). Рассказы П. Ртищева публиковались в журнале «Знание-сила»: «Несостоявшийся вычислитель» в №8 за 2006 г., «Таганрогская загадка» в №3 за 2007 г., а также в литературном приложении «Знание-сила: Фантастика» — «В воронке хроноса» в №1 за 2006 г., «Шпионское нашествие» в № 1 за 2007 г., «Заблудившийся крик Атлантиды» в № 1 за 2008 г., «Чирьевск» в № 1 за 2012 г. В издательстве Art House media в 2008 году вышел сборник рассказов «Заблудившийся крик Атлантиды». В 2011 г. в литературном журнале «Дети Ра» были опубликованы рассказы «Болото» и «О хорьках и прочих».

Владимир Дёминский

Искушение Гейзенберга

Вернер Гейзенберг откинулся на спинку кресла и тяжело вздохнул. Бросив взгляд на календарь, показывающий январь 1944 года, великий физик нахмурился.

— Сколько сил потрачено, — еле слышно прошептал он. — И что теперь?

Вот уже неделю ученый не выходил из своего кабинета. Работал. Наконец, после стольких лет неудач, в его исследованиях намечился серьезный прорыв.

За эти дни на столе накопилась огромная куча бумаг, мелко исписанных цепочками символов. Лишь изредка среди них встречались слова: уран 235... медленные нейтроны... расщепление... уран 238?... критическая масса.

Разведка любой страны отдала бы все за эти сведения. Однако бумаг еще не видел никто. Даже коллеги из института физики ничего не знали об их существовании!

Гейзенберг потер глаза и протяжно зевнул. Сколько же он не спал? Физик встал и прошелся по кабинету.

— Что теперь? — повторил он.

Расчеты проверены и перепроверены несколько раз. Ошибки нет. В тридцать девятом году он пошел по неверному пути, но теперь все, наконец, встало на свои места.

Физик подошел к камину и посмотрел на огонь. На какое-то мгновение перед глазами все расплылось, но затем пламя вновь обрело привычную форму. Гейзенберг потянулся, с неудовольствием почувствовав, как затрещали суставы. А ведь раньше такого с ним не было. Когда-то он неплохо играл в теннис. Правда, это было давно, еще до войны.

Гейзенберг тряхнул головой. Хотелось спать, но он знал, что как только коснется подушки, сон как рукой снимет. Уже сколько раз так было! Ученый подошел к рабочему столу и уселся обратно в кресло. Склонившись над бумагами, он начал их перекладывать. Внезапно заболело в висках. Прикрыв глаза, Гейзенберг обхватил голову руками. Минуты две, наверное, так просидел, но вроде бы отпустило.

— Хватит! — резко выдохнув, он встал. Ученый шагнул было к двери, ведущей в коридор, но замер и медленно обернулся. В комнате что-то неумолимо изменилось, вот только что?

Гейзенберг прищурился. Пламя! Его языки замерли в причудливых позах, словно неведомый художник изобразил их на холсте и вывесил перед камином.

— Что это?.. — заинтересовавшись странным феноменом, ученый подошел поближе и наклонился.

Зрение его не обманывало. Пламя действительно застыло, даже его контуры не дрожали!

— Интересно, — задумчиво пробормотал исследователь и принялся. В воздухе комнаты витал едва уловимый запах. Кажется, это была сера.

— Здравствуй, Вернер, — раздался за его спиной тихий голос.

Ученый едва не подпрыгнул от неожиданности, но взял себя в руки, спокойно повернул голову и взглянул на говорящего. Возле двери стоял высокий человек, одетый в бесформенный черный балахон с капюшоном.

— Кто вы? Как сюда попали? — резко спросил Гейзенберг. Он попытался разглядеть лицо незнакомца, но это ему не удалось. Несмотря на то, что кабинет был хорошо освещен, незванный гость словно в тени стоял.

— Не бойся, — человек в черном приблизился к Вернеру. — Я не трону тебя.

Он даже двигался не так, как обычные люди, а словно плыл над полом!

«Да это же сон! — понял Гейзенберг и с облегчением вздохнул. — Надо же так заработать! Утром расскажу Элизабет, она не поверит».

Между тем незнакомец остановился на расстоянии вытянутой руки. Несмотря на такую близость, его лицо все равно не удавалось рассмотреть. Под капюшоном клубился сгусток мрака, лишь изредка пронзаемый серебряными искорками. Впрочем, Гейзенберг уже не боялся, ему стало даже интересно, что будет дальше.

— Я чувствую смятение в твоей душе, — негромко сказал незнакомец. — Ты полон сомнений и никак не можешь решить, какой путь избрать.

Гейзенберг нахмурился. Когда-то давно ему попала под руку парочка статей одного австрийца, где тот пространно рассуждал о скрытых и явных сновидениях. Тогда он не обратил на них особого внимания. А может быть, зря?

— Фрейд обманул сам себя, — человек в черном словно подслушал его мысли. — Впрочем, не важно. Самое главное это твое открытие.

— Теперь я знаю, как заставить работать урановую машину! — с гордостью произнес Гейзенберг. — Но...

— Нам ничего не остается, кроме как обратиться к простым вещам: надо добросовестно исполнять свои обязанности и задачи, которые жизнь ставит перед нами, не спрашивая слишком часто, почему да зачем... А затем надо ждать, что произойдет... реальность трансформирует себя сама, без нашего участия, — процитировал гость. — Твои слова?

— Да, — удивленно ответил физик. — Я написал это в сорок втором году.

— Так что теперь изменилось? Почему ты сомневаешься?

— Война... — прошептал Вернер. — Все пошло совсем не так, как я думал. Каждый день с фронта приходят все новые списки погибших, гестапо арестовывает немцев целыми семьями, и они навсегда исчезают! Мы боимся выходить на улицу, не хотим разговаривать друг с другом, пишем доносы, не доверяем даже своим женам и детям. Что стало с нашей страной и с нами?!

— Ты что, не желаешь победы Германии? — быстро спросил незнакомец.

— Я... — начал было говорить физик и осекся. Своим вопросом гость мастерски загнал его в угол.

— И что вы за люди такие? — незнакомец тяжело вздохнул. — Посмотри мне в лицо.

Что-то в его голосе заставило Гейзенберга подчиниться. Водоворот серебристых искорок во тьме капюшона притянул к себе взгляд и больше не отпускал. Их становилось все больше и вскоре весь кабинет залил призрачно-белый цвет.

Физик моргнул, и видение исчезло. Гейзенберг огляделся по сторонам. Оказалось, что он стоит на крыше дома, у самого края. Ученый посмотрел вниз и непроизвольно сделал шаг назад.

«Этажа три, не меньше, — подумал он. — Какой странный сон. Но все-таки, где я?»

Вернер прищурился. Архитектура города ничуть не напоминала немецкую, а идущие по мостовой люди были одеты по-летнему. И это в разгар зимы! Хотя о каком холоде может идти речь, когда вон горожане в одних рубашках разгуливают!

Гейзенберг присмотрелся внимательнее. Их лица ему показались не очень похожими на европейские. Глаза были какими-то неправильными, узкими, что ли?

Откуда-то с неба раздался нарастающий гул, и Вернер поднял голову. Как раз вовремя, чтобы заметить пролетающий самолет. От воздушного судна отделилась темная точка и начала медленно падать вниз.

Вернер следил за ней с нарастающим интересом. Да и чего можно бояться в своем собственном сне?!

В небе словно разом зажглась тысяча солнц. Ослепительная вспышка резанула по глазам, но Гейзенберг не отвернулся. И смог разглядеть поднимающееся с земли облако в форме гигантского гриба! От его основания во все стороны хлынул мощный вал земли, перемешанный со строительными обломками. Несущаяся с огромной скоростью волна захлестнула дом, на крыше которого стоял ученый.

— Невероятно! — потрясенный Гейзенберг оперся рукой о стол. Его ноги дрожали, а со лба градом катился пот.

— Помнишь твой последний разговор с Бором? В сентябре 41-го?

Вопрос прозвучал риторически. Еще бы ему не помнить! Тогда в Дании, как только Гейзенберг сказал, что работает для своей страны, Бор перестал его слушать. С тех пор их отношения оказались навсегда испорченными.

— Что скажет теперь этот старый болван, когда узнает о твоём успехе?! — прошипел незнакомец.

— Я должен подумать... — Гейзенберг буквально рухнул в кресло. Его бросило в жар, это наверняка поднялось давление.

— Не о чем думать! — рявкнул человек в черном и уже тише добавил. — Возьми меня за руку.

Гейзенберг с сомнением покосился на затянутую в кожаную перчатку ладонь, но все-таки ответил на рукопожатие. На мгновение перед глазами все померкло.

— Герр Гейзенберг, герр Гейзенберг, — горячо зашептал кто-то прямо в ухо. — Взойдите на трибуну, ваш выход.

— А? Что? — ошеломленно спросил физик.

Он стоял в огромном зале, раза в три больше того, что в Рейхстаге. Повсюду, куда ни падал взгляд, находились люди. В основном в парадных военных мундирах, но попадались и гражданские в строгих костюмах. Гейзенберг шел по бархатной дорожке, ведущей прямо к украшенной нацистскими флагами трибуне, а на ней...

Вся верхушка Третьего Рейха! Изрядно постаревшие, но по-прежнему узнаваемые лица. Едва дыша, он взошел на трибуну. Зал разразился шумными рукоплесканиями, которые, впрочем, быстро смолкли. Начал говорить фюрер.

— Десять лет назад, в этот день, мы обрушили на жидо-большевистские полчища оружие возмездия! Под сокрушительными ударами непобедимой германской армии красная орда откатилась за Урал! Так была одержана великая победа в войне! Мы помним о том, кто дал нашей нации это грозное оружие! — Гитлер воздел руки. — Достойный сын великого народа, истинный ариец, Вернер фон Гейзенберг!

Толпа взорвалась аплодисментами и приветственным ревом.

— Триумф! — громко и отчетливо произнес человек в черном. — Разве ты его не достоин?

Вернер молчал. В его голове царила полная каша. Не слишком ли много для одного сна?!

— Твой народ должен получить новое оружие, — гость наклонился к нему так близко, что Вернер отчетливо ощутил исходящий от него стойкий аромат серы. — Ты сделаешь это!

— Довольно! — со стороны двери раздался новый голос.

Гейзенберг устало посмотрел на очередного гостя. С некоторым трудом ему удалось разглядеть неясный колеблющийся силуэт, своими размытыми очертаниями лишь отдаленно напоминающий человеческую фигуру.

Облако клубящегося тумана подплыло ближе.

— Самюэль! — в комнате словно гром пророкотал. — Что ты делаешь?!

— Уже ничего, о Посланник, — сухо ответил гость в черном. — Всего лишь напомнил человеку о свободе выбора.

— Тебе ли говорить о свободе, Отец лжи? — облако застыло, окончательно приняв форму человеческой фигуры. Правда, вместо лица был сплошной белый овал. Смотрелось, надо признать, весьма жутковато.

«Отец лжи?! — в голове Гейзенберга словно что-то шелкнуло. — Да что тут вообще происходит?!»

— Избавь меня от своих проповедей, Посланник, — Самюэль взмахнул рукой. — Я сказал все, что хотел, и он меня услышал.

Несколько томительно долгих секунд оба визитера молча глядели друг на друга. Затем тьма под капюшоном Самюэля начала медленно таять.

— Помни о своем долге! — откуда-то издалека до Гейзенберга донесся голос черного гостя. Спустя мгновение Самюэль исчез. Вернер остался один на один с Посланником.

— Оставьте меня все в покое! — визгливо вдруг крикнул физик и ударил ладонью по столу. — Я хочу проснуться...

— Потерпи, — спокойно ответил гость. — Наш разговор не займет много времени.

«Да чтоб вас всех!» — обреченно подумал Вернер.

— Самюэль недаром заслужил свое прозвище. Искусно мешая правду и ложь, он способен смутить даже самые сильные умы, — сказал Посланник и медленно подошел к окну.

— Он показал мне... будущее моей страны... — Гейзенберг пристально взглянул на своего собеседника.

— Будущее не совсем такое, — гость покачал головой. — Но я покажу тебе прошлое. Его уже не исправить и не изменить. Смотри.

Он указал на окно. Стекла тут же побелели, словно покрывшись жгучим морозным узором. Затем то тут, то там начали появляться темные пятна. Это таял иней. Очень скоро поверхность полностью очистилась и глазам ученого предстала удивительная картина.

В заснеженной голой степи стояли сотни работающих станков! За каждым трудились люди. Худые и плохо одетые, они вытачивали какие-то детали. Хмурые и обветренные лица рабочих озаряла мрачная сосредоточенность и решимость. Среди них было много женщин. Закутанные в платки, они трудились наравне с мужчинами.

— Казахстан. В 41-ом Советский Союз эвакуировал часть производственных мощностей в эту республику. Станки выгрузили прямо в степи и начали работу, не дожидаясь возведения стен, — тихо сказал Посланник.

Стекло снова покрыл иней и видение исчезло. Но ненадолго. Гейзенберг рассмотрел обледенелую улицу и толпу изможденных людей, стоящих в очереди. Они еле передвигали ноги! Вдруг один из них прислонился к стене, его глаза закатились, и он стал медленно сползать на землю. Окружающие полуживые люди не обратили на это никакого внимания. Не было сил.

— Ленинград. Блокада. Город осаждали более двух лет.

Картинка снова сменилась. Теперь Гейзенберг видел огромный заводской цех, полный сложных механизмов. С потолка на цепях свисали танковые башни.

— О, майн готт! — потрясенно прошептал ученый.

За некоторыми станками стояли дети лет двенадцати — четырнадцати, не больше! Из-за невысокого роста, чтобы добраться до управляющего механизма, им приходилось приставлять к станку ящик или просто деревянный чурбан, а затем взбираться на него.

— Ленинградский тракторный. Многие рабочие ушли на войну. За станки стали их сыновья.

У Гейзенберга сжалось сердце. Он сам был отцом.

Бумм! Откуда-то раздался глухой разрыв. Потом еще один и еще. Картина на стекле немного сместилась. Теперь Вернер видел тот же самый цех, но с другой точки. Оказалась, что в стенах прорублены широкие проемы, через которые наружу выставлены стволы пушек.

— Линия фронта проходит в четырех километрах. Завод ведет бой и продолжает работать, — сказал Посланник.

Стекла опять покрылись инеем.

— Хватит! Не могу больше! — хрипло произнес Гейзенберг.

Посланник ничего не ответил, зато в окне появилась новая картина. С высоты птичьего полета Вернер увидел озаряемый пожарами город, стоящий на берегу широкой реки. Там, внизу не было ни одного целого дома!

Груды щебня и бетонных блоков, поваленные столбы, ошметки телеграфных проводов, сожженные автомобили и остовы танков, все это смешалось в дикую кучу! Казалось, что там не осталось ничего живого.

Гейзенберг пригляделся. Сквозь обломки пробирались небольшие группы солдат в зеленой форме. На руках они тащили пушки и минометы. Несмотря на бьющие откуда-то издали артиллерийские орудия и сыплющиеся сверху бомбы, солдаты упорно занимали позиции.

— Сталинград. Город на Волге. Немецкая армия понесла невосполнимые потери, но так и не смогла его захватить.

Страшным усилием воли Гейзенберг смог заставить себя отвести взгляд от окна.

— Зачем...ты показал мне...все это?

— Чтобы ты понял — война проиграна. Твое открытие лишь приведет к новым смертям и только отсрочит неизбежное. Этот народ не победить.

— Но...

— Уничтожить их всех? Включая стариков, женщин, детей?.. Выбор за тобой, — жестко сказал Посланник. — Прощай.

В отличие от Самюэля, гость исчез без всяких театральных эффектов. Только что стоял возле окна, а тут раз и нет его! Как будто и не появлялся в кабинете никогда.

Гейзенберга замутило. К горлу подкатил тугой ком, голова закружилась. Он попытался встать, но внезапно навалившаяся слабость не позволила ему сделать это. Физик рухнул на стол.

Когда он открыл глаза, огонь в камине почти угас. Значит, прошло немало времени. Ученый потрогал рукой лоб. Вроде холодный. Да и чувствовал он себя отлично, словно проспал часов двенадцать, не меньше!

Гейзенберг подошел к камину и подкинул в него дров. Глядя на разгорающиеся языки пламени, физик грустно усмехнулся. Он вернулся к столу и сгреб с него все бумаги. Бросив их возле камина, Вернер уселся на пол рядом с ними.

Об авторе

Родился в 1982 году в семье учителей. Закончил механико-математический факультет Ростовского Государственного Университета. Несколько лет работал преподавателем высшей математики. Автор ряда статей посвященных проблемам высшего образования и математической подготовки студентов. В настоящее время живет в Ростове-на-Дону и работает аналитиком в транспортной компании.

В жанре фантастика издан рассказ «Демоны Сталинграда» (сборник «Настоящая Фантастика 2010», ЭКСМО) и рассказ «Встретимся» (журнал «Венский литератор», №16, международный конкурс «Литературная Вена 2010»). Во втором номере за 2010 год литературного приложения «Знание-Сила: Фантастика» опубликован рассказ «Оружие победы». Также этот рассказ напечатан в сборнике «Антология МиФа» (издательство «Шико», Украина, 2011). В девятом номере за 2011 год журнала «Веси» опубликован рассказ «Последний урок». В первом номере за 2012 год литературного приложения «Знание-Сила: Фантастика» опубликован рассказ «Белый камень». В сборнике «Наше Дело Правое. Исправленному верить» (ЭКСМО, 2012) напечатан рассказ «Дождешься».

Иосиф Письменный

После возвращения

повесть

Пролог

Обнаружив на своем столе судебную повестку, Руководитель Центра космических полетов пришел в ярость и приказал вызвать к нему дежурного офицера Центра майора Беллоуса. Когда тот предстал перед высоким начальством, в кабинете находился третий человек. Он сидел так, что Беллоус не мог разглядеть его лицо, и это сразу не понравилось офицеру.

— Что это такое? — сдерживая ярость, спросило главное лицо космического центра.

— Повестка в суд, — невозмутимо разъяснил офицер.

— Повестка ку-да? — едва владея собой, задал следующий вопрос высокий начальник.

— В суд, — все так же невозмутимо разъяснил офицер.

— А по-че-му она оказалась на моем столе, да еще поверх всех срочных бумаг? Вы, что, не знаете, что всякий сор положено не высыпать у меня на столе, а пе-ре-да-вать на-чаль-ни-ку мо-ей кан-це-ля-ри-и?

— На вашем столе она оказалась потому, что в суд приглашаетесь вы, а не начальник вашей канцелярии. А поверх всех других бумаг ее положил я, чтобы обратить на нее ваше внимание.

— Майор, мне надоело терпеть ваше присутствие, — после небольшой паузы надменно заявил начальник космического Центра. — Поэтому я решил вас досрочно отправить на пенсию. Решайте, с какой формулировкой вас уволить — «как несправившегося с работой» или «как скрывшего от начальства важные документы». Или вам больше нравится «как несоответствующего занимаемой должности»?

— Прошу прощения, сэр, но здесь находится еще одно лицо, и прежде, чем ответить, я бы желал знать, кто он такой. К сожалению, его идентификатор повернут к нам тыльной стороной, и я не могу прочесть его фамилию и должность.

От этого заботливого «к нам» Руководителя передернуло, и он опрометчиво брякнул:

— Нечего обо мне заботиться! Я и без вашей помощи прекрасно знаю, кто он такой. Это мой адвокат!

— Он ваш адвокат или адвокат Центра космических полетов? — вежливо уточнил майор Беллоус.

— А это не имеет значения. И мой адвокат, и адвокат Центра.

— Прошу прощения, сэр, но это невозможно. Если он адвокат Центра, то он и мой адвокат тоже. Если же он не адвокат Центра, а всего лишь ваш адвокат, то не имеет права находиться на территории космического Центра, в том числе в этом кабинете. Так что определяйтесь поточнее, кто сидит в этом кресле.

— Малыш, — гость неожиданно щелкнул выключателем настольной лампы, освещая свое лицо, и подал голос, — уважь своего профессора, не заставляй меня убегать, как зайца. Если ты сейчас проявишь снисхождение к своему старому, ха-ха, преподавателю, я тоже, возможно, сочту приемлемым не быть чересчур строгим к тебе во время предстоящих слушаний твоего дела. Ведь, насколько я понимаю, нам предстоит встреча в суде, и мы будем по разные стороны баррикад.

Беллоус узнал гостя и понял, что в дальнейшем ему предстоит тягаться с самим Большим Барри — Главным адвокатом Центра. Офицер еще не забыл, как весь их курс дрожал перед экзаменом, который они сдавали на юридическом факультете профессору Барри Тарку. Весь курс, и он, Беллоус, тоже. Ведь стоит получить у Тарка плохую оценку, и двери в Космический Центр перед тобой навсегда закроются.

Согласно неписанным правилам, все офицеры Центра должны были иметь диплом об окончании юридического факультета. Поэтому Беллоус не мог знать: то ли профессор Тарк действительно помнил его, то ли назвал Малышом, не сомневаясь, что офицер прослушал курс его лекций. Во всяком случае, теперь майор Беллоус мог надеяться, что его бывший преподаватель не позволит себе в предстоящей судебной тяжбе со своим бывшим учеником применять запрещенные приемы.

Не успел офицер сообразить, что ответить, как услышал из уст Большого Барри:

— Вот и молодец. Я вижу, что мы поладим... А теперь ответь своему шефу и по случайному совпадению моему клиенту в одном лице, что ты решил: с какой формулировкой он может тебя уволить?

— Профессор, объясните, пожалуйста, обоим: своему клиенту и моему шефу в одном лице следующее. Еще три дня тому назад он мог бы меня уволить с любой формулировкой. А сейчас, в соответствии с действующим законодательством, он не сможет этого сделать. До вынесения приговора по делу «Граф Тимофей Ангарский и маркиз Архимед Сиракузский против Руководителя Центра космических полетов».

— Почему?

— Три дня тому назад я получил уведомление из суда, что являюсь официальным адвокатом истцов при слушании этого дела.

— Bravo, Малыш, я вижу, ты не зря протирал штаны на моих лекциях! Тогда удовлетвори мое любопытство. Ты знал, что сказано в «Положении о правах лиц, удостоенных дворянских титулов за заслуги во время космических полетов»?

— Скажем так. Сначала не знал. Но потом поинтересовался... После

того, как в бортовом журнале «Альбатроса-23» обнаружили приказ командира корабля о возведении за заслуги перед экипажем кота Тимофея и пса Архимеда в дворянское достоинство с присвоением им титулов графа и маркиза соответственно.

— Ясно, значит уволить тебя — уже после суда, разумеется — с формулировкой «как несправившегося с работой» или «как несоответствующего занимаемой должности», скажем так, будет трудновато... Почему же ты не доложил о правах лиц, удостоенных дворянских титулов, руководству Центра космических полетов?

Беллоус невольно восхитился, как ловко в своем вопросе адвокат подменил «Руководитель» на «руководство», выводя Руководителя Центра из-под удара, а заодно поставив ловушку ему, Беллоусу.

— Профессор, с формулировкой «как скрывшего от начальства важные документы» меня тоже не удастся уволить. В канцелярии хранятся три моих рапорта на имя Руководителя Центра космических полетов о необходимости обеспечить графа Тимофея Ангарского и маркиза Архимеда Сиракузского всем положенным в соответствии с правами лиц, удостоенных дворянских титулов во время космических полетов.

— Ты уверен, что три рапорта, а не два всего?

— Абсолютно. У меня имеются три справки из канцелярии о регистрации каждого рапорта.

— Вот так, — лицемерно посетовал Тарк. — Учишь вас на свою голову... Ладно, ступай, Малыш, а мы тут без тебя подумаем, как — ха-ха! — расправиться с тобой и твоими подопечными. Единственно, что от себя лично я могу обещать тебе, как своему бывшему студенту, так сказать, своему ученику: в вашем деле за рамки закона мы выходить не будем.

— Благодарю, господин профессор! Большого нам и не надо!

Глава 1

Описанному выше разговору в кабинете высокого лица предшествовал ряд важных событий. Начнем с того, что на Землю благополучно возвратился экипаж корабля «Каравелла-54». Полет оказался нелегким: корабль неожиданно попал в метеоритный дождь и по указанию Центра совершил незапланированную остановку на астероиде № 32-317 для осмотра и необходимого ремонта. Но теперь все это позади...

Мягкая посадка на Землю. Объятия, поцелуи, цветы, речи. И снова поцелуи, цветы, речи, объятия, смех и слезы...

Мало кто обратил внимание на то, что после основного экипажа «Каравеллы-54» на землю дополнительно ступили кот и трое котят, собака и двое щенят, а также одна коза — без козлят. А ведь именно им предстоит стать главными действующими лицами нашего рассказа!

Выйдя из корабля, группа из восьми животных (кот, собака, коза, трое котят, двое щенят) не поспешила вместе с остальными к трибуне, а осталась возле траппа, словно ожидая чего-то или кого-то. Тут к ним и подошел майор Беллоус:

— Мне поручено встретить вас, — сказал он, предварительно представившись. — Пошли, что ли?

— Нет, — возразил кот. — Мы не можем отойти от трапа. Мы обязаны проследить за своим грузом.

— Да, — подтвердил пес. — Таково указание покойного руководителя нашей экспедиции почтенного сэра Сэма Старка: обязательно проследить за выгрузкой всех материалов нашей экспедиции. Иначе их потом будет трудно отыскать в обычной для таких выгрузок неразберихе.

— Вот именно. Мы обязаны проследить за нашим грузом. Ведь там результаты исследований на астероиде за период более ста пятидесяти лет, — поддержала обоих коза Анна-Мария-Тереза.

— Ну, что вы? Выгрузка может занять месяц и больше, — попробовал возразить майор.

— Мы знаем. Но это не имеет значения, — сказал кот.

— Почтенный сэр Сэм Старк нас предупредил, — поддержал его пес. — Мы ждали сто пятьдесят лет. Подождем еще месяц.

«Вот вяпался», — подумал Беллоус, и сказал вслух:

— Но я не смогу ждать возле трапа месяц.

— И не надо. Мы сами справимся, — заверил пес. — Мы имеем на этот счет инструкции от почтенного сэра Сэма Старка.

(Еще сегодня утром майор не имел никаких забот о животных, но врожденные пунктуальность и исполнительность сыграли с ним злую шутку: его угораздило спросить Руководителя Центра, как поступить с животными.

— Заботу о животных я поручаю вам, — нашелся Руководитель и укатил на космодром.)

— Не можете же вы все время сидеть под открытым небом, — настаивал офицер.

— А почему бы нет? — в один голос возражали ему кот и собака. — Разве не прожили мы под открытым небом последние сто пятьдесят лет? А тут такое прекрасное освещение.

(Стемнело, и на космодроме были включены прожектора.)

— Но вы же видите, что все люки задраены, и до конца праздника выгрузки не будет, — объяснял животным майор Беллоус.

— Ничего, мы можем подождать. У нас имеются четкие инструкции от почтенного сэра Сэма Старка.

Глава 2

По правде сказать, такое упрямство животных было наруку офицеру. Согласись они покинуть свой пост, и майор Беллоус не знал бы, куда их разместить.

Центр имел общежитие для курсантов (отель «Надежда»), гостиницу для членов космических экипажей (отель «Космос»), дом престарелых для вышедших на пенсию астронавтов («Дом ветерана»), но все они предназначались для людей, и ни в одном из них не согласились, даже временно, на одну ночь, принять животных с космического корабля.

Вести их к себе майор тоже не мог. Его квартира просто была не в состоянии принять такое количество гостей.

Между тем на дежурство возле корабля заступила очередная смена.

Начальник караула приказал своим солдатам установить вокруг корабля ограждения, а животным покинуть зону внутри ограждений.

Беллоус с трудом уговорил животных выйти за ограждения. Те уселись в ряд вдоль ограждений, а майор договорился с начальником караула, что солдаты не будут прогонять и вообще обижать безобидных зверушек.

Проведя беспокойную ночь, рано утром следующего дня Беллоус примчался на космодром. За ночь ничего не изменилось. Кошки, собаки и коза все также сидели в ряд вдоль линии ограждений. Главный караульный начальник объяснил штабному офицеру, что разгрузка, как и обычно, начнется недели через три после посадки. Во всяком случае, не раньше...

Это время майор Беллоус решил посвятить изучению имеющихся документов о правах животных, побывавших или родившихся в космосе. И не обнаружил таких документов.

Тогда майор заинтересовался, почему командир корабля «Альбатрос-23» с таким упрямством подавал в суды различных инстанций одно заявление за другим, пока не добился того, что Верховный Суд оставил в силе его, командира корабля, приказ.

Вряд ли дело было в командирских амбициях. Скорее всего, дело заключалось в содержании приказа. В том, что этим приказом кот Тимофей и пес Архимед за заслуги перед экипажем были возведены в дворянское достоинство с присвоением титулов графа Тимофея Ангарского и маркиза Архимеда Сиракузского соответственно.

Возможно, эти дворянские титулы и обеспечивали животным, побывавшим или родившимся в космосе, те самые права, документы о которых майор безрезультатно искал?

Так и есть! Одновременно с решением о приказе командира корабля «Альбатрос-23», Верховный Суд вынес еще одно решение: в положение о правах лиц, удостоенных дворянских званий за особые заслуги в космических экспедициях, была введена одна единственная поправка. И заключалась она в том, что слово «астронавты» в этом положении заменялось словами «участники экспедиции».

Теперь все становилось понятным! Если раньше положение о правах лиц, удостоенных дворянских званий, касалось только людей (астронавтов), то теперь оно относилось и к животным (участникам экспедиции), то есть непосредственно к коту Тимофею и псу Архимеду. Командир «Альбатроса-23» предвидел их возвращение на Землю и боролся за их права после этого возвращения! Вот что значит настоящий командир!

Беллоус засел за изучение прав лиц, удостоенных дворянских званий. Если отбросить второстепенное, то главное — применительно к Тимофею и Архимеду — заключалось в праве на пожизненную пенсию и в праве на проживание в «Доме ветерана» — доме престарелых для вышедших на пенсию астронавтов.

Майор Беллоус немедленно написал об этом рапорт на имя Руководителя Центра космических полетов. Рапорт остался без последствий. Вернувшиеся из полета животные продолжали жить под открытым небом.

Никому до них не было дела. Кроме исполнительного майора...

Тогда через две недели он подал второй рапорт, а через месяц третий.

Все они были оставлены без внимания.

По примеру командира корабля «Альбатрос-23», Беллоус подал в суд. На Руководителя Центра космических полетов.

О том, что было дальше, мы уже знаем из пролога к этому рассказу. Однако не будем забегать вперед.

Глава 3

Между первой и второй докладными записками Беллоуса на космодроме случилось ЧП. Обычно все охранники получали ежедневно по пол-литровому пакету молока. То ли пакеты с молоком пролежали какое-то время вне холодильника, то ли молоко оказалось просроченным, то ли оно вообще было не причем. Только неожиданно на всех охранников напал жесточайший понос, после которого они все отказались потреблять молоко в пакетах и потребовали привозить свежее молоко прямо после дойки. Естественно, что начальство не могло и не желало обеспечивать солдат таким молоком, и тогда охрана потребовала выдавать вместо положенного молока неположенные деньги.

И тут Гораций (так звали одного из щенков) выступил с заманчивым предложением. Оно заключалось в том, чтобы Анна-Мария-Тереза начала пасти на лужайке за космодромом. Получающееся от этого у козы молоко можно будет продавать охранникам. Озабоченный тем, где доставать для животных деньги, майор Беллоус, скрепя сердце, согласился.

У животных появились свои деньги, которые они доверили хранить Беллоусу.

Между тем началась подготовка к разгрузке звездолета. В один прекрасный день привезли и сгрузили возле космического корабля пустые контейнеры, в которые предстояло укладывать космический груз «Каравеллы-54».

Гораций (снова этот вездесущий Гораций!) случайно подслушал разговор сержанта Ленгли с рядовым Хрендринксом. Даже не подслушал, а услышал, ибо ни сержант, ни тем более рядовой не собирались таиться от какого-то щенка, пусть даже побывавшего в космосе. Рядовой Хрендринкс информировал сержанта, что нашел покупателя на контейнеры, но поскольку их предстоит вывезти с территории космодрома, то выручкой придется поделиться с солдатами, охраняющими ворота.

— Сколько он будет платить? — деловито спросил Ленгли.

— Как обычно, бутылка виски за один контейнер, — ответил Хрендринкс.

Сержант Ленгли в шутку посетовал, что нет покупателя на территории космодрома, тогда бы вся выручка досталась им, и оба заржали над удачной шуткой.

В тот же день Гораций пересказал этот разговор майору Беллоусу и попросил того купить на их деньги две бутылки виски и принести их на космодром. После того, как майор вручил две бутылки виски сержанту

Ленгли, Хрендрикс отвез два контейнера и сгрузил их в тенечке под кленами возле вагончиков, уже десятки лет одиноко уютившихся на краю космодрома.

Теперь собаки имели свой отдельный домик, а кошки свой. (Анна-Мария-Тереза предпочла жить под открытым небом.)

Сержант Ленгли и рядовой Хрендрикс тоже остались довольны выгодной сделкой — еще бы, не пришлось делиться выручкой с охраной ворот!

Глава 4

Профессор Компости вошел в науку и прочно обосновался в ней, сделав выдающееся открытие, вошедшее в энциклопедии как эффект Компости или парадокс Компости. На базе эффекта Компости профессор Компости разработал знаменитую теорию Компости, о которую обломало зубы не одно поколение студентов, пытаясь сдать экзамен прославленному профессору Компости.

В описываемое нами время профессор Компости находился в самом расцвете творческих сил, переживая свою вторую, если не третью творческую молодость. Заклучался этот творческий расцвет не в новых экспериментальных или теоретических исследованиях, а исключительно в выступлениях на конференциях. Все его выступления были наполнены глубоко продуманными размышлениями о судьбах науки и путях ее будущего развития.

Профессор питал особое пристрастие выступать в прениях по докладам мало известных авторов. Все выступления профессора Компости строились по одной схеме. Для разбега профессор отмечал важность темы, затронутой в докладе, не преминув при этом вскользь упомянуть, что все главные вопросы данной темы уже были рассмотрены в его, профессора, пионерской работе 30-летней давности. После этого профессор ставил под сомнение правильность сделанных допущений (если работа была теоретической) или достаточную точность примененной аппаратуры (если работа была экспериментальной).

Заканчивал профессор свои выступления всегда одной и той же фразой: «Нет, вы меня не убедили».

После такого заключения авторы вели себя двояко. Одни скисали и переставали выступать с докладами. Другие при каждом удобном случае подчеркивали, что сам профессор Компости обратил свое внимание на их работу (что, впрочем, полностью соответствовало истине).

Поскольку кое-кому из любознательных и образованных читателей не терпится узнать, в чем же состоял эффект Компости или парадокс Компости, попробуем изложить эту сложнейшую научную проблему доступным читателю (а главное — автору) языком. Однако, учитывая, что не все читатели захотят углубляться в дебри столь специфического раздела науки, мы выделяем этот материал в отдельную главу, каковую читатель — при желании — может не читать.

Глава 5

(только для любознательных читателей со степенью не ниже магистерской)

Профессор Компости (в ту пору еще аспирант) занимался изучением скоростей сначала искусственных черепах, а потом искусственных улиток. Пока он изучал скорости перемещения черепах, результаты были не так заметны и списывались за счет погрешностей измерения. Но когда вдумчивый аспирант перешел на улиток, полученные им наблюдения буквально потрясали всех, кто узнавал о них.

Итак, Компости занялся изучением скорости движения искусственных улиток. Эксперимент был гениально прост. Беговая дорожка полигона имела идеально круглую форму, вернее представляла собой узкую полосу, этакое плоское кольцо, ограниченное с обеих боковых сторон бордюрами. Такое бордюрное ограничение было введено специально, чтобы улитка могла перемещаться только вперед и не тратила время на боковые перемещения. (Уже только этот один пример показывает, насколько до мельчайших подробностей эксперимент был продуман!)

Далее беговая дорожка строго делилась на три абсолютно равные части, и на ней наносились три метки одной толщины. Ассистент выпускал улитку, а Компости измерял астрономическое время переползания ею через каждую из трех меток.

Тут мне требуется сделать небольшое отступление. Вместо того, чтобы измерять непосредственно скорость улитки, аспирант Компости смело применил измерение величины, обратной скорости, то есть стал определять время движения. (Ведь хорошо известно, что время можно измерять с огромной точностью!) Короче, скорость определялась как частное от деления пройденного пути на время движения. Путь, проходимый улиткой, был определен раз и навсегда — он равнялся длине беговой дорожки. Время движения определялось как разность времен переползания *через последнюю и через первую* метки.

Чудеса начались, когда молодой исследователь решил повысить точность эксперимента и разделил беговую дорожку не на три, а на четыре части! Время перемещения улитки от первой до последней отметки увеличилось! Не на много, но все же заметно.

Тогда пытливый исследователь пошел дальше: он разделил беговую дорожку ровно на пять частей! И снова время переползания улитки от первой до последней отметки увеличилось! Немного меньше, чем в первый раз, но все еще заметно.

Напрашивался парадоксальный вывод: скорость улитки зависит от числа меток! Чем больше меток, тем скорость меньше!

Другие ученые повторили эксперимент Компости: с улитками, клопами, гусеницами, майскими жуками. И получили тот же эффект! Эффект Компости или парадокс Компости не зависел от того, с каким насекомым или животным проводился эксперимент. Скорость движения зависела только от количества меток!

Прошло десять лет. Профессор Компости опубликовал свою знамени-

тую теорию Компости, с помощью строгих формул обосновав и объяснив эффект Компости или парадокс Компости. Теория Компости, как всякая уважающая себя теория, изобиловала сложными математическими выкладками и зиждилась на заполярных координатах, функциях Бесселя, эффекте Доплера, двойном преобразовании Лапласа и тройном разложении в ряды Фурье. (Что это такое, спросите, пожалуйста, в другом месте.)

И тут некий доктор Гога Нагога набрался наглости представить на конференцию доклад, в котором скорость определялась не по разности времен прохождения первой и последней меток, а по разности времен прохождения *первой и еще раз первой* метки. Гога Нагога, видите ли, посчитал, что пройденное расстояние тогда и только тогда равняется длине беговой дорожки, когда улитка во второй раз пересечет ту же самую метку!

К счастью ошибочный доклад этого неуча Гоги Нагоги был вовремя обнаружен и отклонен уже при предварительном рецензировании, и на конференции не был заслушан. Он вообще не был заслушан ни на какой другой конференции. Научная общественность была защищена от его доклада непоколебимыми учеными, также как и от его статьи, которая была отклонена всеми научными журналами, и с тех пор о Гоге Нагоге говорили только снисходительно, как о несостоявшемся ученом...

Глава 6

Теперь читатель подготовлен к встрече с профессором Компости, и она с минуты на минуту должна состояться, поскольку профессор Компости повел своего бульдога Пасти на ежедневную вечернюю прогулку на ту самую лужайку, на которую кот Тимофей и пес Архимед вывели пастиль козу Анну-Марию-Терезу. Коза почему-то не привлекла внимания бульдога, а вот увидев кота Тимофея, бульдог сразу же бросился на него. Кот Тимофей не был совершенно знаком с повадками обычных собак. (Не следует забывать, что Тимофей всю жизнь прожил в крепкой дружбе со спаниелем — как на космических кораблях, так и на астероиде!)

Итак, Тимофей совершенно не был знаком с повадками обычных собак. Увидев мчащегося на него огромного бульдога, он посчитал, что тот намерен поиграть с ним, и тут же включился в игру. Кот не бросился удирать от свирепого пса, как это делали, едва завидев бульдога, все коты до этого, а застыл неподвижно, и в тот момент, когда страшный Пасти прыгнул на него, бросился навстречу бульдогу и нырнул под него.

В результате тот перепрыгнул через кота. После этого оба развернулись, снова стали лицом к лицу (или, если вам угодно: мордой к морде), и свирепый пес снова прыгнул на кота. И снова кот проскочил под летящей навстречу собакой.

Так повторялось несколько раз, пока Пасти не сообразил изменить тактику. Он ринулся на кота, не делая прыжка. И тут произошло непредвиденное — кот сам легко перепрыгнул через собаку и тут же повернулся к ней мордой.

Вальяжный профессор Компости, совершенно забыв про свою солидность, принялся снова и снова науськивать свою собаку на кота. Снова и

снова пес бросался на кота, то пытаюсь навалиться на него всей тушей, то желая ухватить его зубами, и каждый раз Тимофей, играючи, выходил победителем.

Наконец, обессиленный пес покинул поле боя. Впервые он сдался. И кому? Коту.

Но не сдался почтенный профессор.

Глава 7

На следующую прогулку профессор Компости пришел с пистолетом в кармане. Он обосновался в центре лужайки со своим Пасти. Космические кошки (кот Тимофей с котятами, которых, кстати, звали Юлий Цезарь, Адмирал Нельсон и Шарль де Голь), а также космические собаки (спаниель Архимед со щенками Горацием и Гомером) уселись рядышком на краю лужайки. Несмотря на попытки хозяина натравить бульдога на кошек, пес не проявлял желаний нападать на них. Тогда профессор стал бросать свою трость с тяжелым металлическим набалдашником на конце и требовать от бульдога приносить трость ему, Компости. Пес явно был не в настроении и неохотно выполнял приказы.

Между тем спаниель Архимед был не прочь поиграть с тростью. Когда Компости в очередной раз швырнул трость, а Пасти засиделся на старте, Архимед схватил трость зубами, побегал с ней вокруг Компости на приличном расстоянии от профессора, а затем встал на задние лапы и метнул трость профессору. Трость легла точно у его ног. Компости еще пару раз бросал трость, а Архимед возвращал ее обратно.

Этого ученый не мог стерпеть. Он метнул трость и, не дожидаясь, когда спаниель возвратит ее, достал свой пистолет и выстрелил в Архимеда.

И тут в который раз случилось непредвиденное. Будь Архимед обычным псом, Компости застрелил бы его. Но спаниель был искусственным созданием. Его реакция была намного быстрее, чем у обыкновенных собак. Архимед мгновенно отскочил в сторону и стукнул набалдашником трости, как клюшкой, по пуле. Пуля рикошетом полетела обратно и попала профессору в лоб, точно в центр лба. Профессор Компости рухнул на землю...

Кот Тимофей стремглав побежал к охране и приказал немедленно вызвать скорую помощь. Дежурный солдат охраны, привыкший выполнять команды, от кого бы они ни исходили, немедленно вызвал скорую. А уж потом задумался, как это он беспрекословно послушался кота.

Скорая помощь увезла профессора в реанимацию. Там ему сделали операцию, но доставать пулю не стали, чтобы таким способом не нарушить хлипкое равновесие, а оставили ее во лбу у ученого. Самого профессора подключили к системе трубок для спасения жизни. Врачи и следователи долго еще потом ломали голову над тем, каким образом Компости ухитрился выстрелить сам в себя, да еще так, что пуля задом наперед вошла ему в голову. Они нашли только одно объяснение этому: то, что способен придумать и осуществить великий ученый, обыкновенный человек даже понять не в силах!

Прославленный детектив Гаврило Габриелов высказал дерзкую гипотезу, что профессор Компости установил свою трость вертикально, отошел на приличное расстояние и выстрелил в нее. Выстрел был настолько метким, что пуля попала в набалдашник и рикошетом, задом наперед полетела обратно, прямо Компости в лоб. Но другие следователи и врачи слабо верили в осуществимость подобной точности выстрела.

О том, что к выстрелу могут быть причастны игравшие на лужайке кошки и собаки, никто из них даже не подумал.

Глава 8

Супруга профессора настояла, чтобы к нему допустили священника. И тут, на смертном одре, можно сказать, перед лицом вечности всеми уважаемый профессор покаялся в таких преступлениях, от которых кровь стыла в жилах: и у супруги профессора, и у священника. Оказалось, что каждый год во время экзаменов профессор Компости умудрялся зарезать несколько десятков студентов.

Сколько всего студентов он зарезал, профессор Компости не смог припомнить.

Впрочем, возможно, это был уже бред. Ибо Компости просил прощения у Гога и Магога, причем язык настолько плохо повиновался умирающему, что он произносил эти два имени, как одно: Гога Нагога.

Покаяние принесло плоды, и стрелявший в себя профессор выжил.

Спустя три дня после ранения профессора Компости, которое все — и детектив Гаврило Габриелов, и солдаты на космодроме — восприняли, как самострел, произошел следующий случай.

Рядовой Золтан Шпаковски решил попугать Юлия Цезаря и направил на котенка свой карабин. Но не успел он прицелиться, как услышал грозный окрик:

— Опусть свой карабин, дурак! Если не хочешь получить пулю промеж глаз, как тот старый недоумок.

— Какой недоумок? — спросил Шпаковски, опуская карабин и поворачиваясь лицом к тому, кто отдал приказ.

— Какой? Какой? Ну, тот, что водил на лужайку раскормленного бульдога Пасти, — ответил обалдевшему солдату спаниель Архимед...

Глава 9

Ничто так не способствует разложению армии и падению армейской дисциплины, как расстояние от генералов. Особенно при отсутствии военных действий.

Поскольку войны не было и не предвиделось, то охрана «Каравеллы-54», оставленная на попечение сержантов, начала активно играть в азартные игры.

В основном, в карты.

Вместе с сержантами.

Причем на деньги.

И даже во время дежурства.

Однажды не хватило четвертого партнера, и рядовой Золтан Шпаковски, игравший роль взводного шута, шутки ради предложил крутившемуся под ногами Адмиралу Нельсону:

— Может, ты составишь нам компанию?

— А что? — охотно согласился Нельсон. — Могу.

И уселся напротив Шпаковски, который как раз сидел без пары. (Котенок Адмирал Нельсон, в отличие от прославленного адмирала, прекрасно видел обоими глазами. Но любил ходить с повязкой на одном глазу, подражая великому мореходу. Правда, походил он при этом не на адмирала британского флота, а на лихого пирата.)

В этот день сержанту Ленгли и рядовому Хрендринксу пришлось здорово раскошелиться, чтобы заплатить Шпаковски и котенку Адмиралу Нельсону свой проигрыш.

На следующее утро Адмирал Нельсон уселся за карточный стол не один. Он привел с собой Шарля де Голя. Чтобы не отбить у солдат желания играть с котятками в карты, юный де Голь заранее предложил Адмиралу придерживаться следующей тактики: сначала кошки проигрывают, а только потом отыгрываются и уже под занавес забирают себе все деньги, которые были в игре.

Через десять дней вся охрана оказалась в должниках у Адмирала Нельсона и Шарля де Голя. Вследствие этого торговля охраняемым имуществом резко усилилась.

Глава 10

Как мог заметить наблюдательный читатель, события разворачивались в двух плоскостях. С одной стороны, майор Беллоус безуспешно пытался бороться за права животных, вернувшихся из космического путешествия, все больше убеждаясь, что на Земле никому до них нет дела.

С другой стороны, поскольку космические путешественники не были обычными животными, то они постепенно стали приспосабливаться и к земным условиям жизни, и к земным законам.

В свое время они были задуманы и созданы как высокоразвитые роботы, специально предназначенные для выживания в суровых и многовариантных условиях Вселенной. А разве Земля не является частью Вселенной?

Солдаты, как помнит читатель, были должны деньги Адмиралу Нельсону и Шарлю де Голю. Между вторым и третьим рапортами майора Беллоуса щенки и котята под руководством предприимчивого Горация договорились с сержантом Ленгли и рядовым Хрендринксом, и солдаты в погашение долга перевезли в вагончики, десятки лет ютившиеся на краю космодрома, весь груз экспедиции Сэма Старка на астероид № 32-317.

Поскольку, как оказалось, к вагончикам была подключена вся необходимая городская инфраструктура (электричество, вода, канализация), то

вскоре и сами животные переселились из контейнеров в вагончики, предварительно сделав в них необходимый ремонт и тщательную уборку. (Разумеется, и ремонт, и уборка выполнялись силами все той же охраны.)

Теперь Тимофей Ангарский и Архимед Сиракузский занялись оформлением отчета об исследованиях, выполненных ими в экспедиции distinguished сэра Сэма Старка, а молодежь принялась активно обживать Землю.

Глава 11

В один прекрасный день Беллоусу позвонил Барри Тарк, Главный адвокат Центра.

— Малыш, мне бы хотелось пригласить тебя на ланч, — без предисловий заявил Большой Барри. — Разумеется, в моем клубе. Я предупрежу, чтобы тебя пропустили.

Они оговорили время встречи, и в тот же день Беллоус отправился в престижный клуб, куда обычно простым офицерам Центра вход был закрыт.

— Помнишь, Малыш, что я обещал тебе подумать над тем, как лучше расправиться с тобой и твоими подопечными? — спросил Главный адвокат Центра, когда официант пошел выполнять их заказ.

— Помню.

— А помнишь ли ты, что именно я еще обещал от себя лично тебе, как своему бывшему студенту, своему ученику?

— Помню. Что вы не будете в нашем деле выходить за рамки закона.

— Молодец. Так вот, я свои обещания выполняю. Чего нельзя сказать о тебе. Не перебивай меня!... Ах, да, чего нельзя сказать о тебе. Пару дней тому назад на продаже краденного попался рядовой Золтан Шпаковски. Он потащил за собой рядового Хрендринкса... А уж Хрендринкс указал на тебя. Заметь, ни один из них не упомянул своего сержанта. Хотя и дураку понятно, что без ведома сержанта Ленгли ни один гвоздь не смог бы исчезнуть с охраняемой ими территории. Вот что такое настоящая армейская дисциплина: сам погибай, а сержанта не выдавай!

— Что-то мне не ясно, какое я имею отношение к гвоздям...

— Ну, о гвоздях я упомянул просто так, для образности речи. А к тебе все это имеет то отношение, что оба солдата показали, что к занятиям хищниками их подтолкнул ты!

— Я?

— Вот именно. Ведь это ты притащил на космодром две бутылки виски и выменял их на два контейнера!

— Но ведь животным надо было где-то жить!

— Для судей будет не важно, почему ты это сделал. Их будет интересовать только то, что ты побудил солдат вступить с тобой в преступную сделку! Как ты, офицер, вообще мог себе позволить принести спиртное на космодром и передать его рядовым?

Беллоус молчал.

— Малыш, я предлагаю тебе компромисс. Поверь мне, это не самый

худший вариант для тебя. Все-таки я тебе преподавал и питаю к тебе отеческие чувства.

— Какой компромисс?

В это время официант прикатил столик и принялся переставлять блюда, заказанные Барри Тарком и Беллоусом, на их стол. Барри подождал, когда официант отъедет от их стола, и сказал:

— Давай, ешь, пока не остыло. А потом я тебе все объясню.

Они молча поели, и только тогда Тарк озвучил свое предложение:

— Мы замнем дело рядовых Шпаковски и Хрендринкса, а ты отзовешься из суда ваше заявление против моего клиента. Не торопись с ответом. Подумай хорошенько. Учти, чтобы смягчить наказание, эти два мерзавца готовы заложить родную маму. Не то, что тебя.

— Не сомневаюсь.

— Кроме того, с научной точки зрения, все, что ты делаешь, можно рассматривать как деятельность, идущую во вред твоим подопечным. А все, что делает мой клиент, как деятельность, идущую им во благо.

— Даже так?

— А как же! Посмотри сам. Покойный Сэм Старк хотел проверить приспособляемость и выживаемость этих животных в самых разнообразных условиях. Они блестяще доказали свою способность, выжив на астероиде, где не было никакой жизни вообще. Теперь наступил второй этап проверки, в земных условиях, где уже есть одна форма разумной жизни — белковая. Сумеют ли они выжить рядом с людьми? А ты своей деятельностью только мешаешь проведению такого уникального эксперимента. Вот так-то, дружочек...

Беллоус молчал, раздавленный убийственной логикой собеседника.

— Да, кстати, мой клиент обещает, если ты поведешь себя разумно, то он даст тебе дослужить до пенсии. Конечно, от него подальше. Например, у меня в отделе. Так что хорошенько подумай!

В этот день Беллоус впервые в своей жизни напился, как матрос после многомесячного плавания. А может быть, и сильнее...

Глава 12

На следующий день всегда дисциплинированный и даже педантичный офицер, вместо работы, отправился к вагончикам, где обитали его подопечные животные, прихватив по дороге бутылку виски.

Он уселся в тени под грибком, а рядом с ним немедленно расположились граф Тимофей Ангарский с Юлием Цезарем и маркиз Архимед Сиракузский с Гомером.

Беллоус налил себе стакан виски, залпом осушил его и произнес:

— Вот что, ребята, выкладывайте все, что вам известно о Сэме Старке! Только без утайки!

— А чего рассказывать? — удивился кот Тимофей. — Мы думаем, что здесь на Земле о нем и без нашего рассказа все известно...

— Ничегошеньки о нем на Земле не известно, — возразил майор.

— А о чем вы хотите знать, — уточнил пес Архимед, — о Старке-ученом или о Старке-человеке?

— Об обоих! — и Беллоус снова налил себе виски в стакан.

— Достопочтенный Сэм Старк, — начал перечислять Тимофей, — сумел создать небелковую форму разумной материи и научился синтезировать на ее основе высокоразвитых и разумных роботов специально для звездных экспедиций.

— Ученый решил придать им сходство не с людьми, а с животными, — продолжил рассказ товарища Архимед. — Конкретно с кошками и собаками. Сам достопочтенный Старк говорил нам, что сделал это с такой целью: при нормальном полете животные-роботы создают уютную атмосферу на корабле, не обременяя экипаж особой заботой о себе, которая потребовалась бы, будь мы обычные кот и собака.

— Зато в случае вынужденной посадки на любое небесное тело, — снова взял инициативу на себя Тимофей, — животным-роботам не требуется атмосфера для дыхания, а значит, отпадает необходимость в скафандрах.

Рассказ о своем создателе, учителе и старшем товарище снова продолжил пес Архимед:

— Ну, а дальше вы знаете. «Альбатрос», на котором мы летели, попал в метеоритный дождь. Центр полетов приказал совершить посадку на астероиде № 32-317 для ремонта. После ремонта стало ясно, что топлива для возвращения на Землю не хватит. Командир «Альбатроса» вынужден был остановиться на единственном варианте, который давал надежду на возвращение людей на Землю: пожертвовать небелковыми разумными организмами, чтобы спасти жизнь людей. Он приказал Старку подготовить зверей для высадки и длительного проживания на астероиде.

— А вы откуда это знаете? Вам об этом сказал Старк?

— Ну, что вы? Учитель не мог нам это сказать. Мы поняли это по обрывкам разговоров членов экипажа. Достопочтенный Сэм Старк заявил Командиру буквально следующее: — «Я останусь вместе с моими подопечными. Они для меня, как дети. А родители своих детей не бросают в беде». Старк придумал назвать нашу колонию на астероиде экспедицией, остался с нами на астероиде, прожил там около двадцати лет и все время вселял в нас уверенность, что люди прилетят за нами.

— На астероиде, — сказал кот, — он занялся школой выживания.

— Что это за школа?

— Суть ее в том, что нельзя сидеть без дела. Надо было все время заниматься наблюдениями. И после смерти достопочтенного Сэма Старка мы продолжали наши исследования.

— И что вы могли там исследовать, на этом астероиде?

— Как что? — возмутились животные. — Прежде всего, мы определили орбиту астероида, потом неоднократно уточняли ее после прохождения возле крупных планет. Далее температурный режим астероида, его химический состав...

— Все, сдаюсь! А откуда взялись на астероиде щенки и котята?

— В багаже достопочтенного Сэма Старка имелся исходный материал для репродуцирования небелковых разумных организмов. В тяжелейших

условиях на астероиде, чтобы как-то разнообразить нашу жизнь, Старк позволял изредка, раз в десять лет выращивать нового члена экспедиции.

— С целью экономии материала новые члены экспедиции имеют вид не взрослых животных, а котят и щенят, но мозг у них, поверьте, как у взрослых особей.

— Потом необходимый материал закончился...

— А вы можете создавать новых животных?

— Нет. Тайну получения исходного материала Сэм Старк унес с собой. Перед смертью он объяснил нам, почему он считает необходимым так сделать, и поинтересовался нашим мнением.

— И почему?

— Во-первых, он не хотел, чтобы секрет небелковых организмов попал в руки нехороших людей. Кроме того, Сэм Старк опасался, как бы в дальнейшем цивилизация небелковых разумных организмов не стала конкурировать с цивилизацией людей... И мы с ним согласились.

— Ну, раз сам почтенный Старк по важнейшим вопросам советовался с вами, то и я спрошу ваше мнение, — с улыбкой сказал Беллоус, выливая в стакан остатки виски.

Офицер пересказал Тимофею и Архимеду свой разговор с Барри Тарком и спросил:

— Что мне ответить Тарку?

— Соглашайтесь! — в один голос ответили кот и собака. — Теперь, благодаря школе выживания нашего учителя, нам не понадобится защита «Положения о правах лиц, удостоенных дворянских титулов за заслуги во время космических полетов». Мы выживем сами.

Э п и л о г

Если вы за два километра от Центральных ворот космодрома свернете влево, там, где стоит скромный указатель «К зоне отдыха», то приедете к городку развлечений для взрослых.

Это не Лас Вегас, но нечто подобное. Только чуть-чуть в меньших масштабах.

Зона отдыха — это то, во что со временем превратились пустовавшие вагончики, одиноко ютившиеся на краю космодрома. Сейчас здесь сеть отелей, кафе, ресторанов, игорных и прочих домов.

И хотя хозяевами зоны отдыха числятся владельцы акций компании «Альбатрос-23» (компания ведет свое название от прославленного космического корабля «Альбатрос-23»), ни для кого не секрет, что истинными хозяевами компании являются котята Адмирал Нельсон и Шарль де Голь, щенок Гораций и адвокат Беллоус.

В центре поселка установлен памятник почтенному Сэму Старку. Бронзовая фигура ученого стоит не на пьедестале, а на площадке, приподнятой всего сантиметров на сорок над землей. Старк всматривается в небо и прощально кому-то машет рукой. Ясно, что этот «кто-то» — удаляющийся от астероида «Альбатрос». К ногам человека прижимаются бронзовые

кот и спаниель. А на три шага впереди этой группы и чуть правее стоит коза. Коза стоит, повернув голову вверх и влево, и смотрит на Старка.

На самом краю поселка расположен неброский двухэтажный особняк со скромной табличкой у входа «Альтернативный журнал». Да-да, здесь находится редакция известного журнала, прославившегося тем, что публикует только те научные статьи, рукописи которых были отклонены другими редакциями.

Идею этого журнала подсказал адвокату Беллоусу его бывший профессор Барри Тарк. Когда Беллоус пожаловался, что ни один журнал не хочет печатать работы покойного Сэма Старка и его учеников, Барри ответил:

— Тогда пусть создают свой собственный журнал и печатают в нем, что хотят!

Главными редакторами нового научного журнала стали граф Тимофей Ангарский и маркиз Архимед Сиракузский. Кроме них, в редколлегию вошли котенок Юлий Цезарь и щенок Гомер. (Как видим, у животных произошло разделение по интересам: старая гвардия и кое-кто из молодых избрали для себя научную карьеру, а большинство молодежи занялось предпринимательской деятельностью.)

Одним из первых, приславших в редакцию «Альтернативного журнала» свою статью, оказался (кто вы думаете? Правильно!) профессор Компости. Как вы уже догадались, новая работа Компости была посвящена разоблачению пресловутой теории Компости.

Если читатель помнит, беговая дорожка делится на несколько абсолютно равных частей, и на ней наносятся метки. Ассистент выпускает улитку, а экспериментатор измеряет время между переползанием улиткой *первой и последней отметок*. Так вот, время, затраченное улиткой на переползание *первой и последней меток*, зависело от числа меток. В этом состоял эффект Компости или парадокс Компости.

И объясняла этот эффект, этот парадокс теория Компости.

Сейчас же автор теории Компости доказывал, что дело не в зависимости скорости улитки от числа меток, а в том, что расстояния между первой и последней метками в случае трех меток и в случае четырех меток — разные!

Более того, в разделе «Благодарности» профессор сообщал, что первым, кто догадался, в чем здесь дело, был некий доктор Гога Нагога, а он, Компости и председатели конференций, а также редакторы журналов (шел перечень конференций и редакторов журналов) помешали публикации работы Гоги Нагоги. Теперь же Компости пользуется случаем, чтобы попросить прощения у Гоги Нагоги. Случай в ученом мире небывалый!

Прочтя статью Компости, Архимед тут же позвонил автору и сказал:

— Профессор, вы меня убедили. Будем печатать!

Перед особняком находится зеленый газон, за которым следит коза Анна-Мария-Тереза. Благодаря ее заботам, все сотрудники и посетители редакции могут каждое утро выпивать по стакану свежайшего молока.

Молоко Анны-Марии-Терезы настолько лучше магазинного, что адвокат Беллоус старается выкроить время, чтобы пару раз в неделю заскочить в редакцию и выпить стаканчик козьего молока. Впрочем, возможно, моло-

ко Анны-Марии-Терезы — это только повод для встречи отставного офицера с друзьями.

Вот и все, что на сегодняшний день известно автору рассказа об искусственной разумной форме жизни, созданной достопочтенным Сэмом Старком, и о нем самом.

Об авторе

Родился в 1937 году в Украине. В 1960 году окончил Московский авиационный институт. В 1960-94 годах работал в конструкторском бюро Генерального конструктора Н. Д. Кузнецова, участвовал в разработках двигателей для самолетов А. Н. Туполева, С. В. Ильюшина, О. К. Антонова и ракетного комплекса Н-1. Доктор технических наук. С 1995 года — старший научный сотрудник Хайфского Техниона (политехнического университета) в Израиле.

Научную фантастику пишет с 2000 года. Научно-фантастические произведения печатались в журналах «Знание-сила», «Наука и жизнь», «Кольцо А», в литературном приложении «Знание-сила: Фантастика». Воспоминания о коллегах по работе, об авиаконструкторах — в журнале «Самарская Лука». Другие произведения печатались в журналах «Крокодил», в «Литературной газете», в сборниках военного юмора «В море, на суше и выше...». Автор книг «Спасибо, бабушка!», «Палатка Гаусса», «Это аномальное время», «Вторая встреча».

Раиса Яковлева

Новая игра

У мальчика были каникулы. Это был большой мальчик. Он окончил десятый класс. Это был умный мальчик. Он хорошо учился в школе, читал научную литературу и знал все законы мироздания.

Друзья мальчика разъехались кто-куда... У отца мальчика были проблемы на работе, он задерживался там допоздна и не сумел организовать для сына интересную поездку на время каникул.

Мальчик сел за свой новый многомерный компьютер и начал играть в компьютерные игры. Но он уже не раз играл в эти игры и ему было неинтересно. Тогда он решил создать новую игру. Это будет его мир, который он создаст по своим законам и правилам. Эта мысль увлекла мальчика.

День первый. Он начал с того, что создал небольшой шарик с огромной плотностью вещества и взорвал его. Мельчайшие частицы вещества с колоссальной скоростью разлетались в разные стороны и образовывали скопления звезд эллиптической, спиральной и неправильной форм. Мальчик с интересом наблюдал процесс, пока его не утомило это зрелище. Тогда он пошел на кухню, сделал себе бутерброд с сыром, выпил чай и, не дожидаясь отца, лег спать.

День второй. Когда на следующий день мальчик подошел к компьютеру, он обнаружил, что его вселенная обрела определенные очертания, хотя и продолжала расширяться. Скопления звезд, которые он назвал галактиками, вращались по эллиптическим орбитам вокруг центра вселенной. Многочисленные звезды в каждой из галактик вращались вокруг центра своей галактики. Вокруг отдельных звезд некоторых галактик возникли системы планет, вращающиеся вокруг своей звезды. Мальчик завороженно смотрел на движение галактик и звезд внутри них. Новая игра ему явно нравилась.

Вскоре вернулся с работы отец. У него был усталый вид. Мальчик обнял отца, прижался к его груди.

— Ты очень устал? — спросил он.

— Понимаешь, — ответил отец — мы монтируем новый навигатор космических кораблей, отвечающий современным требованиям. У него совершенно иная технология сборки, поэтому приходится попотеть. Надеюсь, ты не скучаешь?

— Сначала скучал, потом решил создать новую компьютерную игру.

— Вот и хорошо, — сказал отец. — Давай поужинаем и на боковую. Завтра мне рано вставать.

День третий. Картина вращающейся вселенной увлекала мальчика. Но чего-то в ней не хватало. Он решил на некоторых планетах, в избранных им галактиках, создать благоприятные условия для возникновения и развития жизни. Первым делом он создал на этих планетах резервуары воды произвольных форм, которые образовали океаны и моря. Затем установил диапазон температур и другие условия, необходимые для жизни живых существ. Это была нелегкая работа.

День четвертый. Проснувшись, мальчик быстро позавтракал и поспешил к компьютеру. Ему не терпелось увидеть, что происходит в его Вселенной. Он увидел, что в морях и океанах на избранных им планетах вслед за возникновением простейших одноклеточных появились водоросли различных видов, конфигураций и окрасок. Вслед за водорослями стали появляться рыбы и морские животные разных форм и размеров. Подводный мир был удивительно красив.

Отец вернулся домой поздно, усталый, и уснул, не успев поговорить с сыном.

День пятый. В этот день мальчик решил создать жизнь на суше избранных им планет. Сначала он создал растительный мир, на каждой планете свой, особенный. Затем вывел из воды земноводных, которые обладали способностью жить и в воде и на суше. После этого на суше каждой из избранных планет появился свой животный мир. Это был мир животных, способных жить только на суше. И в завершение всего он создал обладающего разумом, способностью мыслить и созидать, развиваться самому и изменять окружающий мир — Человека. Разумеется, Человек на каждой из планет, где он был создан, имел свои особенности, соответствующие особенностям планеты.

Отец вернулся домой повеселевшим. Он похлопал сына по плечу, улыбнулся и сказал:

— Похоже, мы нашли ключ к схеме и технологии сборки. Если все пойдет хорошо, завтра закончим свою работу, и я, наконец, получу отпуск. Давай поедem с тобой к бабушке в деревню, вырвемcя из городской суеты. Будем ходить в лес, купаться в реке. Помнишь, какие там маслята в лесу, а ягоды? Один запах чего стоит!

— Это было бы здорово! — сказал мальчик. — Хочешь, я расскажу тебе о своей игре?

— Рассказывай!

И мальчик рассказал папе о своей игре. Отец призадумался.

— Это не просто игра, — сказал он. — С тех пор, как там появилась жизнь и, тем более, Человек, ты несешь ответственность за свою Вселенную, особенно за живые существа в ней и, главным образом, за людей. Ты — их создатель.

— Я не думал об этом, — признался мальчик, — но теперь понимаю, что ты прав. Что же делать?

— Ты должен внимательно следить за происходящим в твоей вселенной, направлять ее развитие в сложных ситуациях по верному пути, а развитие человеческих цивилизаций направить по пути добра и справедливости. Это необходимо, чтобы не допустить катастрофы.

День шестой. Проснувшись утром, мальчик первым делом подумал о том, что изменилось в его вселенной за ночь. С нетерпением сел он за компьютер и стал наблюдать, что происходит на планетах, населенных людьми. А люди, не теряя времени, стали обживать свои планеты. Они строили себе жилища, выращивали пригодные в пищу растения, приручали животных. Благодаря постоянному труду, их мозг развивался, расширялась сфера деятельности, появлялись новые технологии, увеличивались возможности. На каждой из планет это происходило по-своему, но с той же закономерностью. На одних планетах стали появляться города, на других люди предпочитали жить в небольших поселках ближе к природе. На некоторых планетах большие группы людей объединялись в страны, на других предпочитали жить в общающихся между собой отдельных городах и поселках. На одних планетах появились торговые денежные отношения, на других — сохранился натуральный обмен производимыми продуктами.

Мальчик решил посмотреть, как поведут себя люди в сложных ситуациях. На одной из планет галактики Альфа он организовал засуху в одной из стран и стал следить за происходящим. К Правителю страны стали приходить люди и жаловаться на засуху. Того урожая, что им удалось собрать, не хватит, чтобы прокормиться до следующего урожая, говорили они. Правитель обещал подумать. Он собрал своих помощников и поручил им проанализировать ситуацию. Через несколько дней помощники сообщили, что ситуация действительно тяжелая. Тогда Правитель принял решение распределить часть своих продовольственных запасов между нуждающимися районами страны, а также обратиться за помощью к соседним странам. Соседние страны не остались равнодушными и передали попавшим в беду соседям излишки своих продовольственных запасов. Таким образом, проблема была решена.

В галактике Бэта на планете населенной людьми произошло цунами. На берег одной островной страны набежала волна высотой 3 метра. При этом пострадал рыбацкий поселок. Детей успели вывезти вглубь острова. Взрослые не успели далеко уехать, их накрыло волной, и два автобуса унесло в море. В район бедствия вылетели вертолеты, но не всех удалось спасти. 50 детей остались без родителей. Осиротевших детей взяли в свои семьи родственники и друзья погибших, окружили теплом и заботой, помогли пережить потерю родителей. Поселковый совет стал решать, как защитить поселок в будущем от подобных бедствий.

На обитаемой планете галактики Гамма люди жили, в основном, в крупных городах. Ученые в союзе с инженерами и рабочими создали высокопроизводительную сельскохозяйственную технику, так что небольшое количество людей без труда справлялось с работой по обеспечению горожан продуктами питания. Одна группа ученых занималась теорией колебаний. Оказалось, что колебания лежат в основе многих явлений. Волны одних частот люди воспринимают как звук, других — как свет. Нервные импульсы, биоритмы, сокращения мышц основаны на колебательных реакциях. Часть ученых этой группы задумалась над тем, чтобы вычислить такую частоту колебаний, которая сделает всех людей счастливыми.

Идиллическую картинку мальчик наблюдал на обитаемой планете галактики Дельта. По грунтовой дороге, держась за руки, шла пара молодых людей. Светило ласковое солнце, легкий ветерок обведал их лица, они улыбались, разговаривая о чем-то приятном. Впереди бежала их трехлетняя дочь, ей не терпелось увидеть озеро, лесную поляну, усыпанную цветами. Наконец, все трое вышли на поляну.

— Давайте искупаемся в озере, — предложил папа.

— Я хочу собирать цветы, — сказала девочка. — Мне так нравятся белые ромашки, синие васильки, красные маки!

— Тогда мы с папой поплаваем, а ты собери букет, — разрешила мама. — Только, пожалуйста, никуда не уходи с этой поляны. Хорошо?

— Хорошо, — согласилась девочка и побежала к цветам.

Когда ее родители, вышли из воды, они не увидели на поляне своего ребенка. Их лица вытянулись в недоумении и тревоге. Они стали звать девочку, прошли по лесу вблизи поляны. Ребенка не было. Тревога родителей нарастала. Они углубились в лес, продолжая звать девочку по имени, и прислушивались. Издали донесся знакомый голосок. Родители побежали на него. Через несколько минут перед ними предстала такая картина. Их дочь беззаботно играла с волчатами. Они весело бегали, прыгали и были так увлечены игрой, что не замечали взрослых. А в стороне лежала волчица и спокойно наблюдала за происходящим. Когда родители окликнули девочку, она не хотела уходить от своих новых друзей, и только обещание вернуться к ним через несколько дней позволило увести девочку домой.

В галактике Эпсилон внимание мальчика привлекла пара пожилых людей. Это были супруги, прожившие достойную жизнь. Они честно трудились, вырастили детей, помогали растить внуков, дождались правнуков. Когда они состарились, дети купили для них просторный дом в дачном поселке. Муж и жена с удовольствием работали на земле. Они выращивали овощи, фрукты, ягоды. Делали из них соленья, варенья, компоты. В свободное время ходили на прогулки, общались с друзьями, слушали музыку. Когда приезжали дети и внуки, дом оживал, наполнялся радостью. Дети рассказывали родителям о себе, внуки о себе. Родителей захватывала волна молодой, интересной жизни, фонтанирующей событиями, бьющей через край энергией. Они были счастливы. Родители решили оставить детям и внукам историю своих семей, в которых они родились и выросли, начиная со своих бабушек и дедушек. Человек должен знать свои корни — считали они. Когда заканчивалась работа по сбору урожая и заготовке продуктов впрок, супруги писали свои воспоминания. Вся их жизнь проходила перед глазами, переживалась заново и передавалась детям.

Мальчик с интересом наблюдал за происходящим и думал о том, что ему есть чему научиться у своих созданий. В целом, он был доволен.

Только одна планета в галактике Мега вызывала его беспокойство. Мальчик назвал эту планету Z. На ней не было гармонии. Животные одного вида охотились на животных другого вида и поедали их. На планете процветали злоба, ненависть, агрессивность. Побеждала сила.

Большие общности людей на планете Z объединялись в страны по территориальному признаку и в государства по форме правления. Между стра-

нами-государствами постоянно происходили войны. Войны с целью захвата земель, полезных ископаемых, водных ресурсов; порабощения народов других стран и получения дешевой рабочей силы, освобождающей коренное население от тяжелой работы. Государства стремились производить все больше и больше оружия с возрастающей разрушительной силой. Сначала чтобы защитить свои страны от нападения врагов, потом чтобы внушить врагам страх своей мощью, и чтобы диктовать свою волю более слабым странам.

Мальчик стремился посеять на этой планете зерна добра и сострадания. Некоторые группы людей проникались этой идеей и стремились передать ее другим. Однако, это были капли в море злобы и ненависти, борьбы за власть и жажды наживы. Даже близкие, родные люди часто не умели и не пытались понять друг друга. Вместо того, чтобы помочь и поддержать близкого человека, они начинали нервничать, кричать и ругаться, что приводило к обидам, отдалению, а иногда и к разрыву отношений. «Как научить этих людей любви и состраданию?» — думал мальчик. «Что сделать, чтобы они поняли, что быть счастливым возможно только, когда даришь счастье другим?» — спрашивал он себя. Ответа не было.

День седьмой. Утром отец с сыном быстро позавтракали, собрали вещи и отправились в деревню, где их с нетерпением ждала бабушка. За окнами вагона мелькали рощи, луга, озера. Знакомые пейзажи радовали глаз, и отцу казалось, что его душа взмывает к небесам. Взглянув на сына, он понял, что тот не разделяет его чувств. Мальчик сидел грустно задумавшись.

— Что с тобой, сынок? — спросил отец. — О чем ты думаешь?

И мальчик рассказал папе о планете Z, о своей беспомощности изменить ситуацию.

— Не вешай носа, создатель! Проблема очень серьезная, и решить ее не просто. На Земле ее до сих пор не удалось решить. Давай думать вместе. Вдруг найдем решение...

Об авторе

В 1971 году окончила МИСиС по специальности инженер-металлург. Работала в г. Чебоксары в ПКТИ «Промтрактор» инженером-конструктором. С 1994 года живет в Израиле.

Фантастику пишет недавно. Рассказ «Новая игра» — первая публикация.

Алексей Карелин

Дикари

Темно. Не помешал бы фонарик. Шуршание одежды. Конус света распорол черноту. Влево, вправо... Бетонные стены. Влажные. В слизнях. Вверх, вниз... Все те же бетонные плиты. С потолка из щелей капает вода, звонко ударяется о лужи.

Надо идти. Вперед, только вперед...

— Рони, несносный мальчишка! Ты что, не видишь, клиент приехал?

Долговязый конопатый мальчишка спрыгнул с ящиков с песком, сунул игровую консоль в карман и помчался к стоящему у колонки черному «Кадиллаку».

Низенький, лысеющий старик с пухлым животом, не переставая бурчать, вернулся в магазин.

— Вам полный бак, сэр? — спросил Рони.

Водитель, неприятный, не внушающий доверия тип, обнажил керамические зубы, сказал слащаво:

— Да, мальчик.

— Может, стекла помыть?

— Разве моя малышка запачкалась?

Рони пожал плечами, открыл крышку бензобака и вставил пистолет. На дисплее колонки побежали цифры.

Рони со скучающей миной облокотился о крышу «Кадиллака», подпер щеку.

— Э-э, парниша, — тут же отреагировал мужчина. — Тебе руки некуда деть?

Рони выпрямился и куда-то уставился. Челюсть потихоньку съезжала вниз.

— Мля, парниша! Ты куда льешь?! О, небеса!

Рони вздрогнул. Из бака течет. Под ногами лужа.

Мальчик отпустил рычаг и повесил пистолет. Взгляд вновь к чему-то приклеился.

— Надрать бы тебе уши. На, держи. А чаевых не заслужил.

Рони не пошевелился. Водитель впихнул деньги в ладонь, завел машину и... прислушался.

— Мля, что это гудит? Слоны трубят тише.

Мальчишка все еще куда-то пялился, за багажник, вдаль. Водитель зашептал что-то о засилье идиотов в стране, о «светлом» будущем и

интернатах, вылез из машины и повернулся на гудящий звук. Замер. Выпучил глаза. Прошептал:

— Доллар животворящий...

Дон Дуглас, хозяин бензаправки и продавец захудалого магазинчика при ней, вышел из-за прилавка. Глаза неотрывно следят за остолбеневшим мальчишкой и бритоголовым клиентом.

— Что там, мессия сошел с небес? — проворчал старик и поплелся к двери.

Порог он не переступил.

Глаза расширились, челюсть затряслась. Перед бензаправкой опускался огромный летательный аппарат стреловидной формы.

— Мать честная!

Дон Дуглас вернулся к кассе, взял в углу двустволку — «винчестер» девяностых годов.

Снаружи между тем уже слышались вопли бритоголового. К нему тянулось черное щупальце. Бритоголовый нырнул в «Кадиллак», взревел двигатель, завизжали шины, автомобиль пулей сорвался с места.

Рони спрятался за колонку. Щупальце потянулось за мальчишкой.

Дон Дуглас бросился на помощь. Правда, годы не прыткие. К тому же страх подгибал ноги.

Из корабля появился высокий пришелец. Темно-серая кожа, четыре узловатых руки, кошачьи зеленые глаза, на плечи спадают стержни черных косичек.

На секунду Дон Дуглас обмер. Спихватился, вскинул двустволку и пальнул.

Пришелец пригнулся, что-то закричал.

Дон Дуглас перезарядил дробовик, надавил на крючок — в дуло воткнулся нож — левый глаз опалило жаром. Старик вскрикнул, «винчестер» загремел об асфальт. Дон Дуглас закрыл ладонью обожженную половину лица и припустил в магазинчик. Скорей, к телефону!

Набирая номер полиции, Дуглас увидел, что корабль взлетает.

По пустынному тexasскому шоссе разливался вой сирены. Несколько полицейских «фордов» свернули к невзрачной автозаправке и затормозили.

Навстречу полицейским выскочил Рони.

— Он там. Он ранен. Вы без «скорой»? — протараторил он, чуть не хватая законников за рубашки.

Двое полицейских вошли в магазин, с Рони остался полноватый шериф с пышными рыжими усами. Он снял солнцезащитные очки и представился:

— Шериф Келли. Успокойся, парень. Разберемся.

— У него, кажется, один глаз не видит.

— Стоп, стоп. Давай о главном. Что случилось?

— К нам, это, НЛО прилетало.

Брови шерифа поползли вверх.

— Да, да. Такой большой корабль. Я смотрю: в небе точка. Растет-растет... А потом и этот, на «Кадиллаке» увидел.

— С вами был кто-то еще?

— Мужчина один. Заправлялся.

— Ну, ну.

— Значит, видим мы: опускается махина. Пыли подняло... Глядим, щупальце выпустило, а оно к нам. К бритому, то есть. А, может, и не к нему вовсе... Он посередине стоял.

— Между кем?

— Мной и кораблем.

— Ну, ну.

— Он визгу поднял...

— Корабль?

— Бритый. В машину, и по газам. А щупальце ко мне. Я за колонку. Гляжу, патрон с дробачом. Прицелился. Думаю, неужто щупальце решил перебить. Старый ведь. Читает в очках. Из-за колонки глядь, а там уже мордovorот страшный. К патрону идет, значит. Тот и бабахнул.

— Кто?

— Патрон.

— А пришелец?

Рони поджал губы, пожал плечами.

— Не попал мистер Дуглас, наверно. Урод и не покачнулся. Но напугался. Присел, заверещал что-то по-своему. Патрон, значит, снова дробач на исходную А тот...

— Дробовик?

— Пришелец. Раз!

От резкого «раз» шериф аж вздрогнул.

— Ножик, гад, метнул. Ну, у патрона и разорвало одно дуло-то.

— Что, вот так и попал?

— Как есть говорю, сэр.

— А сколько между ними было расстояния?

— Ну, ярдов семь, наверно.

— Хм... Значит, пришелец ножиком попал в маленькое дуло, а сноп дрови в целого «мордovorота» — нет.

— Сэр, ну я ж брехать не стану.

Шериф внимательно посмотрел мальчишке в глаза. Цыкнул.

— Не станешь. Говори, чего тут обкурились?

— Сэр, бензаправка же. Как можно?

— Ну да, ну да.

Шериф призадумался и сказал:

— И ты хочешь, чтобы я поверил в эти бредни?

— Сэр... — обидчиво протянул Рони. — Но ведь мистер Дуглас... Глаз... Дуло разорвало... А там нож...

— Прославится, небось, решили? Народу мало, а так пресса пропиарит.

— Сэр, как можно?

Шериф помрачнел.

— Значит, так, шефа твоего забираем. В больницу. А ты поедешь с нами в участок. По пути советую придумать историю поправднее.

— Ну? — Шериф Келли оперся локтями о стол. — Что у вас там произошло?

Рони сидел на стуле, сдвинув колени, потирая их ладонями. Нервничает. Смущен.

— Шериф, я вам ведь все уже сказал.

— Ты это брось, парень. Скажи, как все было. Патрон в тебя стрелял. Что ты натворил? А?

Рони вскочил.

— Сэр, я бы ни за что...

— Сядь.

Повторил уже с угрозой:

— Сядь. Отказываешь в помощи следствию? Нехорошо, парень, нехорошо.

Рони насупился.

— Сэр, я...

Задребезжал телефон.

Шериф погрозил мальчишке кулаком и поднял трубку.

— Шериф Келли слушает. Добрый день, генерал МакКинли. Чем обязан? Не приходили ли ко мне? С чем, простите? О странных явлениях в небе? Вы не о НЛО случаем говорите? А радары в исправности?

Шериф покраснел.

— Извините. Так неопознанный объект. На связь не выходит. Хм... Я понял. Вам крупно повезло, генерал. Прямо передо мной сидит человек, видевший... хм... объект вблизи. Сейчас он вам все расскажет сам.

Пара остроносых F15 рассекает воздух. Впереди темнеет неопознанный объект. Установить связь не удастся. Истребители-перехватчики стремительно нагоняют тяжелую машину, плетущуюся еле-еле. Пилоты считают секунды до сближения.

Неопознанный объект остался таковым и вблизи. Подобных самолетов американцы еще не видели. Пилоты вновь попытались связаться с неизвестным. Предупредили: откроют огонь, если молчание продолжится.

— Генерал, объект не выходит на связь. Похоже, ускоряется. Уничтожить?

— Там флаг есть?

— Есть что-то, но я его не узнаю. Лев в лучах солнца на зеленом фоне.

— Хм. Попробуйте еще раз. Не ответит — тогда будем говорить по-другому.

— Вас понял, генерал.

Все старания пилотов оказались тщетны: связь оставалась односторонней.

— Майлс, ты знаешь, что делать, — сказал пилот напарнику.

Истребители отлетели в хвост неопознанного объекта, на безопасное расстояние. Прицелились. Огонь! Две ракеты заскользили по воздуху. На спине металлической громадины расцвели тюльпаны. Неопознанный

объект продолжал двигаться как ни в чем ни бывало.

Пилоты на некоторое время потеряли дар речи.

— Роуз, — раздался голос генерала МакКинли, — что там у вас? На радарх по-прежнему...

— Он цел, генерал. Мы попробуем еще раз.

Очередные ракеты полетели вдогонку загадочного объекта. Результат тот же.

— Я... я не понимаю, генерал. На нем нет ни царапинки!

— Как?!

Истребитель Майлса нырнул вниз. Ушел в пике.

— Майлс, ты что творишь?

— Я ни при чем! Самолет не слушается!

— То есть как...

Роуз осекся.

Приборы точно с ума посходили. Мотор зачихал, заглох. F15 на секунду замер, накренился и начал падать.

— Роуз! Майлс! Что случилось? — разрывался МакКинли.

— Самолеты выведены из строя, генерал. Мы вынуждены катапультироваться.

В стороне Роуз заметил, как распустился парашют Майлса.

Земля приближалась.

В небе появилось одним одуванчиком больше. Пилоты плавно опускались, глаза провожали стреловидный самолет.

Квар Мельдар сидел в кресле второго пилота и прижимал к синякам компрессор.

— Ну и психи же эти люди! — воскликнул первый пилот Квар Эрчилд. — Дикари, честное слово! Неужели они не знают такой вещи, как гостеприимство и помощь ближнему?

Эрчилд взвинулся не на шутку. Мельдар с опаской поглядывал на штурвал, который напарник то и дело отпускал.

— Может, я поведу?

— Сиди, калека.

— Включи тогда автопилот.

— Я и сам вполне справляюсь. Тем более мы не знаем, куда лететь. Хвали Барга, что я надоумил тебя включить бронеполе. А то кормил бы скризос.

Мельдар виновато опустил голову. И тут же вскинул. Датчики сигнализировали о приближающихся объектах.

— Похоже, у нас кто-то на хвосте, — с тревогой заметил Эрчилд.

— Оторвемся?

— Ты что, у нас топлива совсем ничего. Говорил тебе, давай заправимся на Центавре. Нет, тут на карте еще населенная планета. На Центавре дорого...

— Ой, гляди какие!

По бокам корабля возникли небольшие самолеты. Их пилоты подавали какие-то знаки.

— Чего они хотят?

- Мельдар еле удержался от того, чтобы не почесать затылок.
- Учитывая предыдущую сцену, наверное, чтобы мы убирались отсюда.
 - Думаешь? По-моему, они ждут ответа.
 - Они нас не видят. Окна же затемненные.
 - А, ну да. Связаться, может, с ними?
 - Пробую. Не выходит. У них, наверное, другой метод связи. Или наши частоты не поддерживаются.
 - Дела...
 - Кажется, улетают.
 - Ага.
- Эрчильд чуть прибавил скорости.
- Поскорей бы найти заправку.
 - Эрч, их теперь уже четверо.
 - Как? Да они атакуют нас!
 - Скорей! Силовое поле!
- Щелкнул переключатель.
- На полную?
 - Лучше перестраховаться.
- Эрчильд провернул тумблер до последней отметки.
- Их снова двое, — удовлетворенно заметил Мельдар.
- Через некоторое время число объектов удвоилось.
- Опять?
 - А, пусть балуются, — пренебрежительно сказал Эрчильд, — поле им не пробить.
 - Да, но запас энергии лучше экономить. Без топлива и энергии мы загнемся на этой захудалой планетке.
 - Ты тоже заметил? Ладно, сейчас мы от них отделаемся.
- Защелкали переключатели. Бурая кнопка вжалась в панель.
- Магнитные волны?
- Эрчильд кивнул.

Жаркое полуденное солнце палит головы. Кругом пустыня. Асфальт, как раскаленная сковорода.

На обочине стоят двое молодых людей. Голосуют. В руках — емкости, напоминающие канистры. Изредка мимо проносятся машины.

— Эрч, а наш корабль не найдут? — спросил голубоглазый блондин атлетического телосложения, в точности как на рекламном щите напротив.

— Ты видел уровень их развития? Только если лбом стукнутся, — ответил худой брюнет среднего роста с темно-серыми серьезными глазами. Именно такой актер был изображен на недавно проехавшей фуре с компьютерным оборудованием.

— Если машины не шарахаются от нас, — продолжил брюнет, — значит, маскировка отличная, а у аборигенов нет различителя. Наш корабль для них — равнина песка.

— Слушай, а как они поймут, что нам надо?

— На пальцах объясним. Вспомни Церион. Племя Маду.

— А если их топливо не подойдет?

Эрчилд нахмурился, сунул руки в карманы брюк.

— Тогда придется ставить маяк SOS и надеяться, что нас найдут.

— На это уйдет время.

— Немало.

Помолчали.

— Выглядим мы, как они, — сказал брюнет. — Прикинемся иностранцами. Из каких мы только передраг не вылезали. Прорвемся.

— Гляди, гляди, притормаживает!

Об авторе

Родился в 1990 году в с. Митьковка Брянской области. Закончил Брянский политехнический колледж по специальности «Программное обеспечение ВТ и АС», учится заочно в Брянском государственном техническом университете. Служил в РВиА (Ракетные войска и артиллерия) во Владимирской области.

В 2011 году — лауреат премии им. П. Л. Проскурина. География публикаций: США, Австралия, Казахстан, Дагестан, Финляндия, Новая Зеландия, Германия, Украина, Беллоруссия, Россия. Публиковался в литературных журналах «Простор» (Алма-Ата), «Нива» (Астана), «Воин России» (Москва), а также журналах «Вселенная. Пространство. Время» (Киев, Москва), «Искатель» (Чикаго), газете «Красная звезда» (Москва), «Наш Техас» (Хьюстон) и др.

Олег Кожин

Война войной, а телеабсорбция по расписанию

— Видел?! Даже оружия нет! — прошептал Дигби, со смесью почтения и легкого страха поглядывая в сторону строящейся на плацу роты.

— Видать совсем звери, — так же шепотом откликнулся Анасис. — Голыми руками русских рвать будут.

И он представил, как молчаливые парни в пехотной форме совершенно безэмоционально отрывают конечности беззащитным «иванам», и отряды русских в ужасе бегут, бросая свои глупые «Kalashnikoff».

— А может они телепаты? Я про такое читал в «Ридерз дайджест». Там говорили, что еще во время второй мировой экспериментировали по созданию специального подразделения боевых телепатов...

— Твою мать! — восхищенно выругался Анасис. — Это реально круто! Даже жаль, что это всего лишь учения.

Картинка, нарисованная живым воображением рядового, была не менее кровавой, но более гуманной: спецподразделение просто шло вперед, пристально вглядываясь в нестройные ряды пьяных русских, и под этими взглядами головы в шапках ушанках лопались, как перезревшие фрукты.

— Я одного не пойму, — Дигби задумчиво почесал подбородок, глядя, как таинственные солдаты неторопливо выстраиваются в две шеренги, — чего они все такие жирные-то?

* * *

— Орлы! — окинув цепким взором шеренгу бойцов, негромко сказал полковник МакМанус своему личному адъютанту Джеффри Козлофски.

Глядя, как строятся тучные, одышечные пехотинцы (Господи Иисусе, да какие они пехотинцы!)? Эти и километра пешим ходом не пройдут!), как утирают они платками раскрасневшиеся потные лица, Козлофски энтузиазма своего шефа не разделял, но из чувства субординации помалкивал. Будучи хорошим адъютантом, Джеффри давным-давно научился держать свои мысли при себе. Пусть начальство думает, у него работа такая. А его, Джеффри работа, заключается в исполнении приказов. Но, господи, до чего же тяжело было удержаться от едких замечаний, глядя, как «орлы», тяжело

раскачиваясь на колоннообразных ногах, толкаются, пытаюсь комфортно разместиться на плацу.

— Зря вы так недоверчивы, Джефри, — заметив смятение своего подчиненного, полковник хитро улыбнулся в пышные седые усы. — Эти парни — будущее нашей великой армии.

— Но сэр, я решительно ничего не понимаю! А как же хорошая физическая форма? Я хочу сказать — ведь именно этому нас и учили, так? Хороший солдат — солдат подтянутый, и никак иначе!

— Вы, Джефри, живете в двадцатом веке, — и полковник молодцевато выпятил грудь, глянув на подчиненного сверху вниз. — Тогда, как на дворе уже двадцать первый! В наше время побеждает не тот, чьи солдаты дальше бегают и лучше дерутся, а тот, у кого самые передовые технологии.

— Сэр, а как же боевой дух?! Ведь эти парни унылы, как сельская вечеринка! Первая же атака русских заставит их расплакаться! Со всем возможным почтением, но их сомнут, сэр!

— Не сомнут, Джеф... Не сомнут. Эти brave парни не будут воевать на передовой. Они поразят войска противника прямо отсюда. Так что — и я говорю это абсолютно серьезно, — к Дьяволу боевой дух! Победу приносит телеабсорбция!

И полковник МакМанус, невероятно гордящийся своими прогрессивными взглядами на новейшие методы ведения боя, довольно потер свои огромные ладони.

— Будьте уверены, Джефри, эти учения мы выиграем!

* * *

Место для обеда Степан выбрал идеальное — пологий холм надежно защищал его от снайперской пули (буде снайпер решит тратить боеприпасы на обычного бойца) и ветра. К тому же, солнце уже основательно прогрело траву и землю, создавая дополнительный комфорт — такой редкий, и так ценимый солдатами в походных условиях. Повар Михалыч, пожилой усатый толстяк в замаскированной переднике, сегодня пребывал в хорошем настроении, и от души сыпанул Степану в миску не два, а четыре половника чудеснейшей, ароматной гречи с тушенкой. Что ни говори, а на свежем воздухе есть хочется вдвое больше.

Довольно оглядев нехитрую сервировку — на расстеленной клеенке стояла алюминиевая миска с погнутыми краями, «сиротская» эмалированная кружка на пол литра чая, четыре кусочка черного хлеба и пара крошащихся печенюх — Степан улыбнулся и нырнул в вещмешок, за ложкой. Вилки он не переваривал на генетическом уровне, равно как и новомодные «вижки» — уродливые зубастые гибриды всех возможных столовых приборов. Ложка у Степы была старая, деревянная, разрисованная вдоль и поперек полустертым хохломским узором. Своего рода семейная реликвия, передаваемая из поколения в поколение служивыми людьми. Прабабушка сказывала, что этой самой ложкой, края которой уже тогда были изрядно обгрызены, прадед Карп Васильевич лопал трофейную немецкую тушенку во взятом Кенигсберге.

Ловко крутанув прибор между пальцами, Степан запустил маленькую деревянную лопату в густую рассыпчатую кашу, блестящую прожилками тушеного мяса и, вдохнув прекрасный аромат горячей пищи, с наслаждением отправил ложку в рот.

* * *

Из окон казармы плац просматривался отлично, но вот зычного полковничьего голоса и рева полусотни жирных глоток слышно не было — радисты накрыли этот сектор лагеря электронным щитом, создав, своего рода акустическую яму, из которой не доносилось ни звука.

— Хоть бы краем уха услышать, что там происходит! — чернокожий Анасис недовольно оттопырил и без того огромную нижнюю губу. — Вот так служишь-служишь, а приедешь домой, и рассказать нечего. Кому интересно, что я из окна на секретное подразделение глядел?

Старый МакМанус разошелся не на шутку, потрясая в воздухе воздетыми к небу жилистыми кулаками и тыкая пальцем в полощущий на ветру звездно-полосатый флаг, точно призывая его в свидетели. В эту минуту Анасис многое бы отдал за умение читать по губам.

Но вот на плацу обозначилось какое-то шевеление. По мановению командирской руки первая шеренга толстяков сделала шаг вперед и, с видимым усилием, дружно опустилась на одно колено.словно вся рота вдруг решила попросить руку и сердце старого полковника. Вторая шеренга слаженно сорвала свои походные рюкзаки и почти синхронно вынула из них миниатюрные портативные компьютеры. Дигби успел принести полевой бинокль, и теперь сослуживцы, поочередно припадая к прорезиненным окулярам, спешили рассмотреть необычных бойцов во всех деталях.

Вблизи «солдаты будущего» оказались еще более нелицеприятными. Рыхлые лица, с глубоко запрятанными мелкими глазками, толстые, округлые словно сардельки, пальцы, темные пятна расплывающегося пота подмышками и вокруг шей. Но старый ирландский ублюдок МакМанус смотрел на них с плохо скрываемым восхищением, и это приводило наблюдателей в замешательство.

Вторая шеренга, тем временем, накинула на плечи лямки, надежно устроив лэптопы на своих выпирающих животах. На пухлые руки были мгновенно натянуты специальные перчатки, с тонкими стилосами, расположенными наподобие когтей — толстые пальцы были не в состоянии работать с маленькими клавишами. Толстяки первой шеренги опустили руки на пояса, и сделали такое движение, словно вынимали меч из ножен. Только вместо меча в их округлых кулачках были зажаты блестящие на солнце...

— Что за черт!? — Дигби отстранился от окуляров, недоуменно выгнув брови.

Анасис молча принял бинокль, долго вглядывался в него, после чего положил на стол и, удивленно посмотрев на друга, пробормотал:

— Ничего не понимаю!

* * *

В округлых кулачках жирдяев были зажаты блестящие на солнце... ложки. Обычные столовые ложки, какие можно встретить на кухне любого дома или заведения общественного питания. Ну ладно, не совсем обычные: при детальном рассмотрении Джеффри удалось увидеть и тонкие проводки, тянущиеся от ручек в отверстия лэптопов, и мигающие ровным зеленым светом диоды на основаниях, и даже пару кнопок с неразличимыми пиктограммами. По очередной громогласной команде полковника, в левых руках бойцов первой шеренги появились неглубокие миски, также украшенные каким-то футуристическим техномоддингом.

Чувствуя себя персонажем телерозыгрыша, Козлофски, впервые за все годы службы, с трудом сдерживался, чтобы не засыпать начальника неустановленными вопросами, касающимися, в основном, его, начальника, психического здоровья. Но ввевшаяся в характер субординация не позволила Джеффри раскрыть рот. К счастью, прежде чем противоречие между любопытством и субординацией окончательно свело его с ума, полковник МакМанус наконец-то приподнял завесу тайны.

— Запомните этот день, Джеф.

Стоя под реющим на ветру полотном старины «звездно-полосатого», полковник был столь патриотичен, в своей новенькой форме, с многочисленными знаками отличия на широкой груди и благородной сединой на висках, что хоть сейчас на агитационную брошюру! Глядя на гордую композицию, что составляли старый вояка и еще более старый флаг, ни один обдолбанный крэком хиппи-уклонист не посмел бы сказать, что армия США — это плохо!

— Потому что о нем вы будете рассказывать своим детям и внукам! Это день, когда армия Соединенных штатов навсегда доказала свое военное превосходство над всеми армиями мира.

— Но сэр, осмелюсь заметить, что в учениях принимают участие только США и Россия...

— Над всеми! Русские станут нашим демонстрационным макетом, как когда-то Хиросима. Все дело в том, Джеф, что благодаря нашим орлам, — полковник широко обвел рукой тучных бойцов, — мы лишим противника самого ценного — еды. Толстый воин вовсе не плохой воин. А вот голодный воин — это очень плохой воин.

— Прошу меня простить, сэр, но я весьма сомневаюсь в способности этих солдат добраться до кухни русских.

— Телеабсорбция, Джеф! Доверьтесь телеабсорбции! Благодаря новейшим разработкам нам подвластно пространство!

* * *

Степа не сразу заметил, что горка вкуснейшей наваристой гречи стремительно уменьшается без всякого его участия. Он успел зачерпнуть лишь пару ложек каши, а тарелка опустела уже на четверть. Задумчиво облизав

расписной узор, Степан недоверчиво посмотрел на перемазанные жиром разваренные крупинки. Гора каши постепенно оседала.

Не будучи сторонником поговорки «Обед раздели с товарищем», Степан быстро сообразил, чем грозит ему неожиданная аномалия. Мозг еще думал, а руки уже действовали, оправляя в рот ложку за ложкой. Точно два спортсмена, русский солдат и невидимка, соревновались в скорости поедания гречневой каши. И в этом состязании Россия явно проигрывала.

Как не лихо орудовал деревяшкой Степа, невидимый противник опережал его по всем статьям. Пока солдат зачерпывал одну ложку, кашевор успевал украсть две, а то и три! Наконец Степан понял, что просто не успевает прожевывать гречку, и торопливо запив ее чаем, горестно взвыл в светлое весеннее небо. И точно по команде, со всех сторон донеслись отчаянные крики съедаемых бойцов.

* * *

На плацу творилось нечто совершенно фантастичное. Передние ряды солдат монотонно опускали свои ложки в тарелки, но вместо того чтобы звякнуть о поверхность, черпало проваливалось, как в воду, и возвращалось до краев заполненное дымящейся кашей, которая тут же отправлялась в рот солдатам. Вторые ряды методично барабанили по клавишам своими когтистыми перчатками, исполняя роль наводчика. Это было поразительно, но Козлофски твердо решил больше ничему не удивляться.

— А это обязательно? — поинтересовался он.

— Что? — полковник недоуменно приподнял седые брови.

— Заставлять их есть? Я думаю, в этом и заключается проблема ожирения личного состава?

— Большая мозоль, — сокрушенно покачал головой полковник. — Высоколобые настояли на обязательном поедании отнятых у противника продуктов. Их, видите ли, заботит равновесие Вселенной — якобы нецелевое использование добытого может вызвать какое-то там возмущение, вследствие которого мы можем совсем лишиться нашего уникального оружия... К тому же, — МакМанус улыбнулся и хитро прищурился, — где вы видели едока лучшего, чем оголодавший толстяк, а?

* * *

Тарелка опустела наполовину, и остатки каши продолжали стремительно исчезать. Протестующее урчал Степин желудок, а сам боец от досады скрежетал зубами. Он уже готов был плюнуть на все, и хотя бы допить чай с хлебом, но в этот момент на дне тарелки что-то неуловимо быстро блеснуло. От неожиданности Степан даже отпрянул, но мгновенно собрался и принялся пристально следить за новой аномалией, стараясь не обращать внимания на витающие над российским лагерем крики и отборнейший мат.

Вот вновь мелькнул блестящий предмет, и тут же исчез, унося с собой вождеденную гречу. И еще раз. И еще. И только когда каши осталось едва

ли на четверть Степа распознал в похитителе хищное острое черпало стальной ложки.

— Ах ты, зарррраза! — Степан так поразился нахальству невидимки, что совершенно неосознанно воткнул свой столовый прибор в тарелку и едва не заорал, когда он провалился в нее почти до половины. Но как только нечто начало выдавливать семейную реликвию Степы обратно, он сообразил, что это воровская сталь вновь пытается пробиться к его обеду. И страх исчез. Если есть ложка — значит, на другом ее конце есть и человек. Нечистой силе такие тонкости ни к чему, значит, это происки врага! И Степан, поднатужившись, навалился на свою заслуженную деревяшку всем весом.

На этот раз в тарелку провалилась вся рука целиком, и боец, крепко сжав свое импровизированное оружие в кулаке, что было силы, ударил им невидимого противника. За десятки километров его спонтанный удар достиг цели. И ощутив это, Степа что было мочи, заорал:

— Братцы, мочи кашекрадов!

И чтобы слово не расходилось с делом, еще раз активно двинул кулаком подлому противнику.

* * *

— Дьявол, да это самая настоящая бойня! — восхищенно присвистнул Анасис.

— Доигрались, — хмуро подтвердил Дигби.

То один, то другой боец неожиданно падал на землю, сраженный невесть откуда появляющимися руками, с зажатыми в них ложками. В одно мгновение солдаты будущего превратились в стадо перепуганных, бесконтрольных толстяков, по нелепой случайности выряженных в военную форму. Не сговариваясь, друзья закрыли жалюзи на окнах — смотреть на поражение их соотечественников не было никакого желания.

В том, что это именно поражение, не было никаких сомнений. Боеспособными остались лишь наводчики из второго ряда, но и они с опаской поглядывали на сослуживцев, зажимающих расквашенные носы, или недоверчиво шупающих наливающиеся синевой кровоподтеки. Полковник МакМанус беспомощно смотрел на разбитые войска и старательно гнал от себя мысль о самоубийстве. Лишь полное непонимание происходящего все еще удерживало его в этом мире. Полковник очень хотел разобраться, что же произошло?

— То, что должно было, сэр, — тактично отозвался Козлофски, и МакМанус осознал, что думал вслух.

— Решительно ничего не понимаю, — горестно покачал головой полковник. — Где мы допустили ошибку?

— Боевой дух, сэр. Все очень просто — он либо есть, либо его нет. И побеждает всегда тот, у кого его больше. У наших ребят была техника, но не было воли к победе. А без нее любое, даже самое современное оружие — ничто.

А в тридцати километрах от них рядовой Степан выскреб остатки гречки из миски и, старательно облизав деревянное черпало, отправился к кашевару Михалычу. Сегодня повар был в хорошем настроении, и вполне можно было рассчитывать на добавку... Повар не хуже других понимал, что хороший солдат — сытый солдат.

Об авторе

Родился в городе Норильске в 1981 году. Сейчас живет в Петрозаводске. Окончил ЛГОУ им. А. С. Пушкина по специальности «Связи с общественностью». Профессиональная деятельность преимущественно связана со средствами массовой информации или молодежной политикой.

Пишет около семи лет в жанре хоррора и мистики, гораздо реже — фантастики. Публиковался в журналах «Полдень, 21 век», «Машины и механизмы», «Знание-сила: Фантастика», «Уральский следопыт», «Север», «Реальность фантастики», «DARKER», а также в межавторских сборниках.

Кристина Каримова

Типичный представитель

— **С**той, Олли! Остановись!!!
Раздался резкий скрип тормозов, и темные очки, сигареты, зажигалка, одним словом, вся полезная мелочь, успевшая скопиться за поездку, полетела с полочки на пол. Хорошо хоть сзади на трассе никого не было, а то без аварии бы не обошлось.

— Что случилось, милая? — полуобернувшись к супруге, заботливо спросил Олли, не выказывая ни малейших признаков возмущения. Я потеряла ушибленный локоть и с завистью подумала, что мой муж, вздумай я проделать такой фортель, сейчас бы громко вещал о безответственности и истеричности женщин.

— О, дорогой! — Линда со счастливым выражением на лице уткнулась окном. — Ты только посмотри, какая прелесть!

«Прелестью» был деревенский мужичок на обочине, держащий под уздцы пегую, с грязными боками, лошаденку, впряженную в облезлую телегу. Телогрейка селянина лохматилась клочьями вылезавшей выты, на ногах кривовато сидели неровно обрезанные по верху валенки, веревочки шапки-ушанки уныло свисали вдоль впалых щек. И весь этот прикид — в тридцатиградусную летнюю жару! Я мысленно застонала. Поставил же бог этого мужика на нашем пути, когда до города с уютной гостиницей, мягкой кроватью и горячим душем осталось не больше часа езды! Сколько Линда и Олли уже пересмотрели, этих «прелестей» в убогих глубинных деревушках с покосившимися доживающими последние годы домиками!

Линда — пухленькая, похожая на пуфик с дивана, вечно восторженная итальянка. Олли — длинный, тощий, невозмутимый финн. Линда постоянно увлекается чем-либо, а Олли потворствует любым желаниям супруги. В первый раз эта сладкая парочка приехала в Россию изучать русские народные промыслы и наняла меня через агентство как гида-сопровождающего. Во второй раз я собирала вместе с ними местный фольклор. А на этот раз супруги желали общаться с представителями русского народа в их естественной среде. В связи с этим мы уже месяц мотаемся по самым драным деревенькам нашей необъятной родины, и оба моих подопечных получают массу удовольствия. Чего, к сожалению, я не могу сказать о себе. Основательное погружение в нашу русскую действительность уже стоит у меня поперек горла.

— Я просто обязана это запечатлеть! — Линда, несмотря на свой немаленький объем, подобно бабочке выпорхнула из машины. «Подобно бабочке моли, отъевшейся за лето забытыми в шкафу шубами», — прокомментировал мой ехидный внутренний голос.

Пока Олли, будто гигантский богомол, неторопливо, буквально по частям аккуратно выбирался из машины, Линда, взмахивая мощными крыльями, успела несколько раз облететь понравившийся ей объект.

— Ах, какой типаж! Какой колорит! — щебетала Линда, нарезая круги. — Позвольте вас сфотографировать? Не беспокойтесь, все ваши труды непременно будут оплачены!

Мужик, тупо глядя куда-то вдаль, промолчал, а лошадь, видимо, считавшая себя ответственной за диалог с иностранцами, протяжно всхрапнула. Линда, восприняв это как знак согласия, сорвала с груди фотоаппарат и активно защелкала. Фас, профиль, снизу, сбоку, сзади...

— О-о-обожаю Россию! Обожаю россиян! — с чувством восклицала Линда время от времени. Лошадь осторожно косила глазом, Олли умилялся, а я, криво улыбаясь, переминалась с ноги на ногу. Фотосессия длилась, длилась и длилась.

— Благодарю Вас! — с чувством воскликнула итальянка в тот момент, когда я уже начала смиряться с мыслью, что в гостиницу нам сегодня не попасть. Порылась в карманах и сунула мужичку целую двадцатку. Тот с тупым удивлением уставился на зеленую бумажку. «Глупо, — с грустью подумала я, упаковываясь в автомобиль. — Пропали денежки. Этот убогий и долларов-то никогда не видел. Лучше бы отдали мне...» Меня, однако, никто не спрашивал, и я скромно промолчала. Автомобиль тронулся, и Линда активно замахала рукой. Колокольчик на шее лошади нежно тренькнул нам вслед...

* * *

Машина скрылась за поворотом, и лошадь осторожно пихнула мужика мордой. Тот оторвался от созерцания зеленой бумажки и перевел взгляд на животное.

— Слушай, — пожевав губами, грустно спросила коняка. — Ты уверен, что мы ничего не напутали? По-моему, на нас как-то странно смотрели...

— Так... — мужичок почесал пятерней свалывшиеся под шапкой волосы. — Кто ж знает... Эксперты советовали...

— Эээээ... Эксперты! — протянула лошадь презрительно. — Может, подкорректировать? Аборигенов мы уже увидели, да и средство передвижения, — лошадь осуждающе покосилась на кособокую телегу. — Можно будет улучшить...

— Хорошо, дорогая, как скажешь... — покорно согласился мужичок.

Менее часа спустя, новенький белый кабриолет, на скорую руку сварганированный из старой телеги, весело мчался по просторам России. Двое ученых с Альдебарана, приняв облик типичных представителей региона высадки, приступили к циклу исследований недавно открытой планеты. На шее

активной толстушки, сидящей рядом с тощим невозмутимым водителем, весело позвякивал передатчик сверхдальней связи, ловко замаскированный под популярное в этой местности украшение.

Об авторе

Родилась в 1974 году в г. Кирове. Два высших образования: педагогическое и финансово-экономическое. С 1993 года по 2010 год работала преподавателем. В настоящее время коммерческий директор туристической компании. Хобби — путешествия. Девиз — жить должно быть интересно.

Писать начала в 2011 году. Публиковалась в таких журналах, как «Уральский следопыт» (2012), «Фантаскоп» (2012), «EDITA» (2011, Германия), а также в сборниках «Аэлита/008» (2012) и «РБЖ Азимут» (2012).

Финалист конкурса «Альтернативная реальность» (журнал «Если», 2012), второе место в номинации проза в областном литературном фестивале «Зеленая улица» (Кировская область, 2012).

Анатолий Радов

Нежданные гости

Геннадий Сергеевич Бердышев, генерал-майор, главный человек на Плесецком военно-испытательном космодроме, спешно, размахистым шагом, почти бежал к своему кабинету. На его лице читалось неподдельное беспокойство, и особенно оно было заметно в глазах. Они взволнованно сверкали, наполненные какой-то смесью страха и удивления. Геннадий Сергеевич чувствовал сам, что он сейчас на взводе. Но этому было объяснение. Ситуация на космодроме, мягко говоря, была внештатной.

Он вбежал в свой кабинет и ринулся к телефону с гербом России на корпусе. Поднял трубку, и прислушался. Через секунды три, на том конце провода уставший мужской голос спросил — Да?

— Мне президента, — резко бросил Геннадий Сергеевич. — Срочно!

— Вы что, пиццу заказываете? — спросил недовольный голос.

— Я генерал-майор Бердышев, командующий Плесецким военно-испытательным космодромом. У нас контакт.

— В смысле, контакт? — спросил голос.

— В прямом. Пятнадцать минут назад на стартовую площадку космодрома приземлился инопланетный корабль.

— В Плесецке? Генерал-майор, не говори ерунды. В этом случае, нас давно бы предупредило ПВО...

— Значит, не засекали их ваши ПВО, — перебил Бердышев, повысив голос. — И вы мне не тычьте. Я вам не мальчик с улицы.

— Не кричите, — спокойно сказал голос. — Я тоже не с улицы. И что это значит — ваши?

— Сейчас не время придирается к словам, — зло бросил Бердышев в трубку.

— Хорошо, — медленно произнес голос. — Через пару минут соединю.

Геннадий Сергеевич держа трубку возле уха, присел в кресло. Взволнованно забарабанил пальцами по столу. Ждать. «Как же ждать, когда такое?» — думал он, разглядывая двуглавого орла на телефоне. Время не спешило, как черепаха. Он перевел взгляд на часы. Одна секунда, две, три, так было еще медленней. Он снова уставился на орла.

В телефоне царила тишина. Потом пошли мягкие сигналы.

«Наверное, соединяют», — подумал Бердышев.

— Я вас слушаю, генерал-майор, — узнал Бердышев знакомый голос.

— Товарищ главнокомандующий, — начал генерал-майор. — Сегодня, в четырнадцать сорок по московскому времени на территории Российской Федерации совершил посадку управляемый инопланетный корабль с представителями другой цивилизации на борту. — Бердышев шумно вдохнул.

В трубке на несколько секунд вновь повисла тишина. Геннадий Сергеевич стер пот со лба, и заметил, что рука дрожит.

— Да-а, — наконец заговорил знакомый голос — Угроза существует?

— Нет, — ответил Бердышев. — Они явно прилетели с мирными целями.

— Почему вы уверены?

— Они просто приземлились на стартовую площадку, вышли из корабля и ждали нас. Никакой агрессии.

— Их не засекают наши ПВО. — Голос президента слегка помрачнел. — А что, если возле Земли полно их кораблей? Что, если это только отвлекающий маневр с их стороны?

— Не знаю. — Бердышев задумался. — В таком случае, мы ничего пока не можем сделать. Только ждать.

— Вы правы, генерал-майор, правы, — торопливо проговорил президент. — Спешить сейчас абсолютно незачем. Так что, как говорится, не будем гнать лошадей. Через два с половиной часа я лично буду у вас.

Бердышев вернулся в командный пункт. Встретился взглядом с майором Ладовым. Кивнул головой. Майор, пробираясь сквозь столы с мониторами, и задевая офицеров, заспешил к командиру.

— Ну что? — спросил он, подходя.

— Все по плану. Никакой спешки, и никакой самодеятельности. Через пару-тройку часов здесь будет сам президент. А пока, я не знаю, разместите их в какое-нибудь комфортабельное помещение. Но главное, оградить их от информации. — Бердышев постучал пальцами по груди майора. — От любой информации, Миша. Иначе, ты сам понимаешь, что может произойти.

— А что президент?

— Президент взял этот вопрос под свой личный контроль. Наши послы во всем мире сейчас предупреждают руководителей остальных держав.

— Может, мы слишком переживаем по этому поводу? — спросил майор.

— Слово слишком в таких случаях неуместно, — ответил Бердышев — Мы должны продумывать все варианты. Они неагрессивны... пока. Но что мы о них знаем? Ничего. Хотя, нет. Мы знаем, что если они сюда долетели, то и оружие у них, ну ты сам все понимаешь...

— Да, опасные черти, — согласился майор.

— А потому, не будем гнать лошадей, как сказал президент. И никакой информации. Никакой, — повторил Бердышев.

— Что там? — спросил советник по вопросам безопасности.

— Что-что. Контакт, черт его деря.

Президент устало откинулся на спинку кресла. На его плечи легло многое. Подъем страны с колен, вытаскивание экономики из бездны, а народа — из великого коллапса. Благодаря его работе, страну стали снова

уважать, как прежде, во времена социализма, во времена Петра первого, во времена Святослава, во времена... И вот теперь такое. Это посложней всяких там бездн и коллапсов. Здесь чужеродное сознание, и как оно будет реагировать на человека и на историю Земли, одному Богу известно.

— Боевая готовность номер один по всем регулярным частям, — приказал президент. — Это первое. Второе, передать полную информацию во все посольства. Пусть предупредят президентов, шейхов, премьер-министров, и прочую верхушку. Третье. Нам немедленно нужно вылетать на место.

— Может, стянуть к этому самому месту пару-тройку дивизий? Или лучше армию? — спросил советник.

— Это лишнее, — отклонил президент. — Основная угроза сейчас может прийти только из космоса. Пусть уже прошарят окрестности Земли. — Президент повысил голос. — Что, у нас такое тупое ПВО, что вообще не заметила этих инопланетян?

— Совершенно другие технологии, — сказал советник, разведя руками.

— Да, я понимаю.

Бердышев глупо смотрел на пришельцев. Те неловко сидели в черных креслах из кожи, и с ничего не выражающими лицами смотрели на людей.

— Что делать? — наклоняясь к Бердышеву, шепотом спросил майор.

Бердышев пожал плечами: а откуда ж он знает? По нем, так лучше б и не было этих пришельцев, этого контакта.

Один из инопланетян заговорил. Все молча слушали его речь. Сама речь не отличалась от человеческой, в ней было только больше шипящих звуков, а так, ни какого свиста, ни какого прищелкивания, ни какой телепатии. Он просто что-то говорил на непонятном языке, время от времени утвердительно кивая головой.

— Интересно, о чем он там? — подумал Бердышев — А речевой аппарат у них видимо схожий с нашим. — у Бердышева вдруг в голове мелькнула мысль. — Значит, наш язык они быстро смогут выучить, а мы их. И тогда они доберутся до всей информации, и тогда... что тогда? Кто знает, как они отреагируют? Может, им глубоко по боку будет. А может, натолкнет их информация на те же мысли, что и нас с майором. И тогда...

Инопланетянин все говорил и говорил. Люди молча стояли. Пока нужно стоять и молчать, не проявляя агрессии. Может быть, уже завтра с ними начнут работать лингвисты, а через неделю, мы будем понимать друг друга.

Бердышев незаметно похлопал майора по спине, тот обернулся, и Бердышев мотнул головой. Они медленно вышли в коридор.

Бердышев вытащил пачку сигарет и, предложив майору, закурил сам. Майор взял, сжал пальцами белую гильзочку «русского стиля», и, поместив ее между губ, щелкнул зажигалкой.

— Глупо как-то все, — проговорил Бердышев, выдыхая струйку дыма. — Он что-то говорит, а мы молчим, как идиоты. Еще не хватало, чтобы они нас по-настоящему за идиотов посчитали.

Майор усмехнулся.

— А как вы хотели? Это вам не в фантастических рассказах, только прилетели, и сразу: здравствуйте Земляне, мы с альфы Центавра, хотели бы с вами дружить.

Бердышев тоже хмыкнул.

— Да-а, все не так просто, как в книжках и кино. А ты заметил, что речь у них почти как наша? Если на ихнем разговаривать, то и язык особо ломать не надо.

— Да, есть такое, — согласился майор.

Бердышев бросил окурок на линолеум коридора и растер его подошвой ботинка.

— Ну что? Нужно идти туда и стоять, — то ли спросил, то ли констатировал он и открыл дверь в комнату для отдыха. Лучшего места для временного размещения пришельцев они пока не придумали. Майор затушил сигарету пальцами и положил в карман. Они молча вернулись обратно.

Говоривший пришелец уже молчал. Все трое внимательно смотрели на рассказывающего им о Земле лейтенанта.

— Черт! — буркнул Бердышев — Майор, ну-ка быстро заткни этого придурка. Я его козла в стройбат отправлю.

Майор ринулся к лейтенанту, и грубо схватил его за локоть.

— Заткнись, придурок, — прошипел он ему в самое ухо.

Лейтенант обернулся и недоуменно уставился на майора.

— А что такого? — спросил он, испуганно захлопав глазами — Я им просто историю Земли рассказываю. Как она формировалась.

— Ты баран, в стройбате будешь дальше служить, ты понял? — пугающим шепотом выдохнул прямо ему в лицо майор.

Лейтенант потупил глаза и торопливо ретировался в дальний угол. Майор вернулся к Бердышеву.

— И откуда такие болваны у нас? — спросил Бердышев — У нас тут что, обычная мотострелковая часть, что ли?

Правительственный кортеж подъехал почти к самому самолету. Президент выбрался из автомобиля и, окруженный охранниками, зашагал к трапу. Справа от него бежал советник.

— В посольства уже сообщили. Они работают. У нас тоже все правоохранительные структуры занялись проблемой. Командующие ракетными войсками стратегического назначения ждут ваших указаний. Боевая готовность номер один.

— Хорошо, хорошо, — президент кивал головой в такт шагам. — Но информация не должна просочиться не только к ним, но и к журналистам о них. Нам абсолютно не нужно, чтобы кто-то об этом знал. Только военные. Только верхи. Иначе начнется такая заваруха...

— Само собой, — громко говорил советник, с трудом поспевая за уверенным шагом президента. — Этим журналюгам дай мелкий повод, так они... А здесь, целое пришествие.

Президент легко поднялся по трапу и скрылся в салоне самолета. Вслед за ним в салоне, один за другим, стала скрываться охрана и всевозможные советники.

Когда последний из них вошел в самолет, трап медленно отъехал, и дверь, поднявшись вверх, плотно прижалась к арке входа.

Борт номер один, вырулив на взлетную полосу, остановился, и на месте набрав обороты, резко ускоряясь, рванул вперед. Метров через двести переднее шасси оторвалось от асфальта. За минуту до этого, с военного аэродром, расположенного в сорока километрах от Внуково, поднялись в воздух две тридцатых СУшки.

Часа через полтора самолет приземлился на взлетную полосу, находящуюся на территории закрытой зоны Плесецкого космодрома. Президент ступил на землю и заморожено посмотрел на корабль инопланетян. Тот был размером с хрущевскую пятиэтажку. Черного цвета, без каких-либо иллюминаторов, он походил на огромное животное. Президент невольно поежился. Да. Эти ребята чертовски опасны, и если они вдруг решат, что...

— Господин президент, — перебил его размышления советник по вопросам безопасности. — Нам лучше уйти отсюда в здание. От этой махины наверняка исходят вредные излучения.

— Да-да, — быстро сказал президент.

Из здания вышел Бердышев и заспешил к главнокомандующему.

— Добрый день, — заговорил он громко издалека. — Мы вас уже ждали. Совсем не знаем, что делать?

Президент подошел к Бердышеву, пожал ему руку.

— Ну, ведите нас к своим зеленым человечкам, — натянуто улыбнулся он. — А они и вправду зеленые?

— Вправду, — ответил Бердышев. — Только не человечки. Под два с половиной метра ростом.

Вся делегация поспешила к зданию.

— Один из них что-то говорил, но мы естественно ничего не поняли. Нужно направить сюда лучших лингвистов и языковедов, пусть начинают с ними работать, — докладывал Бердышев, шагая рядом с президентом по коридору. — Как там насчет проблемы, о которой я вам говорил?

— Все уже решается, — ответил президент. — Но мы не можем сделать так, чтобы об этом молчали все, это невозможно. Есть один способ, это держать их пока здесь. Может, они и не захотят ничего узнавать о нашей планете. Побудут здесь немного, да и улетят себе восвояси.

— Лингвисты, лингвисты нужны, — возбужденно продолжал Бердышев. — Иначе мы никогда не узнаем, зачем они прилетели. А может они уже знают? — спросил вдруг Бердышев, остановившись. — Мы же в космос спутник отправили с полной информацией!

Президент тоже остановился и посмотрел на генерал-майора.

— Будем надеяться, что нет, — проговорил он задумчиво. — Да и вообще, может, они и не обратят на это никакого внимания.

— Может, они уже требуют, — медленно произнес Бердышев, посмотрев в глаза президенту. — Откуда мы знаем, что он там целых десять минут говорил?

Они еще с секунду посмотрели друг другу в глаза, и быстро зашагали к комнате отдыха.

Президент вошел в комнату, бросив охране, чтобы те оставались в коридоре. Вслед за ним вошли Бердышев и советник по вопросам безопасности. Они втроем посмотрели на пришельцев. Пришельцы заинтересованно уставились на них.

«Да они похожи, очень похожи, — подумал президент. — Только меньше, и на двух ногах. Больше похожи на этих, как же их?»

Он взял Бердышева под локоть.

— Мы постараемся сделать все возможное, чтобы они ничего не узнали, — проговорил он шепотом и, развернувшись, вышел.

Президент зашагал по коридору к выходу. Охрана молча последовала за ним вдоль стен.

«Нечего мне сейчас тут делать? Пусть работают лингвисты, шифровщики. Пусть разбираются в их языке, пусть учат их и учатся сами», — размышлял он.

Вслед за ним из комнаты выскочил советник по вопросам безопасности, и недоуменно засеменил следом.

— Вспомнил, как их, — президент щелкнул пальцами. — Диплодоки. Да, больше всего они похожи на диплодоков. Такие же длинные, дурацкие шеи. Сколько там лет назад динозавры жили? — спросил он у поравнявшегося с ним советника.

— Точно не помню, — советник виновато улыбнулся. — Несколько десятков миллионов лет, по-моему. А может и сотен. — Тут советник округлил глаза.

«Да, много, — напряженно думал президент. — А мы сколько? Тысяч сто? Двести? Генерал-майор прав. Да-да. Нежданные гости. Вдруг им и вправду придет в их динозавровые головы заявить свои права на Землю, когда они узнают, что миллионы лет она принадлежала таким же, как они. А с их технологиями эта заявка окажется очень серьезной. Нужно, чтобы эта информация никогда до них не дошла. Придется археологам и Спилбергу забыть о своих работах. Хотя, эти их долбаные динозавры сами виноваты, слабыми оказались, вот и вымерли. А мы, люди, здесь абсолютно не причем. Мы просто идем вперед. Эволюционируем...»

Об авторе

Родился в городе Невинномысске в 1978 году. Закончил Невинномысский энерготехникум Поэт, писатель, работающий в жанре нереалистической прозы. Печатался в газете «Массараки! Мир наизнанку», фэнзине «Шалтай-Болтай», журналах «Полдень 21 век», «Наука и Жизнь», «Порог», «Искатель (Москва)», «Искатель (Чикаго)», «Магия ПК», «Супертриллер», «Веси», «Тьма», «Техника Молодежи», «Уральский следопыт», «Чудеса и приключения», «Очевидное и невероятное», «Мир Фантастики». В № 2 за 2012 год «Знание-сила: Фантастика» напечатан рассказ «Идущие на смерть». Романы и серии романов на данный момент издаются в издательстве «Альфа-Книга».

Любителям научной фантастики

Предыдущие выпуски литературного приложения «Знание – сила: Фантастика» можно приобрести в редакции журнала «Знание – сила».

Адрес редакции: Москва, Кожевническая ул., дом 19, стр. 6

Литературный магазин

В наших Интернет-магазинах Вы можете приобрести книги по ценам издательства без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.
(495) 971 79 25

Адрес эл. почты:
stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»:

Юридический адрес:

109193, г. Москва,
ул. 5-я Кожуховская, д.13

ИНН / КПП:

7723339052 / 772301001

БИК:

044525219

Банк:

ОАО «Банк Москвы» г. Москва

Расчетный счет:

40702810800670000380

Корр. Счет:

30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — *Степанов Е. В.*